

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 19.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Рѣчь къ воспитанникамъ Сумскаго реального училища, по освященіи въ немъ храма 5 октября. Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія	335—342
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	348—367
Спиритизмъ (продолженіе). Свящ. Т. Буткевича	368—400

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи. П. Линицкаго	341—354
Изъ исторіи греческой этики. Литературно-философскіе очерки (окончаніе). А. Деревницкаго	355—374
М. Т. Цицерона „Тускуланскія бесѣды“ къ М. Бруту (кн. 2-я) (продолженіе). Ф. Садова	375—489

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Отъ совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА НЕ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Ивженская, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. П. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

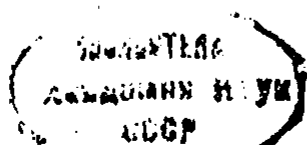
Пістєтє всоѡмєн.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 15 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

РѢЧЬ

Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго

къ

воспитанникамъ Сумскаго реального училища, по освященіи въ немъ
храма 5 октября:

Любезные юноши!

Для васъ устроенъ и освященъ этотъ прекрасный храмъ; къ вамъ я обращаю и слово мое по поводу этого радостнаго событія.

Присутствіе христіанскаго храма въ учебномъ заведеніи даетъ понятіе о христіанскомъ воспитаніи учащагося въ немъ юношества. Да и какое можетъ быть иное воспитаніе въ христіанскомъ государствѣ, а тѣмъ болѣе въ нашемъ православномъ отечествѣ, въ которомъ вся жизнь и сила созданы вѣрою и христіанскими подвигами нашихъ предковъ? Это такъ, и никто изъ благомыслящихъ людей объ этомъ не будетъ спорить. Но иное дѣло имѣть убѣжденіе въ истинѣ, и иное осуществлять ее въ жизни. И надобно признаться, что мы, если видимымъ образомъ и преуспѣваемъ въ пріобрѣтеніи научныхъ знаній, то еще болѣе видимо слабѣемъ въ христіанской жизни и добрыхъ нравахъ. Этому не должны скрывать отъ себя и юноши, еще имѣющіе время по-

править недостатки воспитанія, отъ которыхъ страдаютъ ихъ предшественники.

Вы спросите: что-же мы въ этомъ можемъ сдѣлать? Отвѣчаемъ: вы, именно вы, и только вы сами съ помощію наставниковъ, можете стать на истинный путь христіанскаго воспитанія. принявъ къ сердцу тѣ основанія и правила, на которыхъ оно утверждается. Если въ наукѣ и при отличныхъ наставникахъ и при широкихъ курсахъ нельзя преуспѣвать безъ собственнаго прилежанія, то тѣмъ болѣе нельзя вамъ и при полныхъ урокахъ Закона Божія сложиться внутренно въ добрыхъ людей и гражданъ безъ усиленнаго труда въ духовномъ самоисправленіи и самоусовершенствованіи. Если нельзя привить къ душѣ юноши познаній, пріемлемыхъ только умомъ, безъ собственныхъ упражненій, то тѣмъ болѣе нельзя направить къ совершенству всего духа, — ума, сердца и свободы безъ собственныхъ усилій въ устроеніи себя по идеалу истиннаго человѣческаго совершенства, начертанному въ христіанскомъ ученіи.

Итакъ, христіанское воспитаніе точнѣе можно назвать *самовоспитаніемъ*. Только самъ человѣкъ, какъ существо свободное, самообладающее, во внутренней жизни сокровенное, для наблюденій со стороны мало доступное, можетъ вести внутри себя эту трудную работу самоусовершенствованія. Успѣхи и недостатки знанія въ наукахъ провѣряются экзаменами. но тайныя расположенія сердца, но зарождающіеся въ глубинѣ души пороки и страсти, которыя прорываются наружу большею частію уже тогда, когда онѣ трудно исправимы, — ни для кого невидимы, по слову Апостола: „кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“ (1 Кор. 2, 11).

Поэтому теперь начинайте и съ усиліемъ изучайте и примѣняйте къ дѣлу эту трудную науку самовоспи-

танія, которая составляетъ задачу всей вашей жизни, — отъ юности до старости, и наконецъ до того страшнаго испытанія, которое предстоить всѣмъ намъ на судѣ Божіемъ и рѣшить на вѣки нашу участь.

Для успѣшнаго исполненія этой великой задачи прежде всего утвердите въ умахъ своихъ убѣжденіе, что только христіанское міросозерпаніе, т. е. христіанскія понятія о Виновникѣ нашего бытія, о мірѣ, о цѣли нашей жизни, о нашихъ духовныхъ потребностяхъ, о нашихъ нравственныхъ законахъ и обязанностяхъ, — только эти понятія указываютъ намъ прямой путь къ нравственному совершенству. Не вѣрьте никому, что человѣческая наука можетъ открыть и уравнять намъ этотъ путь. Древніе философы думали больше насъ, искали пути къ счастію и совершенству усерднѣе чѣмъ мы, и доходили до отчаянія отъ невозможности познать истину безъ откровенія свыше. Потому намъ, обладателямъ божественнаго откровенія, нельзя безнаказанно отречься отъ него: вѣчное блужданіе умовъ, безвыходныя противорѣчія, самыя грубыя заблужденія, а за ними пороки и бѣдствія постигнуть, и уже постигаютъ, и нашъ христіанскій міръ, какъ было съ міромъ языческимъ, если отречемся отъ *Единого нашего Учителя-Христа* (Мѡ. 23, 8). Присмотритесь къ жизни: уже и теперь вы своими глазами можете видѣть опытные доказательства того, какъ гибнетъ молодость, отдавшая себя на нравственное разграбленіе ложнымъ ученіямъ и лживымъ учителямъ.

Потомъ усвойте себѣ убѣжденіе, что начальныхъ уроковъ въ богопознаніи и благочестіи, которыми большинство нашихъ образованныхъ людей пробавляется всю свою жизнь, мало для пріобрѣтенія христіанскаго міровоззрѣнія, что христіанская наука безгранична, какъ сама божественная жизнь, къ общенію съ кото-

рой призванъ духъ человѣческой. Наука исправленія и врачеванія грѣшныхъ душъ человѣческихъ сложнѣе, обширнѣе и труднѣе всѣхъ наукъ естественныхъ; изученіе себя и исправленіе своихъ недостатковъ подъ ея руководствомъ есть непрестанная, трудная, хотя вмѣстѣ и питательная и утѣшительная работа. Итакъ, положивъ здѣсь начало, приобрѣтите вкусъ и любовь къ христіанской наукѣ; изучайте ее по библіи, твореніямъ великихъ христіанскихъ писателей, по исторіи вѣры и Церкви Божіей во всѣхъ вѣкахъ; полюбите христіанскую литературу по предметамъ обширную, по содержанію глубокую, по вліянію на развитіе ума незамѣнимую. Ее у насъ свѣтски образованные люди не цѣнятъ, потому что не знаютъ, и не понимаютъ ея великаго значенія; между тѣмъ какъ только въ связи съ нею и всѣ человѣческія науки получаютъ то особое освѣщеніе, тотъ особый высшій смыслъ и значеніе, по которому и свѣдѣнія, необходимыя только для земной жизни, обращаются въ пособіе къ богопознанію и нравственному самоусовершенствованію.

Далѣе.—проводите съ помощію самонаблюденія въ своемъ сознаніи глубокую и ясную черту, раздѣляющую въ вашей душѣ двѣ стороны, — добрую и худую, или какъ говоритъ Слово Божіе, *ветхаго и новаго чловѣка*, но не смѣшивайте одной стороны съ другою. Не вѣрьте ученію утверждающему, что наши недостатки и пороки принадлежатъ намъ отъ самаго созданія, что чловѣкъ сотворенъ съ ними, что паденія чловѣка, разстроившаго его природу, не было. Это ложь наиболѣе опасная, такъ какъ она узаконяетъ беззаконія, освобождаетъ чловѣка отъ отвѣтственности за преступленія, и обращаетъ не только личную, но и общественную жизнь въ то страшное смѣшеніе добра и зла, которое составляло неразрѣшимую загадку и неисправимое не-

счастіе человѣчества до христіанства. Какъ наблюдатели собственной внутренней жизни, съ тою бдительностію, какой требуетъ отъ насъ христіанское ученіе, слѣдите за своими помыслами, ощущеніями и желаніями, — и сама совѣсть ваша скажетъ, что исходитъ, какъ сказалъ Господь, изъ поврежденнаго грѣхомъ сердца нашего (Мѡ. 15, 19) и что изъ высшей духовной области, озаряемой благодатію Божіею, и изъ стремленій нашего внутренняго новаго, возрожденнаго человѣка, „созданнаго по Богу въ праведности и святости истины“. (Ефес. 4, 24). Ваша собственная совѣсть оцѣнитъ и осудитъ все злое, возникающее въ васъ, и ваше собственное сердце съ радостію будетъ встрѣчать все доброе, раждающееся въ вашихъ помыслахъ и желаніяхъ. Перенесите все ваше сочувствіе, все ваше вниманіе къ этой свѣтлой сторонѣ вашего духа, и съ усиліемъ отвергая все злое, возбуждая и питая въ себѣ все доброе, воздыхайте ко Господу непрестанно о помощи въ этой тяжелой борьбѣ со зломъ, живущимъ въ насъ самихъ, и обступающимъ насъ отовсюду въ видѣ смущеній и соблазновъ во всю нашу жизнь. Недостатокъ этой бдительности и борьбы называется въ Словѣ Божіемъ, какъ вы сами знаете, нравственнымъ сномъ, во время котораго врагъ всѣваетъ въ душѣ нашей плевелы среди пшеницы, а совершенное отсутствіе и отрицаніе этой бдительности равносильно добровольному преданію себя во власть зла, и ведетъ къ той духовной смерти, въ которой, по слову Спасителя, человѣкъ, какъ мертвый трупъ, становится безчувственнымъ ко всѣмъ вліяніямъ и внушеніямъ истины и Божіей благодати. Это и есть прямое послѣдствіе тѣхъ ложныхъ ученій, которыя, отрицая нашу духовную жизнь и паденіе человѣка, представляютъ его по самой его природѣ дикимъ животнымъ, съ необузданными стремленіями, хищниче-

скими желаніями и ненасытною жаждою порочныхъ наслажденій.

Наконецъ, со всевозможною заботливостію воспитывайте и укрѣпляйте въ себѣ силу воли, которая, какъ нынѣ изобрѣтенный *винтъ* въ кораблѣ, движетъ нашу душу во всѣхъ направленіяхъ. Вы знаете, что когда этотъ механизмъ въ исправности, корабль идетъ быстро, а когда поврежденъ, или сломанъ, корабль останавливается и становится жертвой бурь и волненій. Тоже бываетъ и съ душою нашею при поврежденіи нашей свободной воли. Слабость воли есть великій недостатокъ нашихъ современныхъ молодыхъ поколѣній: всё имъ тяжело, всё для нихъ трудно; вездѣ они ищутъ перемѣнъ, облегченія, удобствъ, нѣги и покоя, такъ что и самая жизнь, когда она соединена съ трудомъ и лишеніями, становится для нихъ въ тягость. Между тѣмъ опытъ говоритъ, что дѣятельность, трудъ, борьба,—это и есть истинная жизнь человѣка, а побѣда и есть истинная его радость и счастье. Въ борьбѣ растетъ нашъ духъ, въ преодоленіи препятствій торжествуетъ. Эта борьба, соединяемая съ торжествомъ побѣды, и есть зачатокъ истиннаго блаженства нашего духа, которое предназначено ему въ вѣчной жизни, гдѣ обѣтованный покой будетъ состоять не въ бездѣйствіи, а въ легкомъ, свободномъ отъ земныхъ препятствій, но непрерывномъ дѣятельномъ восхожденіи къ совершенству и счастью. Способность къ этой блаженной жизни и пріобрѣтается здѣсь на землѣ единственно возрастаніемъ и укрѣпленіемъ нашего духа сначала въ побѣдѣ надъ препятствіями къ добру, а потомъ въ усиленномъ воплощеніи въ себѣ самого добра полезною и богоугодною дѣятельностію, которая силою навыка обращается сначала въ любимую, а потомъ въ радостную и блаженную. Поэтому всякое дѣло великое и малое, — умствен-

ное, нравственное, житейское, лишь-бы оно было честное, — съ терпѣніемъ, выдержкою, съ нѣкоторымъ упорствомъ одолѣвайте и доводите до конца... Не говорите себѣ: это можно отложить, это неважно, — можно оставить. Это можно сдѣлать какъ нибудь. Эти внушенія, подкрадывающейся къ вамъ лѣности и небрежности, суть черви изгачивающіе самую, такъ сказать, сердцевину вашего духа, вашу свободную волю. Плоды, которыми питается духъ нашъ состоятъ главнымъ образомъ не въ томъ, что онъ добылъ, пріобрѣлъ, что имѣетъ, хотя-бы въ видѣ богатства, или почести, а въ томъ, что онъ самъ этого достигъ, что онъ всё преодолѣлъ, что не изнемогъ на пути, что онъ на своемъ поприщѣ — побѣдитель. Поэтому трудолюбивый земледѣлецъ въ своемъ черномъ трудѣ часто имѣетъ большій нравственный успѣхъ, чѣмъ высокостоящій, но лѣнивый и вялый общественный дѣятель; поэтому и энергическій, ретивый и упорный въ дѣлѣ мальчикъ имѣетъ больше задатковъ нравственнаго успѣха, чѣмъ взрослый неустойчивый и небрежный человекъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ труды нашей земной жизни, — самые обыденные, неприглядные, смиренные имѣютъ для насъ великое нравственное значеніе, какъ школа для воспитанія энергіи и силы нашего духа. Это и значитъ во всякомъ земномъ дѣлѣ и пріобрѣтеніи, по слову Спасителя: „въ Бога богатѣть“ (Луки 12, 21), т. е. съ каждаго даже внѣшняго труда и вещественнаго стяжанія при благочестивомъ настроеніи собирать жатву для укрѣпленія силы нашей воли и возрастанія нашего духа. Замѣтьте опытъ вашей еще дѣтской жизни: когда вы больше счастливы, — уклонившись отъ предстоящаго вамъ труда, или отдыхая послѣ честной и упорной работы? Конечно въ послѣднемъ случаѣ. Вотъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о вашемъ свободномъ нравственномъ преуспѣянніи.

Благодарите Бога за дарованіе храма вашему заведенію, будьте признательны и къ жертвователю съ такою заботливостію и щедростію его украсившему*), и пользуйтесь богослуженіями и таинствами, въ храмѣ совершаемыми, какъ источниками высшихъ духовныхъ силъ для вашей нравственной жизни. Въ неопустительномъ посѣщеніи богослуженій пріобрѣтайте внутреннее чувство общенія вашего духа съ Богомъ; въ молитвахъ и таинствахъ ищите просвѣтлѣнія вашего ума, очищенія сердца и благодатной помощи въ вашихъ трудахъ и въ борьбѣ съ вашими недостатками и немощами; а въ благоговѣйномъ предстояніи предъ Богомъ съ собранностію мыслей, бодростію тѣла, покорностію церкви въ исполненіи ея уставовъ упражняйте вашу волю и свободу. Церковь даетъ намъ и начальныя и высшіе уроки нравственнаго самовоспитанія. Любите ее: она не напрасно называется нашею матерію.

*) Д. Ст. Сов. И. Г. Харитоненко.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Въ началѣ апрѣля, въ то время, когда союзники заняли уже всю Саксонію, Наполеонъ былъ съ своей стороны готовъ къ рѣшительному бою. „Я буду вести эту войну не какъ императоръ, а какъ генералъ Бонапарте!“ объявилъ онъ своимъ приближеннымъ ¹⁾. И дѣйствительно, ничто не могло сравниться съ быстротою и энергіею его дѣйствій. 3-го апрѣля въ часъ утра онъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу, а на другой день былъ уже въ Майнцѣ. Къ 12 апрѣля онъ сформировалъ уже окончательно свою армию, 16-го апрѣля онъ сѣлъ въ Веймарѣ на коня, а 17-го апрѣля стодвадцатитысячпныя массы его арміи двигались уже стройными рядами по долифтѣ рѣки Захлы къ Лейпцигу на встрѣчу русскимъ и пруссакамъ.

Рѣшительное столкновение было неизбежно. Неравенство силъ было довольно велико. Союзная армія, сосредоточенная подъ номинальнымъ начальствомъ графа Витгенштейна между Лейпцигомъ и Альтенбургомъ, состояла изъ 54 тысячъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 18.

¹⁾ Odeleben, Relation circonstanciée de la campagne de Saxe 1813 T. II, стр. 39.

русскихъ и 38 тысячъ пруссаковъ, она уступала, слѣдовательно, въ численности французамъ на 28,000 ч. За то въ нѣкоторыхъ родахъ оружія перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ. Почти вся наполеоновская армія состояла изъ пѣхоты. Конницы при ней было всего лишь 8,000 человекъ, а число орудій доходило только до 230. Русскіе и пруссаки имѣли въ своемъ распоряженіи 20,000 превосходной кавалеріи, а ихъ артиллерія насчитывала въ себѣ 440 орудій. Императоръ французовъ старался подать видъ, что онъ не придаетъ никакого значенія этимъ преимуществамъ союзниковъ. „Мы будемъ драться, какъ въ Египтѣ“, говоритъ онъ передъ самымъ сраженіемъ; „у насъ пѣтъ кавалеріи, но французская пѣхота съ артиллеріею сумѣютъ справиться съ неприятелемъ“ ¹⁾. Убѣжденный, какъ и всегда, въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, императоръ былъ увѣренъ, что союзники не осмѣлятся напасть на него первые, и что инициатива въ военныхъ операціяхъ будетъ принадлежать и на этотъ разъ ему. Его презрѣніе къ неприятелю было такъ велико, что подвигаясь къ Лейпцигу, онъ растянулъ свою армію на пространствѣ между Мерзебургомъ и Йеною на шестьдесятъ верстъ ²⁾. Союзники рѣшились съ своей стороны воспользоваться такою ошибкою Наполеона, атаковать его армію на походѣ при Люценѣ и уничтожить ее по частямъ.

Въ первую минуту Наполеонъ былъ видимо озадаченъ такою неожиданною отвагою союзниковъ. Уже тутъ онъ смутно началъ сознавать, что враги его относятся къ нему далеко не попрежнему, что русская кампанія убила разъ навсегда его прежнее обаяніе. Если-бы союзники исполнили свой планъ съ достаточною энергіею и быстротою, то Наполеона могла-бы постигнуть настоящая катастрофа. Въ началѣ боя въ его распоряженіи былъ всего лишь одинъ корпусъ Нея, остальные войска могли подоспѣть лишь чрезъ нѣсколько часовъ. Русскіе и пруссаки съ самаго начала бро-

¹⁾ Fain, manuscrit de 1813, T. I, стр. 348.

²⁾ Waudoncourt, Histoire de la guerre soutenue par les Français en Allemagne en 1813 стр. 68.

сились съ такимъ увлеченіемъ въ огонь, натискъ ихъ былъ такъ силенъ, что Наполеонъ сталъ серьезно опасаться за исходъ боя. Ему нечего было, однако-же, бояться. Наблюдая за ходомъ боя, онъ не замедлилъ убѣдиться, что движеніями непріятельскихъ массъ руководила какая-то неумѣлая и неопытная рука. Съ видимымъ удовольствіемъ замѣчалъ онъ, что союзные генералы не умѣютъ пользоваться несравненнымъ духомъ своихъ войскъ. Онъ видѣлъ, что громадныя массы русско-прусской конницы не принимали никакого участія въ атакахъ, но, выдвинутыя въ линію огня, теряли отъ французскихъ снарядовъ массу людей и лошадей. Онъ замѣчалъ, что непріятельская пѣхота предпринимала свои яростныя нападенія на деревни, занятыя войсками Нея, не корпусами и дивизіями, а бригадами и полками, и бесполезно истощала свои силы въ этихъ одиночныхъ нападеніяхъ. Наполеонъ понялъ, что у союзниковъ нѣтъ настоящаго главнокомандующаго, и его прежняя самоувѣренность мгновенно возвратилась къ нему.

Положеніе дѣлъ въ главной квартирѣ русско-прусской арміи было, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно оригинальное. Князь Кутузовъ Смоленскій считался и въ день битвы при Люценѣ главнокомандующимъ союзныхъ силъ, но онъ не былъ уже въ то время въ живыхъ. Герой отечественной войны довелъ свою побѣдопосную рать лишь до Бунцлау въ Лузаціи. Тяжелые труды и лишенія зимней кампаніи окончательно разстроили его здоровье, а присоединившаяся простуда покончила его славные дни ¹⁾. Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о кончинѣ фельдмаршала за день до битвы при Люценѣ, но онъ приказалъ скрыть роковую вѣсть отъ войскъ, опасаясь привести ихъ въ уныніе. Графъ Витгенштейнъ, занимавшій временно мѣсто Кутузова,

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ приказалъ воздвигнуть въ Бунцлау обелискъ съ надписью: „До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество и открылъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя“. Богдановичъ, исторія императора Александра I-го, Т. IV, стр. 31.

считался главнокомандующимъ союзныхъ армій и въ день битвы при Люценѣ, но онъ не пользовался настоящимъ авторитетомъ, и былъ скорѣе номинальнымъ, нежели дѣйствительнымъ вождемъ. Онъ вовсе не предполагалъ давать сраженія подъ Люценомъ, но хотѣлъ сосредоточить армию у Вурцена и атаковать Наполеона у самаго Лейпцига. Императоръ Александръ отвергнулъ, однако-же, этотъ планъ, находя, что дѣйствуя такимъ образомъ, мы подверглись-бы опасности потерять сообщенія съ Силезіею, гдѣ находились главные источники нашихъ средствъ и съ Австріею, которая склонялась уже тогда на сторону союзниковъ ¹⁾. Принужденный, вопреки своему мнѣнію, сосредоточить войска между Лейпцигомъ и Борною, графъ Витгенштейнъ поручилъ составленіе диспозиціи предстоящаго боя своему генералъ-квартирмейстеру Дибичу. Дибичъ, человекъ безспорно умный, но скорѣе теоретикъ, нежели практикъ, положилъ въ основѣ своего плана идею, несомнѣнно здравую, атаковать непріятеля на походѣ, воспользовавшись растянутостью его линіи; но онъ задался въ то-же время невыполнимымъ желаніемъ руководить начальниковъ войскъ во всѣхъ подробностяхъ и написалъ диспозицію, напоминавшую какъ двѣ капли воды печальной памяти диспозицію Вейротера въ день Аустерлицкаго погрома ²⁾.

Въ самый день битвы у союзниковъ былъ не одинъ, а нѣсколько главнокомандующихъ и ихъ распоряженія, какъ и слѣдовало ожидать, противорѣчили другъ другу и сбивались съ толку начальниковъ частей. „Государь приказывалъ, говоритъ очевидецъ ³⁾, Витгенштейнъ приказывалъ, какъ нареченный главнокомандующій; князь Волконскій приказывалъ, какъ начальникъ главнаго штаба всѣхъ нашихъ армій; Ди-

¹⁾ См. Беригарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 443—444.; Богдановичъ, исторія императора Александра, Т. IV, стр. 43.

²⁾ Нельзя не удивляться такому факту, тѣмъ болѣе, что Дибичъ давно уже былъ главнымъ руководящимъ лицомъ въ главной квартирѣ Витгенштейна и былъ, повидимому, опытенъ въ распоряженіи большими массами воиска. Беригарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 445.

³⁾ Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ. См. „Русскій Архивъ“, 1885 г. кн. 12, стр. 466.

бичъ приказывалъ, какъ генераль-квартирмейстеръ Витгенштейна; Толь приказывалъ по званію, которое передъ тѣмъ носилъ при Кутузовѣ; прусскій король приказывалъ, какъ король; главнокомандующій его приказывалъ, какъ начальникъ надъ прусскими войсками. Приказанія часто перечили одно другому; случилось, что и флигель-адъютанты приказывали. Видя безпорядокъ, корпусные командиры стали сами распоряжаться, такъ что всѣ приказывали, при совершенномъ отсутствіи общей команды“ ¹⁾).

Такая страшная безурядица могла-бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если-бы союзныя войска не были одушевлены въ этотъ день неслыханно геройскимъ духомъ. Пруссаки, давно уже горѣвшіе желаніемъ смыть въ крови враговъ позоръ Уены и Ауэрштедта, ринулись въ бой съ мужествомъ отчаянія. Имъ предстояло взять съ боя деревни: Рану, Каію, Клейвъ-Гершенъ и Гросъ-Гершенъ, находившіяся въ самомъ центрѣ непріятельской позиціи и занятія отборными войсками маршала Нея.

„Пруссаки, говоритъ очевидецъ, храбро ворвались въ селенія и завели ружейную перестрѣлку, какой я и подъ Бородинымъ не слышалъ. Французы упорно защищались; нѣсколько разъ селенія были нами взяты и уступлены. Прусскіе вольнослужащіе егеря отличались храбростью и ловкостью. Мальчики эти смѣло лѣзли впередъ и не выпускали выстрѣловъ даромъ. Тутъ легло много пруссаковъ. Ожесточеніе сражающихся возростало съ каждою минутою. Многіе пруссаки,

¹⁾ „Плана“, сказано въ подлинникѣ, но мы знаемъ, что планъ былъ. Муравьевъ замѣчаетъ далѣе: „полковникъ Толь былъ всѣхъ дѣльнѣе. Его это такъ огорчило, что онъ занемогъ во время сраженія, легъ за курганомъ и былъ нѣсколько времени безъ чувствъ; его трясла сильная лихорадка. Толь бѣшенъ, золъ, горячъ, но распорядителенъ, храбръ и опытенъ. Выкричавъ послѣднія свои силы, онъ поневолѣ замолчалъ“. Изъ записокъ Толя мы узнаемъ, что онъ заболѣлъ еще до сраженія, но тѣмъ не менѣе явился на поле битвы. Онъ былъ подъ Гросъ-Гершеномъ, гдѣ кипѣла самая ужасная битва, наблюдалъ затѣмъ за ходомъ сраженія по всей линіи, но чувствуя себя крайне слабымъ, отъѣхалъ къ государямъ, стоявшимъ позади нашихъ линій. Здѣсь лихорадка Толя такъ усилилась, что онъ принужденъ былъ лечь на траву и провелъ время до конца боя, не принимая участія въ руководствѣ сраженіемъ. Бернгарди, Т, II, стр. 446.

будучи ранены, перевязавшись, закуривали трубку и снова возвращались въ огонь. Жены нѣкоторыхъ солдатъ, исправлявшія въ полкахъ должность маркитантокъ, ходили съ ними въ огонь и подкрѣпляли людей водкою. Жители окрестностей, выйдя въ полѣ съ припасами и бинтами, сами кормили и перевязывали раненыхъ. Я видѣлъ одного раненаго прусскаго офицера, возвращавшагося изъ Гросъ-Гершена. Онъ едва держался верхомъ на лошади; лошадь его вели подъ усдцы; въ туловищѣ его сидѣло семь французскихъ пуль. Разговаривая съ королемъ своимъ и товарищами, окружавшими его, онъ не показывалъ ни малѣйшаго упадка духа“ ¹⁾).

Солнце склонялось уже къ западу и побѣда видимо переходила на сторону союзниковъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили оба монарха, находившіеся на пригоркѣ позади нашихъ линій, за кровавыми колебаніями боя. Александръ, замѣчая утомленіе пруссаковъ, приказалъ нашему гренадерскому корпусу поддержать ихъ. Передъ дружнымъ натискомъ союзныхъ колоннъ—французы принуждены были оставить шлеяющія деревни. Быстро подвигались впередъ наши линіи. Радость выражалась на лицахъ государя и прусскаго короля. Александръ, увлеченный пыломъ битвы, оставилъ бугоръ и поскакалъ въ линію огня. „Я тогда въ первый разъ“, говоритъ очевидецъ, „видѣлъ царя нашего въ огнѣ. Какъ былъ онъ величественъ, хладнокровенъ и прекрасенъ. Пріятная улыбка на губахъ его среди визга пуль, утѣшала всѣхъ окружающихъ“ ²⁾).

Но дѣло было еще не кончено. Вечеромъ къ Наполеону подошли сильныя подкрѣпленія и, не теряя ни минуты времени, онъ двинулъ на деревни, занятыя союзниками, 25000 свѣжаго войска. При страшномъ громѣ восьмидесяти орудій

¹⁾ Изъ записокъ Н. Н. Муравьева, „Русскій Архивъ“, 1885 г. кн. 12, стр. 464. Другіе источники какъ русскіе, такъ и иностранные единогласно свидѣтельствуютъ о свирѣпомъ мужествѣ пруссаковъ въ день Люценскаго боя. Потери пруссаковъ въ этотъ день въ нѣсколько разъ превосходили потери русскихъ.

²⁾ Записки Н. Н. Муравьева, „Русскій Архивъ“, 1885 г. к. 12, стр. 465 „И имѣлъ случай удостовѣриться, что слава, несущаяся объ его храбрости, не ложная“.

бросились на деревню Каю 16 баталіоновъ молодой гвардіи, за ними двигались бѣглымъ шагомъ колонны старой гвардіи. Самъ Наполеонъ прискакалъ на мѣсто боя, и его присутствіе, его слова оживили мужество истомленныхъ конскриптовъ. Послѣ страшной свалки пруссаки и русскіе принуждены были уступить французамъ пылающія на всѣхъ концахъ деревни: Каю, Рану и Клейнъ-Гершенъ. Атаки наполеоновской гвардіи обратились затѣмъ противъ селенія Гросъ-Гершена; но всѣ ихъ усилія разбились о желѣзную стойкость прусскихъ волонтеровъ и нашихъ гренадеровъ, засѣвшихъ въ обгорѣлыхъ избахъ и дворахъ деревни. Между тѣмъ и на нашемъ правомъ флангѣ ¹⁾ показали значительныя непріятельскія массы. Деревни Эйсдорфъ и Киценъ, заняты нашими войсками, перешли послѣ ожесточеннаго боя въ руки французовъ. На лѣвомъ флангѣ со стороны Вейсенфельса непріятель также показывался въ значительныхъ силахъ ²⁾. Всѣ его корпуса, подходившіе съ различныхъ сторонъ, постепенно вступали въ дѣло. Обширныя, волнообразныя равнины передъ нашимъ фронтомъ покрывались, какъ бы по маговенію волшебства, движущимися стальными колоннами. Наступила темнота и полилъ дождь, но страшный гулъ палбы не прерывался ни на минуту. Ружейный огонь блисталъ во мракѣ ночи, какъ непрерывная молнія. Страшный беспорядокъ господствовалъ въ тылу союзной арміи. Толпы раненыхъ и бѣгущихъ покрывали всѣ дороги. Люди, попадавшіе въ этотъ хаосъ, могли думать, что все погибло окончательно. Но главныя массы русскихъ и пруссаковъ съ неслыханнымъ геройствомъ продолжали удерживать свои позиціи. Непріятель успѣлъ завладѣть лишь нѣсколькими деревнями, но ему не досталось никакихъ трофеевъ, онъ не

¹⁾ „Мы торжествовали, отбили непріятеля, селенія были нами заняты и мы подвигались; но при началѣ сумерокъ, когда огонь сталъ прерываться, вниманіе государя было внезапно обращено къ правому флангу частыми залпами и сильною бѣглою палбою“. Записки П. Н. Муравьева, стр. 465.

²⁾ Приближеніе большихъ непріятельскихъ силъ со стороны Вейсенфельса замѣчено было еще въ началѣ сраженія П. Н. Муравьевымъ, отправленнымъ на развѣдку.

взялъ, ни пушекъ, ни плѣнныхъ ¹⁾). Настроеніе солдатъ было самое мужественное и восторженное. Ни русскіе, ни пруссаки не хотѣли и слышать объ отступленіи; всѣ были увѣрены въ несомнѣнной побѣдѣ. Уже ночью Блюхеръ, съ разрѣшеніи Витгенштейна, рѣшился произвести новое нападеніе на непріятеля. Одиннадцать эскадроновъ прусской конницы пробрались лѣвѣе Раны въ тылъ французамъ, проскакали между баталіонами старой гвардіи, врубились въ нѣсколько кареевъ, и навели такую тревогу на непріятеля, что французская пѣхота, не смотря на свое страшное истомленіе, принуждена была стоять подъ ружьемъ до самого разсвѣта.

Положеніе дѣлъ было, однако-же, критическое. Французскія войска въ концѣ боя занимали линію, охватывавшую расположеніе союзниковъ съ обоихъ фланговъ. Поздно вечеромъ пришло извѣстіе, что корпусъ генерала Лористона занялъ Лейпцигъ и угрожалъ союзникамъ обходомъ справа и отрѣзаніемъ отъ Эльбы. Армія Наполеона должна была усилиться на слѣдующій день 40,000 свѣжаго войска, тогда какъ пруссаки и русскіе могли притянуть къ себѣ лишь одинъ корпусъ Милорадовича, состоявшій изъ 12,000 ч. Предстояло рѣшить вопросъ: возможно-ли при такихъ условіяхъ возобновить сраженіе, какъ предполагалъ это первоначально графъ Витгенштейнъ. Военный совѣтъ, созванный на высотѣ близъ деревни Вербена, рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Оставалось увѣдомить объ этомъ рѣшеніи государей и испросить ихъ разрѣшенія. Трудную задачу эту взялъ на себя самъ графъ Витгенштейнъ. Онъ отправился сначала къ императору Александру. Государь, выслушавъ доводы военнаго совѣта, съ стѣсненнымъ сердцемъ далъ свое согласіе на отступленіе. Оставалось убѣдить еще Фридриха-Вильгельма. Александръ хорошо зналъ, какъ тяжело отзовется на королѣ эта вѣсть, онъ предчувствовалъ въ какое отчаяніе приведетъ его одна мысль объ отступленіи и рѣшился самъ переговорить съ своимъ другомъ. Приказавъ

¹⁾ Союзники взяли, напротивъ, пять орудій.

разбудить короля, онъ всячески старался убѣдить его въ необходимости отступить за Эльбу. Фридрихъ-Вильгельмъ не прекословилъ доводамъ императора; объятый горестію, полный страшныхъ предчувствій, онъ понималъ, что противиться необходимости было бесполезно. По уходѣ императора отчаяніе короля усилилось еще болѣе. Онъ подошелъ къ окну. Страшная, давно знакомая картина открылась передъ нимъ. Широкая улица деревушки была сплошь покрыта отступающими войсками. Беспорядокъ былъ невообразимый, пѣхота и конница перемѣшались. Среди сплошной массы пѣхотинцевъ и всадниковъ тѣснились съ трудомъ, пролагая себѣ путь, орудія, зарядные ящики, провіантскія фуры, телѣги съ ранеными. Ржаніе лошадей, трескъ ломающихся экипажей, крики солдатъ, стоны раненыхъ сливались въ дикій, безобразный гулъ. Король отвернулся съ ужасомъ отъ этой сцены. „Точь въ точь какъ при Ауэрштедтѣ“, сказалъ онъ съ горечью, отходя отъ окна.

Раннимъ утромъ король посѣтилъ раненаго генерала Шарнгорста. Реорганизаторъ прусской арміи первый ринулся накануне въ бой. Съ обнаженною саблею бросился онъ впереди своихъ войскъ на непріятельскія колонны, восклицая! „Да здравствуетъ король!“¹⁾ Изъ устъ раненаго героя услышалъ теперь Фридрихъ-Вильгельмъ слова утѣшенія и надежды. Онъ узналъ отъ него, что битва при Люценѣ не была вторымъ Ауэрштедтомъ. Король не долженъ смущаться кажущимся беспорядкомъ; онъ неизбеженъ послѣ cadaго большого сраженія. И въ непріятельскомъ лагерѣ происходятъ теперь, навѣрное, подобныя-же сцены. Важнѣе всего то, что союзныя войска устояли передъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятели, что они причинили французамъ большія потери, нежели понесенныя ими самими, что они не потеряли ни пушекъ, ни плѣнныхъ. Король не долженъ отчаяваться въ конечномъ успѣхѣ съ такими войсками. Онъ не долженъ сомнѣваться ни на минуту въ твердости своего

¹⁾ Ранке, Hardenberg etc. T. III, стр. 306. Шарнгорстъ умеръ чрезъ нѣсколько недѣль отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Люценской битвѣ.

союзника и друга, императора Александра. Пожаръ Москвы изгладилъ послѣдніе слѣды Тильзита ¹⁾.

Слова Шарнгорста произвели сильное впечатлѣніе на короля. Онъ вспомнилъ какимъ тяжелымъ ударамъ подвергся его царственный другъ и, гдѣ въ какомъ источникѣ обрѣлъ онъ утѣшеніе и миръ своей истерзанной душѣ. Надежда на помощь Всевышняго воспрянула въ немъ съ новою силою. Успокоенный, ободренный, поспѣшилъ онъ къ императору Александру. Молча, сосредоточенные, грустные подвигались оба монарха по дорогѣ къ Дрездену, но внутренней миръ наполнялъ уже ихъ души. Одна и таже мысль воодушевляла ихъ. „Нѣтъ, этого не можетъ быть! Всеблагій Господь не допуститъ до этого! Онъ спасетъ Германію и Европу, какъ спасъ онъ Россію! Онъ поможетъ намъ. онъ благословитъ геройскія усилія нашихъ народовъ! Но мы должны быть тверды въ вѣрѣ и надеждѣ!“ Король первый прервалъ молчаніе.

„Все это должно измѣниться“, сказалъ онъ своему спутнику. „Мы хотимъ и мы должны подвигаться на западъ, а между тѣмъ мы идемъ обратно на востокъ. Но если Господь, какъ я твердо надѣюсь, благословитъ наши соединенныя усилія, то мы должны будемъ исповѣдать передъ всѣмъ свѣтомъ, что Ему Единому подобаешь честь!“ Слова эти, сказанныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ, выражали лишь то самое убѣжденіе, коимъ была преисполнена душа Александра. Обѣтъ, который предлагалъ ему теперь его союзникъ, произнесенъ былъ давно имъ самимъ, и его вѣра въ помощь Всевышняго покоилась на незыблемомъ основаніи съ того момента, когда карающая и въ то же время милующая десница Провидѣнія явилась передъ нимъ во всемъ своемъ необъятномъ величій въ заревѣ московскихъ пожаровъ и въ кровавомъ судѣ надъ гордынею на ледяныхъ поляхъ. Оба монарха протянули другъ другу руки, передъ лицомъ Бога поклялись они воздавать отнынѣ хвалу и честь Всевышнему, ходить въ рукахъ Его и на Него Единого возлагать свои

¹⁾ Bizke, Geschichte der deutschen Freiheit's Kriege, T. I, стр. 382, Henkel von Donnersmark, Erinnerungen aus meinem Leben 185—187.

упованія ¹⁾. Небесная радость, спокойствіе и непоколебимая увѣренность наполнили ихъ сердца. Спокойно продолжали они путь среди массъ отступающихъ войскъ. Грустныя, безнадежныя думы, порывы отчаянія разсѣвались по мѣрѣ удаленія отъ кроваваго Люценскаго поля. Они знали, что пока они отступаютъ, идутъ на востокъ, но они уже не сомнѣвались, что это отступление ведетъ ихъ не къ гибели, а къ побѣдѣ.

Чѣмъ далѣе подвигались монархи, тѣмъ болѣе убѣждались они въ справедливости словъ Шарнгорста. Безпорядокъ союзной арміи былъ болѣе кажущійся, нежели дѣйствительный. Войска сохранили свою бодрость, свой превосходный духъ, а тамъ гдѣ духъ бодръ и крѣпокъ, ничто еще не по-

¹⁾ Событіе, изложенное въ текстѣ имѣетъ большое значеніе для нашей задачи. Слова, сказанныя Александромъ при этомъ случаѣ, засвидѣтельствованы епископомъ Эйлертомъ и приведены въ прямую связь съ первоначальною идеею священнаго союза. Въ разговорѣ съ Александромъ, отрывокъ изъ котораго приведенъ нами выше, (см. Т. II, стр. 139—142), епископъ, выслушавъ рѣчь императора о вліяніи событій 1812 г. на его религіозное возрожденіе, обратился къ государю съ такимъ замѣчаніемъ: „Я всегда глубоко почиталъ великое намѣреніе, лежащее въ основѣ священнаго союза, заключеннаго вашимъ величествомъ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ; но только теперь, имѣвъ счастье выслушать ваше величество, я понимаю въполнѣ всю истину, чистоту и глубину значенія сего союза“. Лице Александра просвѣтлѣло. „Это радуетъ меня“, отвѣчалъ онъ. „Лишь немногіе имѣютъ истинное и правильное понятіе объ этомъ союзѣ; тогда какъ другіе питаютъ совершенно ошибочное, а нѣкоторые даже дурное мнѣніе о немъ, давая понять, что въ этомъ дѣлѣ скрывалось коварное намѣреніе человѣческой мудрости. Въ дѣйствительности, дѣло было такъ“. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ, приведенный въ текстѣ, при чемъ императоръ не опредѣляетъ точно времени своего разговора съ королемъ, а выражаетъ такъ: „въ дни Люцена, Дрездена и Бауцена, въ виду нашихъ тщетныхъ усилій, когда, не смотря на величайшую, героическую храбрость нашихъ войскъ, мы принуждены были отступить, явилось у короля прусскаго и у меня убѣжденіе, что съ силами человѣческими нельзя ничего достигнуть, и что Германія погибнетъ, если Божественное Провидѣніе не поможетъ намъ, не благословитъ насъ“. Приведя потомъ слова Фридриха-Вильгельма, императоръ продолжалъ: „когда мы достигли Парижа, король прусскій, подавшій первую мысль, вспомнилъ опять о святомъ дѣлѣ, и съ нами соединился, раздѣляя нашъ образъ мыслей, наши чувства и намѣренія, благородный императоръ австрійскій. Въ тяжелый часъ родилась первая мысль этого священнаго союза; въ прекрасный и радостный была осуществлена она. Союзъ этотъ дѣло Бога, а не наше. Самъ Спаситель внушилъ мысли, заключающіяся въ немъ, принципы, высказываемые имъ. Кто не сознаетъ и не чувствуетъ этого, кто ищетъ здѣсь сокровенныхъ политиче-

теряно. Солдаты хорошо понимали, что они не бѣгутъ передъ непріятелемъ, а ищутъ лишь новаго мѣста, чтобы оказать ему рѣшительный отпоръ. Порядокъ и дисциплина быстро возстановлялись въ рядахъ. Полки, считавшіеся окончательно разстроенными или погибшими, являлись вновь въ уменьшенномъ числѣ, но въ твердомъ порядкѣ и организаціи. Самыя потери союзниковъ оказывались, по свѣдѣніямъ собраннымъ впоследствии, далеко не такими значительными, какъ казались они въ первый моментъ. Съ нашей стороны вышло изъ строя всего на-всего около 12 тысячъ человѣкъ, тогда какъ потери непріятели доходили до 15,000 ¹⁾.

скихъ намѣреній и смѣшиваетъ святое съ грѣховнымъ, тотъ не имѣетъ здѣсь голоса и съ такимъ человѣкомъ не стоитъ даже говорить объ этомъ дѣлѣ“.

Возникаетъ вопросъ: какъ слѣдуетъ понимать это свидѣтельство? Высказывается-ли тутъ дѣйствительно мысль, что первая идея священнаго союза принадлежитъ королю Фридриху-Вильгельму и что она высказана была впервые, въ дни Люцена, Бауцена и Дрездена. Буквальный смыслъ свидѣтельства производитъ именно такое впечатлѣніе, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что все свидѣтельство отличается характеромъ неточнымъ и неопредѣленнымъ. Императоръ говорилъ подъ впечатлѣніемъ минуты и только что совершившагося религіознаго торжества; онъ не опредѣлялъ точно ни времени, ни мѣста своего разговора съ королемъ, (вотъ почему мы помѣстили его послѣ сраженія при Люценѣ, не думая при этомъ отрицать, что онъ могъ произойти послѣ сраженія при Бауценѣ, или даже Дрезденѣ, хотя это послѣднее предположеніе кажется намъ не менѣе вѣроятнымъ), и что самое важное, онъ хотѣлъ опредѣлить прежде всего участіе своего друга Фридриха-Вильгельма въ возникновеніи священнаго союза. О себѣ самомъ, о своемъ внутреннемъ просвѣтлѣніи, о своемъ рѣшеніи предать себя въ руки Творца, жить и дѣйствовать по Его завѣту, онъ высказался передъ тѣмъ, въ началѣ бесѣды съ епископомъ. Александръ былъ къ тому-же въ это время человѣкомъ, вполне проникнутымъ духомъ истинно-христіанскаго смиренія; онъ не любилъ говорить о своихъ заслугахъ, выдвигаться на первый планъ, и охотно готовъ былъ предоставлять славу починна другимъ лицамъ. Не слѣдуетъ также забывать, что идея, высказанная королемъ прусскимъ совершенно самостоятельно могла показаться Александру, давно уже проникнутому подобною-же мыслью, новымъ, торжественнымъ напоминаніемъ и подтвержденіемъ свыше обѣта, даннаго имъ въ 1812 году: жить и управлять по евангельскому закону любви. Наконецъ, въ словахъ Фридриха-Вильгельма нѣтъ еще прямого указанія на священный союзъ между государями, указанія, подобнаго тому, какое высказано было самимъ Александромъ гораздо ранѣе, въ Вильнѣ, въ бесѣдѣ съ графиней Тизенгаузенъ. Замѣтимъ также, что самъ Фридрихъ-Вильгельмъ никогда не принималъ себя первой мысли священнаго союза.

¹⁾ Богдановичъ, исторія императора Александра I, Т. IV, стр. 54.

Наполеонъ былъ крайне недоволенъ результатами Люценскаго сраженія. Его конскрипты вели себя, правда, превосходно, преимущество было на его сторонѣ; но отчаянное сопротивленіе, оказанное ему русскими и пруссаками, не могло не привести его въ раздумье. Онъ приходилъ къ убѣжденію, что и въ 1813 г. ему придется имѣть дѣло съ такимъ-же противникомъ, какъ и въ 1812 году. И на поляхъ Саксоніи онъ встрѣтилъ тотъ-же безстрашный отпоръ, какъ подъ Бородиномъ и Малоярославцемъ; и въ пруссакахъ, когда-то бѣжавшихъ передъ нимъ такъ постыдно, жилъ тотъ-же непобѣдимый духъ, какъ и въ русскихъ. Самоувѣренность императора видимо начала ослабѣвать. Онъ уже не говорилъ о своемъ намѣреніи уничтожить Пруссію и предпринять второе нашествіе на Россію, уже онъ давалъ понять, что онъ не прочь заключить миръ съ союзниками. Положеніе, занятое Австріею, внушало ему съ каждымъ днемъ все большую и большую тревогу. Уже австрійское правительство, имѣвшее совершенно правильное понятіе о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, отказывалось исполнять обязательства, взятая имъ на себя по союзному договору 1812 года; уже оно предлагало свое дружественное посредничество воюющимъ сторонамъ. Наполеонъ не отвергалъ этого посредничества въ принципѣ, онъ просилъ только своего тестя не требовать отъ него чего-либо безчестнаго. „Лучше погибнуть“, говорилъ онъ, „во главѣ войскъ, ввѣренныхъ мнѣ Франціею, нежели сдѣлаться посмѣшищемъ для Англичанъ“¹⁾.

Намѣреваясь дать новое генеральное сраженіе Наполеону, союзники не рѣшались, однако-же, принять бой въ открытыхъ равнинахъ Саксоніи, а вознамѣрились отойти за Эльбу и отыскать болѣе крѣпкую, оборонительную позицію въ холмистой Лузаціи. Отступленіе совершалось въ образцовомъ порядкѣ. Милорадовичъ, назначенный начальникомъ арріергарда, усердно защищалъ каждый шагъ земли, а въ сраженіи при Бинофевердѣ причинилъ громаднѣйшій уронъ корпусу Макдональда и покрылъ неувядаемою славою себя и свои

¹⁾ Ранке, Gardenberg etc. Т. III, стр. 307.

войска. На берегахъ рѣки Шпрее, близъ Бауцена, найдена была, наконецъ, удобная позиція. Союзники расположили свои войска въ двухъ линіяхъ. Первая линія шла по высокому берегу Шпрее,—въ центрѣ ея находился городокъ Бауценъ, здѣсь расположились войска авангарда въ числѣ 25,000 человекъ подъ начальствомъ графа Милорадовича ¹⁾. Главныя силы заняли высоты у Вюршепа, къ востоку отъ Бауцена. Нельзя сказать, чтобы позиція, избранная союзниками, представляла особенныя удобства. Мѣстность, пересѣченная глубокими оврагами и быстрыми рѣчками, затруднила сообщеніе между частями арміи и не давала простора для дѣйствія кавалеріи. На такой позиціи можно было въ самомъ лучшемъ случаѣ рассчитывать отразить нападеніе непріятеля, но всякій переходъ съ нея въ наступленіе въ виду такого рѣшительнаго и находчиваго противника, какъ Наполеонъ, сопряженъ былъ съ величайшими трудностями и не малыми опасностями ²⁾. Ко всему этому присоединялось еще и другое, важное неудобство. Главная Бауценская позиція растянута была на цѣлыхъ 12 верстъ; она не находилась, слѣдовательно, ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ союзныхъ силъ ³⁾.

Правда, русско-прусская армія усилилась за эти послѣдніе дни значительными подкрѣпленіями. Къ ней присоединились въ это время 12,000-й корпусъ, прибывшій изъ подъ Торна ⁴⁾, подъ начальствомъ Барклай-де-Толли и пяти тысячный отрядъ генерала Клейста. Союзная армія возрасла вслѣдствіе этихъ подкрѣпленій до 100,000 человекъ ⁵⁾, но и На-

¹⁾ Милорадовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство за битву при Бишофеввердѣ.

²⁾ См. Беригарди, *Toli's Denkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 448; Богдановичъ, исторія Александра I-го Т. IV, стр. 62.

³⁾ Численность союзныхъ войскъ въ битвѣ при Бауценѣ показывается различно. У Богдановича мы находимъ общую цифру въ 94,000 ч. (въ томъ числѣ 66,000 ч. русскихъ и 28 т. пруссаковъ); Беригарди опредѣляетъ число всѣхъ союзныхъ войскъ въ 82,852 ч.; тогда какъ у другихъ авторовъ мы встрѣчаемъ иныя цифры.

⁴⁾ Корпусъ этотъ занятъ былъ до тѣхъ поръ осадю Торна и освобожденъ послѣ взятія этой крѣпости.

⁵⁾ Считаю въ этомъ числѣ казаковъ.

Наполеонъ увеличилъ свои массы до 170,000 ч. Его армія превосходила союзную болѣе нежели въ полтора раза, только въ кавалеріи и артиллеріи численное превосходство было, попрежнему, на сторонѣ союзниковъ. Преслѣдуя отступающихъ союзниковъ, Наполеонъ сдѣлалъ чрезвычайно важное опущеніе. Обманутый первоначальными движеніями непріятеля, онъ вообразилъ, что русскіе и пруссаки отдѣлились другъ отъ друга, что первые отступаютъ въ Лузацію, тогда какъ вторые идутъ по направленію къ Берлину. Соображаясь съ этими неправильными предположеніями, Наполеонъ также раздѣлилъ свои массы. Онъ двинулъ вслѣдъ за пруссаками Нею съ 80,000 человекъ, а самъ во главѣ 90,000 арміи направился къ Бауцену. Наполеонъ узналъ о своей ошибкѣ уже тогда, когда войска его достигли расположенія союзныхъ силъ, и поспѣшилъ исправить ее. Немедленно-же послалъ онъ предписаніе Нею двинуть къ Гойерсвердѣ корпусъ генерала Лористона и идти со всѣми своими войсками въ обходъ праваго фланга союзниковъ. Но для исполненія этихъ предписаній понадобилось нѣсколько дней, и союзники воспользовались этимъ срокомъ для укрѣпленія своихъ позицій и для привлеченія подкрѣпленій.

Въ главной квартирѣ монарховъ явилось даже намѣреніе воспользоваться оплошностью непріятеля, разбросанностью его силъ и истребить хотя одинъ изъ его корпусовъ. Барклай-де-Толли и генералъ Йоркъ получили приказаніе поспѣшить къ Гойерсвердѣ и атаковать внезапно войска Лористона. Силы, предоставленныя въ распоряженіе обоихъ генераловъ, не соотвѣтствовали, однакоже, къ сожалѣнію, всей важности возложеннаго на нихъ порученія. Подъ начальствомъ Барклая было всего лишь 18 тысячъ человекъ, тогда какъ въ отрядѣ Йорка насчитывалось всего лишь 5,700 ч. тѣмъ не менѣе оба генерала покрыли себя славою. Колонна Барклая атаковала у Кенигсварты въ расплохъ дивизію Пейри, разбила ее совершенно, отбила у непріятеля пять орудій и захватила въ плѣнъ трехъ генераловъ и около 800 человекъ солдатъ. Генералъ Йоркъ встрѣтился у Вейсига съ корпусомъ Лористона и, не смотря на страшное неравенство

силъ, отразилъ всѣ нападенія французовъ и, причинивъ имъ громадныя потери, отошелъ благополучно съ своими войсками въ Бауцену. Лористопъ былъ такъ смущенъ отвагою пруссаковъ и подоспѣвшихъ къ нимъ на помощь русскихъ гренадеровъ, что доносилъ Наполеону о сраженіи съ 32,000 неприятелей, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ имѣлъ противъ себя всего лишь 8000 ч. ¹⁾.

Убѣдившись въ приближеніи Лористопъ и Нея, Наполеонъ отдалъ утромъ 8 мая приказъ атаковать передовую позицію союзниковъ подъ Бауценомъ. 75,000 французовъ бросились при громѣ 200 орудій, потрясавшемъ землю, на войска Милорадовича, защищавшія городъ Бауценъ и берега рѣки Шпрее. Завязалась отчаянная борьба. Съ изумленіемъ видѣлъ Наполеонъ, что всѣ яростныя нападенія его войскъ разбивались о желѣзную стойкость 25,000 русскихъ и пруссаковъ. Только къ вечеру французамъ удалось, наконецъ, взять Бауценъ и принудить Милорадовича отойти къ главной позиціи; но побѣда ихъ была куплена дорогою цѣною: всѣ улицы Бауцена и берегъ Шпрее завалены были горами ихъ труповъ.

На слѣдующій день, 9 мая, Наполеонъ двинулъ войска свои на Вюршенскія высоты. Свойства союзной позиціи и распредѣленіе прусско-русскихъ войскъ давали ему несомнѣнное ручательство въ успѣхѣ. Расположеніе союзныхъ войскъ было растянутае до невозможности и представляло полнѣйшій контрастъ расположенію русской арміи въ Бородинской битвѣ. Тамъ наши войска стѣснены были на небольшомъ пространствѣ и на защиту, каждаго шага фронтовой линіи приходилось по 16 человекъ солдатъ; здѣсь подъ Бауценомъ на оборону каждаго шага можно было употребить всего лишь 4 человека ²⁾.—Тамъ всѣ части войска находились въ тѣсной, неразрывной связи между собою; здѣсь между отдѣльными отрядами не было почти никакой связи. Къ довершенію несчастія, союзная главная квартира имѣла самое неправильное представленіе о планахъ противника,

¹⁾ Подробности см. Богдановича, Т. IV, стр. 60, 61.

²⁾ См. Беригарди, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 450.

представленіе, основанное не на условіяхъ даннаго момента, а на общихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Наши стратеги были убѣждены, что Наполеонъ непременно атакуетъ превосходными силами наше лѣвое крыло, и, сообразно съ этимъ, расположили главную массу войскъ подъ начальствомъ Милорадовича на пространствѣ между Куницомъ и Башпоцомъ; поставили въ центрѣ войска Блюхера и Юрка въ количествѣ 30,000 человѣкъ, а на правое крыло, на громадное пространство отъ Мальшвица до Глейны, отрядили всего лишь 14,000 ч. подъ начальствомъ Барклай-де-Толли ¹⁾. А между тѣмъ, именно съ этой стороны угрожала главная опасность и планъ Наполеона былъ совершенно иной, нежели предполагали наши полководцы. Императоръ французовъ намѣревался повести настойчивую фальшивую атаку на лѣвый флангъ союзниковъ, привлечь туда ихъ резервы, атаковать затѣмъ главными силами ихъ правое крыло, обойти ихъ съ этой стороны и отбросить къ Богемскимъ горамъ.

Печальный опытъ Люценскаго сраженія не остался безъ пользы для союзниковъ, но нельзя сказать, чтобы они извлекли изъ него всѣ необходимыя для нихъ указанія. Какъ тогда, такъ и теперь номинальный главнокомандующій союзной арміи, графъ Витгенштейнъ не пользовался никакимъ авторитетомъ. Подъ его начальствомъ находились три генерала, превосходившіе его и лѣтами, и службою, и заслугами: Милорадовичъ, Блюхеръ, Барклай-де-Толли. Само собою понятно, что не одинъ изъ нихъ не думалъ подчиняться Витгенштейну и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно ²⁾. Дѣйствительнымъ главнокомандующимъ былъ императоръ Александръ. Онъ одинъ руководилъ движеніями союзныхъ войскъ, но, не полагаясь на свои силы, онъ то и дѣло

¹⁾ Мѣстность, которую долженъ былъ защищать съ своими ничтожными силами Барклай, не была укрѣплена ни природою, ни искусствомъ. Она состояла изъ отлогихъ къ сторонѣ непріятеля покатостей и представляла фронтальную линію въ 4000 шаговъ. Беригарди, Т. II, стр. 450.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что Витгенштейнъ имѣлъ болѣе правильное представленіе о планахъ Наполеона, нежели другіе союзные генералы. Онъ возставалъ противъ скопленія войскъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, но его мнѣніе не было принято.

прибѣгалъ то къ совѣтамъ Толя, то Дибича, то Кнешебека, а мнѣнія этихъ лицъ очень часто противорѣчили другъ другу. Легко понять, какъ гибельно должны были отозваться на ходѣ дѣла колебанія и проволочки, явившіяся естественными слѣдствіями такого способа команды. Союзниковъ могла-бы постигнуть самая гибельная катастрофа, но они спасены были и на этотъ разъ несравненною стойкостью и героизмомъ войскъ.

Сраженіе началось въ пять часовъ утра сильнѣйшею канонадою. Корпуса Удино и Макдональда двинулись на наше лѣвое крыло и, не смотря на отчаянное сопротивленіе Милорадовича, упорно подавались впередъ. Обманъ, задуманный Наполеономъ, удался какъ нельзя лучше. Императоръ Александръ поспѣшилъ двинуть на помощь Милорадовичу большую часть нашихъ резервовъ и сосредоточилъ все свое вниманіе на этой части поля сраженія ¹⁾. Войска Удино были отражены съ большими потерями отъ нашихъ позицій и отброшены съ высотъ на равнину. Тщетно умолялъ маршалъ Удино о присылкѣ подкрѣпленія; Наполеонъ, упорно преслѣдовавшій свой планъ, приказалъ отвѣчать ему, чтобы онъ дѣйствовалъ, какъ можетъ, и что въ три часа сраженіе будетъ выиграно.

Одновременно съ атакою Удино, маршалъ Ней двинулся противъ позицій Барклай-де Толли. Положеніе этого генерала сдѣлалось вскорѣ самое отчаянное. Онъ подвергся нападенію непріятели, превосходившаго его въ шесть разъ числомъ, а его обширная позиція была совершенно открыта и вовсе не укрѣплена. Защищая геройски каждый шагъ земли, Барклай отступилъ сначала къ Прейтцицу, а потомъ далѣе къ Баруту. Императоръ Александръ, не имѣвшій вѣрныхъ свѣдѣній о численности войскъ Барклая ²⁾, былъ крайне не-

¹⁾ Живия и интересныя подробности о Бауценскомъ сраженіи, особенно-же о событіяхъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, мы находимъ въ недавно напечатанныхъ запискахъ П. П. Муравьева. „Русскій Архивъ“, 1885 г. кн. 12 стр. 476--485.

²⁾ Богдановичъ замѣчаетъ, что императоръ считалъ войска Барклая болѣе значительными, нежели они были въ дѣйствительности, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему Витгенштейномъ. Богдановичъ, Т. IV, стр. 69.

доволенъ отступленіемъ нашего праваго крыла и предписалъ Барклаю удерживать во что-бы то ни стало дальнѣйшее наступленіе непріятели. Но исполненіе подобнаго приказа было совершенно немыслимо. Между тѣмъ Наполеонъ, желая поддержать движеніе Нея, направилъ громадныя массы войска противъ Блюхера, стоявшаго въ центрѣ нашей линіи. Въ теченіе пяти часовъ пруссаки геройски отражали всѣ нападенія непріятели; императоръ Александръ спѣшилъ подкрѣпить ихъ нашими отборными войсками подъ начальствомъ Ермолова. Ожесточеніе сражающихся усиливалось съ каждымъ моментомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и силы непріятели. Все новыя и новыя дивизіи французской арміи вступали въ огонь, охватывали правый флангъ союзниковъ. Намѣренія Наполеона разоблачались все болѣе и болѣе съ каждою минутою; но никто изъ генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся въ свитѣ монарховъ, не отваживался произнести слово, „отступленіе“. Наконецъ, генераль Кнезебекъ рѣшился взять на себя тяжелую задачу. Онъ указалъ императору на опасное положеніе нашего праваго фланга и какъ ловкій дипломатъ предложилъ не отступать, а прервать сраженіе. Государь самъ хорошо сознавалъ суровую необходимость, но онъ, не въ силахъ былъ преодолѣть досады и гнѣва, кипѣвшихъ въ его груди. „Я не хочу быть свидѣтелемъ этого пораженія“, обратился онъ къ графу Витгенштейну, „прикажите отступать!“¹⁾ Сказавъ эти слова, императоръ повернулъ лошадь и ускакалъ. Король прусскій, князь Волконскій, Толь и вся личная свита обоихъ монарховъ не замедлили послѣдовать за нимъ. Задача руководить отступленіемъ арміи возложена была на генерала Дибича.

Задача эта была исполнена блистательно, не столько благодаря Дибичу, сколько начальникамъ отдѣльныхъ частей. Руководимые такими вождями, какъ: Барклай, Милорадовичъ, Блюхеръ, Торкъ и Ермоловъ, союзныя войска, не торопясь снимались съ позицій и отходили назадъ, продол-

¹⁾ Бернгарди, Tolls Denkwürdigkeiten, T. II, стр. 452.

жая перестрѣлку. Ни сильная буря съ проливнымъ дождемъ ни продолжающіяся атаки непріятеля не производили въ ихъ колоннахъ ни малѣйшаго замѣшательства, или беспорядка. Многочисленная союзная кавалерія, выдвинутая впередъ, замедляла наступленіе непріятеля и заставляла его пѣхоту оставаться въ кареяхъ. Французы не могли захватить ни одного трофея: союзники увезли съ собою съ поля битвы не только всѣ орудія, но и почти всѣхъ своихъ раненыхъ ¹⁾.

Наполеонъ крайне недовольный, что непріятель вновь успѣлъ уклониться отъ его удара,—рѣшился, не давая отдыха своимъ войскамъ, преслѣдовать отступающую союзную армію и довершить ея пораженіе, пачатое на полѣ битвы. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Тщетно пытались его войска, воодушевляемые его личнымъ присутствіемъ, опрокинуть союзный арріергардъ. Генералъ Ермоловъ, прикрывавшій отступление союзной арміи, оборонялъ каждый шагъ земли съ неслыханнымъ упорствомъ и умѣніемъ. Принужденный оставить одну позицію, онъ немедленно же занималъ другую. Въ теченіе одного дня онъ далъ непріятелю четыре кровопролитныхъ сраженія и, благодаря его стойкости, союзная армія получила возможность благополучно пройти съ своими многочисленными обозами опасныя тѣснины у Рейхенбаха. Вечеромъ 10 мая Милорадовичъ съ свѣжими войсками смѣнилъ Ермолова и принялъ начальство надъ арріергардомъ. Наполеонъ, выведенный изъ себя неудачнымъ преслѣдованіемъ, рѣшился еще разъ атаковать союзниковъ у Герлица. Осыпаясь ядрами и гранатами, онъ самъ лично повелъ въ атаку свои войска. Около 50,000 французовъ бросились съ яростью противъ 20,000 русскихъ. Милорадовичъ, уступая превосходству силъ, сплелся съ позиціи, но вслѣдъ затѣмъ занялъ другую на высотахъ близъ Герлица. Наполеонъ возбуждаетъ своихъ солдатъ къ новымъ усиліямъ; онъ указываетъ имъ на корпусъ Ми-

¹⁾ См. Богдановичъ, исторія Александра I, Т. IV.

О заслугахъ Ермолова говорятъ подробно Муравьевъ въ своихъ запискахъ „Русскій Архивъ“, 1885 г. кн. 12, стр. 485.

лорадовича, какъ на легкую и вѣрную добычу. Французы, окончательно экзальтированные присутствіемъ и словами императора, переходятъ чрезъ рѣчку и съ криками *Vive l'empereur!* бросаются на высоты. Русскіе встрѣчаютъ ихъ сильнѣйшимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Ихъ снаряды ложатся вокругъ самого Наполеона, а одно изъ ядеръ поражаетъ на смерть въ двухъ шагахъ отъ него маршала Дюрока.

Пораженный смертью своего любимца, Наполеонъ прекращаетъ преслѣдованіе русскихъ и поздно ночью располагается на квартирѣ въ Герлицѣ. Тяжелое раздумье нападаетъ на императора. Вотъ уже въ другой разъ одерживаетъ онъ побѣду надъ союзниками, но развѣ эти побѣды напоминаютъ хотя сколько нибудь его прежніе триумфы? Эти побѣды, этотъ короткій весенній походъ, стоили ему около 60,000 человѣкъ и принесли результаты крайне неудовлетворительные. Правда, онъ выгналъ союзниковъ изъ Саксоніи, оттѣснилъ ихъ до предѣловъ Силезіи, но онъ не успѣлъ уничтожить ихъ массу, сломить ихъ духа. Твердость и непреклонность его главнаго врага, императора Александра, казалось, возрастали вмѣстѣ съ проигранными сраженіями. Еще такъ недавно онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ ему лишь протянуть руку примиренія, и русскій императоръ, убѣжденный вновь въ его непобѣдимости, поспѣшитъ ухватиться за нее. Уже послѣ битвы при Люценѣ онъ грозилъ уполномоченнымъ Австріи, что стоитъ ему лишь захотѣть и миръ съ Россіею будетъ немедленно-же заключенъ. „Въ такомъ случаѣ“, прибавлялъ онъ многозначительно, „мы раздѣлимъ между собою весь міръ“. Какъ-бы желая осуществить эту угрозу, Наполеонъ отправилъ къ императору Александру Коленкура, но къ удивленію его и гнѣву, уполномоченный его не былъ даже допущенъ въ русскую главную квартиру. Съ тревогою замѣчалъ Наполеонъ, что эта война напоминала какъ двѣ капли воды истекшую кампанію 12 года. Онъ видѣлъ, что безконечная борьба съ такими врагами, какъ русскіе и пруссаки, производила удручающее впечатлѣніе на храбрѣйшихъ его сподвижниковъ. „Что за война! слыша-

лись голоса вблизи его; мы погибнемъ здѣсь всѣ!“¹⁾ Самъ императоръ былъ полонъ тяжелыхъ предчувствій. Безмолвно сидѣлъ по вечерамъ въ своей палаткѣ, скрестивши руки на груди, опустивъ голову, не говоря по цѣлымъ часамъ ни слова²⁾. Его маршалы доносили ему, что союзники отступаютъ все далѣе въ глубину Силезіи, но въ то же время онъ узналъ, что дивизія генерала Мезона была совершенно истреблена при Гайнау внезапнымъ нападеніемъ прусской кавалеріи, и что маршалъ Удино, отряженный имъ къ Берлину, былъ разбитъ при Лукау генераломъ Бюловымъ. Всѣ эти вѣсти усилили еще болѣе раздумье Наполеона. До сихъ поръ онъ отклонялъ посредничество Австріи и всякую мысль о мирныхъ переговорахъ. Теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что если не миръ, то по крайней мѣрѣ перемиріе для него въ высшей степени необходимо. Онъ рѣшился принять посредничество Австріи и назначилъ съ своей стороны уполномоченныхъ для заключенія перемирія съ союзниками.

Провидѣніе видимо покровительствовало правому дѣлу. Наполеонъ готовился совершить ошибку, долженствовавшую погубить его окончательно. Онъ изъявилъ согласіе на перемиріе въ тотъ самый моментъ, когда въ лагерѣ его враговъ происходилъ самый опасный кризисъ, когда дѣла вслѣдствіе перемирія могли принять оборотъ крайне неблагоприятный для него.

Послѣ отступленія отъ Бауцена императоръ Александръ принялъ прошеніе Витгенштейна объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго и назначилъ на его мѣсто генерала Барклая. Барклай, котораго въ 1812 г. упрекали такъ настойчиво въ отсутствіи русскаго патріотизма, явился на своемъ новомъ посту представителемъ исключительно русскіхъ интересовъ. Полагая справедливо, что исходъ войны зависитъ, главнымъ образомъ, отъ русской арміи, онъ находилъ прежде всего необходимымъ обратить самое серьезное вниманіе на состояніе этой арміи, на возстановленіе ея разстроенной организаціи, на пополненіе ея свѣжими войсками.

¹⁾ Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 308.

²⁾ Fain, Manuscrit de 1813, T. I, стр. 425.

Положеніе русской арміи было дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ крайне печальное. Непрерывные походы и битвы послѣднихъ мѣсяцевъ причинили ей не только чувствительныя потери, но и совершенно разстроили ея организацію. Многіе изъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ находились въ одnobаталіонномъ составѣ, въ кавалерійскихъ полкахъ было вмѣсто восьми эскадроновъ по два или по три. Интендантская часть находилась въ нашихъ войскахъ въ полнѣйшемъ разстройствѣ. На всемъ пространствѣ отъ Вислы до Эльбы еще не было учреждено магазиновъ; подвозы съ провіантомъ частью не были устроены, частью отстали отъ арміи ¹⁾. Солдаты ходили оборванные и босые. Дисциплина, прежде столь строгая въ русскихъ войскахъ, начала падать съ каждымъ днемъ. Случаи мародерства, грабежа и насилій начали повторяться все чаще и чаще. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ явленій было замѣтное охлажденіе между союзниками. Даже такія лица, какъ Гнейзенау, не могли скрывать своего недовольства. „Мы терпимъ не мало огорченій“, пишетъ онъ графу Мюнстеру. „Друзья наши грабятъ нашу страну не менѣе нашихъ враговъ. Отнимаютъ даже обозы съ съѣстными припасами у нашихъ солдатъ, добытые нами съ такимъ горемъ и трудомъ. Но я не хочу жаловаться, а буду только сражаться. Но нельзя не возмущаться, что нашихъ раненыхъ обираютъ на полѣ битвы наши-же союзники“ ²⁾.

Пруссаки и не имѣли, впрочемъ, особеннаго основанія къ жалобамъ. Дисциплина въ ихъ собственныхъ войскахъ пришла также въ полный упадокъ. Русскіе также имѣли нерѣдко случай къ жалобамъ. Штейнъ, отстаивавшій интересы Россіи въ союзномъ административномъ совѣтѣ, учрежденномъ для управленія завоеванными германскими землями, ссорился очень часто съ своими германскими друзьями: Нибуромъ и Шепомъ. Они упрекали его въ пристрастіи къ русскимъ, говорили ему, что онъ московитствуетъ. „А вы!“ отвѣчалъ имъ съ сердцемъ Штейнъ, „пруссачите до глупости“ ³⁾.

¹⁾ Богдановичъ, исторія Александра I-го, Т. IV, стр. 82—83.

²⁾ Беригарди, *Tolls Denkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 456.

³⁾ Нерцъ, *Stein's Leben*, Т. III, стр. 365.

Разномысліе между союзниками начало обнаруживаться и въ той сферѣ, гдѣ оно могло причинить наиболѣе вреда. 19-го мая союзная армія расположилась въ крѣпкой позиціи при Пильценѣ за Силезскою крѣпостью Швейдпицомъ. Прусскіе генералы, и въ особенности Гнейзепану, настаивали, что здѣсь слѣдуетъ дать третіе сраженіе Наполеону, но всѣ русскіе начальники и во главѣ ихъ Барклай рѣшительно возстали противъ этого предложенія. На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Оберъ-Гредицѣ ¹⁾, Барклай въ присутствіи союзныхъ монарховъ доказывалъ, что слѣдуетъ отступить за Одеръ и далѣе въ Польшу. Пруссаки возражали и предлагали расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ пушками крѣпости Нейссе. Барклай упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Русская армія, говорилъ онъ, нуждается во времени и отдыхѣ, чтобы прійти опять въ состояніе годное для боя. Оставаться здѣсь невысказано уже потому, что непріятель можетъ отрѣзать русскихъ отъ Польши и отъ общеній съ Россіею. „Но что-же станется въ такомъ случаѣ съ прусскою арміею“, замѣчали прусскіе генералы, „она не можетъ идти вслѣдъ за русскими въ Польшу и покинуть на произволъ судьбы свою страну; а оставаясь въ Пруссіи одна, какой участи подвергнется она?“ Барклай пожалъ плечами. „Прусская армія, замѣтилъ онъ, должна держаться собственными силами; чрезъ шесть недѣль я возвращусь къ ней на помощь съ возстановленными, свѣжими силами“. Мнѣніе русскаго генерала восторжествовало. Положено было отступить сначала къ Стерелену, а потомъ далѣе къ Олау на Одеръ. Союзныя арміи должны были разъединиться вслѣдствіе этого маневра, но Провидѣніе рѣшило иначе. Въ тотъ самый день, когда войскамъ роздана уже была диспозиція къ отступленію,—пришла вѣсть, что уполномоченные воюющихъ сторонъ подписали 23 мая перемиріе на шесть недѣль.

¹⁾ Военный совѣтъ происходилъ въ квартирѣ прусскаго короля, въ присутствіи обоихъ государей. Подробности см. у Бернгарди, Т. II, стр. 460. Изъ всѣхъ русскихъ генераловъ только одинъ Дибичъ поддерживалъ мнѣніе пруссаковъ.

Обстоятельства сложились, поистинѣ, чудеснымъ образомъ. Наполеонъ нуждался въ перемиріи, оно было необходимо ему и въ виду страшно разстроеннаго состоянія его арміи, и въ виду необходимости закончить свои вооруженія, и въ виду наконецъ, привлеченія Австріи на свою сторону. Наполеонъ даже не догадывался, что союзники нуждаются въ перемиріи несравненно болѣе его; онъ ничего не зналъ ни объ ихъ отступленіи къ Стерелену, ни о разногласіи въ ихъ средѣ, ни о предстоящемъ раздѣленіи ихъ силъ. Готовясь совершить величайшую ошибку своей жизни, императоръ французовъ былъ убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно своимъ интересамъ, но какой-то внутренней голосъ шепталъ ему, что онъ вступаетъ на безповоротный путь гибели. „Если союзники не хотятъ искренно мира“, сказалъ онъ, отправляясь изъ своей главной квартиры въ Дрезденъ, „то перемиріе это можетъ окончиться для насъ самымъ гибельнымъ образомъ!“ ¹⁾

Понимали-ли въ союзномъ лагерѣ все великое спасительное значеніе совершившагося событія? Нѣтъ! Какъ всегда, громадное большинство участниковъ великихъ событій, занятое лишь ближайшимъ осязаемымъ, удобопонятнымъ, не въ состояніи было проникнуть въ непроглядную тьму будущаго, и усмотрѣть спасеніе и свѣтъ тамъ, гдѣ все казалось сулило несчастіе и гибель. Лишь немногіе избранные и прозорливые сумѣли отнести къ событію 23 мая съ надлежащей точки зрѣнія. Генераль Толь уже тогда высказалъ мысль, что Наполеонъ погубилъ самъ себя, давъ согласіе на перемиріе ²⁾. Также смотрѣли на дѣло оба союзные монархи. Крѣпкіе въ вѣрѣ, они усматривали въ непонятномъ ослѣпленіи своего великаго противника спасительное дѣйствіе Божественнаго Промысла.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 88.

²⁾ См. Беригарди, Т. II, стр. 462—463.

СПИРИТИЗМЪ.

(Продолженіе *).

III.

Третій періодъ въ исторіи развитія спиритизма текущаго столѣтія по преимуществу носитъ характеръ *научно-экспериментальнаго* изслѣдованія. Съ одной стороны ученые, и въ томъ числѣ въ большинствѣ случаевъ университетскіе профессоры естественныхъ наукъ, цѣлыми обществами и комиссіями подвергаютъ спиритистическіе феномены самому точному и серьезному изслѣдованію, чтобы подвести ихъ подъ неизмѣнныя законы науки и дать имъ надлежащія разъясненія, съ другой—спиритизмъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы завоевать себѣ „права полного гражданства“. Для спиритизма это было время рѣшенія роковаго Гамлетовскаго вопроса: „быть, или не быть?“ Къ сожалѣнію, и въ это время указанный вопросъ не нашелъ для себя надлежащаго рѣшенія: обѣ стороны упорно держались своихъ мнѣній и въ концѣ концовъ остались при своихъ убѣжденіяхъ.

Періодъ этотъ несомнѣнно начинается вмѣстѣ съ появленіемъ въ Бернѣ профессора *Максимиліана Перти*, создавшаго себѣ имя въ ученomъ мірѣ цѣлымъ рядомъ естественно-научныхъ, антропологическихъ и философскихъ трудовъ, изъ которыхъ къ области спиритизма относятся слѣдующіе: 1) „Видимый и невидимый міръ“, 2) „Пыльшій спиритизмъ“,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 18.

3) „Реальность магическихъ силъ и дѣйствій человѣка, защищаемая отъ противниковъ“ и 4) явившаяся въ прошломъ 1883 году брошюра: „Безъ мистическихъ фактовъ нѣтъ полной психологіи“. На основаніи этихъ сочиненій взгляды автора представляются довольно характеристичными. Впрочемъ, Перти вышелъ изъ такого положенія, противъ котораго возражать не всякій имѣетъ достаточныя основанія. „Есть феномены, говоритъ онъ, которыхъ нельзя объяснить извѣстными намъ законами природы, а только—магическими силами духовнаго міра, къ которому несомнѣнно принадлежитъ и самъ человѣкъ, не потерявшій еще совершенно связи съ невидимымъ міромъ“. Что-же такое, по его мнѣнію, эти феномены? „Мистическіе факты, говоритъ онъ, суть та область, въ которой сходятся съ одной стороны—*суевѣріе и ханжество*, съ другой—*познаніе послѣднихъ и высшихъ вещей*“. При этомъ Перти открыто признаетъ, что между спиритами, которые исчисляются уже милліонами, есть много людей ограниченныхъ, не вѣдущихъ, восторженныхъ,—но въ успокоеніе себя и своихъ читателей присоединяетъ вопросъ: „не составляютъ-ли невѣдущіе и необразованные повсюду большей половины?“... Совершенно не возможно однако-же согласиться съ бернскимъ философомъ, когда онъ утверждаетъ, что „для каждаго экзегета, который не принимаетъ во вниманіе спиритическихъ фактовъ, должны остаться непонятными многочисленныя библейскія событія и рассказы“. Напротивъ, намъ кажется, что истолкованіе Св. Писанія съ этими вещами абсолютно не имѣетъ ничего общаго и смѣшеніе этихъ существенно отличныхъ одна отъ другой областей можетъ произвести только безисходную путаницу и привести экзегета къ опаснымъ погрѣшностямъ и историческимъ ошибкамъ. А что это дѣйствительно такъ, доказательствомъ является самъ Перти, сдѣлавшій попытку приложить спиритическую теорію къ изъясненію Св. Писанія. Въ своемъ сочиненіи „Ныпѣшній спиритизмъ“ онъ посвятилъ чудесамъ Иисуса Христа цѣлую главу,—и вотъ какіе были достигнуты результаты. Свое изслѣдованіе о евангельской исторіи онъ начинаетъ утвержденіемъ, что „Основатель христіанской религіи“ ничего не зналъ о безконеч-

ности универса, а потому не имѣлъ и надлежащаго представленія о безконечности универсальнаго духа, такъ какъ то и другое есть продуктъ только усовершенствованнаго изученія человѣчества; философское понятіе о Божествѣ, равно какъ и космологическое представленіе объ универсѣ Ему были также совершенно неизвѣстными. Его взглядъ былъ всегда направленъ только на одно царство небесное и тѣ пути, которые ведутъ къ нему; сердечною, побудительною силою для Его дѣятельности была только любовь, подѣ влияніемъ которой Онъ и сталъ способнымъ добровольно предать за другихъ свою собственную жизнь, такъ какъ это Онъ находилъ вполне сообразнымъ съ волею Небеснаго Отца и съ достоинствомъ нарисованнаго Имъ Себѣ царствія Божія.

Не смотря однако-же на эту ограниченность философскихъ и космологическихъ представленій „Основателя христіанской религіи“, Перти все-таки приписываетъ Ему полное обладаніе магическими силами, которыя Онъ всегда употреблялъ во благо человѣчества и которыя можно объяснить себѣ только Его сношеніемъ съ прославленными духами.—Впрочемъ, берпскій философъ въ своемъ мнѣніи объ „Основателѣ христіанской религіи“ на этомъ не останавливается, онъ идетъ далѣе по намѣченному пути и почти доходитъ до того взгляда на Лицо и дѣйствія Иисуса Христа, который, по Евангелію, имѣли ожесточенные враги Христа—фарисеи, объяснявшіе дѣйствія нашего Спасителя „силою Веельзевула“. Да не посѣтуетъ-же на насъ благосклонный читатель, что въ интересахъ науки, съ цѣлію разоблачить передъ его глазами всю отвратительную наготу новаго лжеученія, мы продолжимъ изложеніе взглядовъ берпскаго философа на евангельскую исторію.—Имѣя ограниченное философское знаніе, „Основатель христіанской религіи“, по мнѣнію Перти, нерѣдко впадалъ даже и въ явные погрѣшности. Такъ,— „вмѣстѣ съ мессіанскимъ самосознаніемъ, говоритъ онъ, всегда находилось у Иисуса въ твердой и неразрывной связи Его ожиданіе Своего скорого втораго пришествія послѣ смерти на землю въ полной силѣ и величій для учрежденія Своего царства. Самъ Иисусъ и послѣ Него церковь твердо вѣрова-

ли въ это ожиданіе. Но оно не сбылось".—Дѣлая по этому поводу почти кощунственные нападки на Иисуса Христа, Штраусъ замѣчаетъ, что „столь *химерному* ожиданію отдается исторіею только полная справедливость, когда чрезъ неисполненіе оно обращается въ позоръ“. Бернскій философъ Перти принимаетъ на себя роль защитника и говоритъ въ отвѣтъ Штраусу слѣдующее: „Должно удивляться, что такой мыслитель, какъ Штраусъ, имѣвшій въ своемъ характерѣ благородныя стороны, могъ такъ далеко увлечься отрицательнымъ направленіемъ своего времени, чтобы высказывать столь дерзкое сужденіе объ Иисусѣ... Его ожиданіе не было дѣломъ неудачи, но оно осуществилось только въ другомъ видѣ—въ появленіи *мировой религіи*“ (т. е. спиритизма!) Чудесная дѣятельность Христа, по мнѣнію бернскаго философа Перти, не была *неограниченна*; она проявлялась все-таки только въ извѣстныхъ *человѣческихъ* границахъ и была соединена съ *извѣстными* условіями. Въ Назаретѣ Христосъ *не могъ* (правственно или физически—Перти не говоритъ) совершить многихъ исцѣленій, потому что тамъ Онъ не нашелъ надлежащей вѣры (въ смыслѣ довѣрія) къ Себѣ. Нѣсколько разъ Его чудесная дѣятельность на нѣкоторое время даже прерывалась вслѣдствіе, конечно, большого истощанія Его силъ. Что касается чудесъ, которыя, по свидѣтельству евангелистовъ, дѣйствительно были совершены Иисусомъ Христомъ, то они, по мнѣнію спирита—философа, должны быть объясняемы или естественно, т. е. старымъ раціоналистическимъ способомъ, или-же путемъ спиритистической экспериментации. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ извѣстными раціоналистами—Паулюсомъ и Газе, Максимилианъ Перти признаетъ, что, при насыщеніи пяти тысячъ народа, всѣ присутствовавшіе, по примѣру Самого Иисуса Христа, подѣлились съ пекущими принесенными съ собою въ пустыню запасами хлѣба и рыбы и такимъ образомъ сверхъ общаго чаянія совершена была общая вечеря любви. Въ большинствѣ случаевъ евангельскія чудеса слѣдуетъ, впрочемъ, будто-бы считать только обыкновенными спиритистическими феноменами. Такъ,—исцѣленіе разслабленнаго от-

рока въ Капернаумѣ, по мнѣнію Перти, едва-ли можно объяснять себѣ чѣмъ-либо инымъ, какъ не симпатическимъ воздѣйствіемъ или *магнетическимъ* исцѣленіемъ вдали отъ самаго магнетизера. Хожденіе Іисуса Христа и ап. Петра по поверхности Тиверіадскаго озера было, по всей вѣроятности, только экстатическимъ хожденіемъ (по объясненію спиритовъ, медиумъ можетъ терять съ согласія духовъ столько вѣсу въ своемъ тѣлѣ и притомъ почти мгновенно,—что способенъ подняться на воздухъ, подобно волхву—Симону и какъ это случалось съ Юмомъ). По взгляду Перти, сношеніемъ Іисуса Христа съ невидимымъ міромъ духовъ слѣдуетъ объяснять также и гласъ бывший съ неба при Его крещеніи: „Сей есть Сыпъ Мой возлюбленный“ и т. д. Тѣмъ-же спиритистическимъ путемъ объясняется и все остальное, что было чудеснаго при крещеніи Іисуса Христа. Духъ (почему-бы не ангелъ?) являлся и въ Геѳсиманіи для утѣшенія и подкрѣпленія Іисуса въ предстоявшихъ Ему страданіяхъ. Наконецъ, такимъ-же спиритистическимъ путемъ Перти старается объяснить и гласъ, бывший будто-бы при распятіи Спасителя, принятый нѣкоторыми за громъ ¹⁾. Преображеніе Господне также можетъ быть понято лишь съ точки зрѣнія спиритистической. Перти находитъ самымъ вѣроятнымъ, что Іисусъ Христосъ въ экстатическомъ состояніи вступилъ здѣсь въ сношеніе съ какими-то двумя духовными существами, которыхъ не Онъ, а ученики Его приняли за Моисея и Ілію, и потому блисталъ тѣмъ свѣтомъ, который вовсе первѣдкость на спиритскихъ сеансахъ при экстатическомъ состояніи медиумовъ. Воскресеніе Іисуса Христа изъ мертвыхъ—это чудеснѣйшее и отраднѣйшее для истинно-вѣрующихъ чудо изъ всѣхъ евангельскихъ чудесъ—Перти не хочетъ объяснить ни пробужденіемъ изъ кажущейся смерти (какъ объясняютъ его Газе, Шлейермахеръ и др.), ни гипотезою визионерныхъ явленій,—но думаетъ понять его, сравнивая съ такъ называемою спиритскою *материализаціею* духовъ... Вотъ какъ про-

¹⁾ Такого событія Евангелія не знаютъ; Максимилиану Перти о немъ сообщили, по всей вѣроятности, загробные духи.

ста, по объясненію Перти, евангельская исторія!.. И такимъ именно объясненіемъ онъ хочетъ поддержать еще вѣру въ нее, считая себя человѣкомъ истинно вѣрующимъ...

Но что такое вѣра Перти, можно видѣть изъ того, что наряду съ христіанствомъ онъ признаетъ важное значеніе за магіею и чародѣйствомъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, считая эти послѣднія предвозвѣстниками спиритизма. Индійскіе ламы, способомъ сходнымъ и почти тождественнымъ съ вынѣшнимъ спиритскимъ, приводившіе въ движеніе столъ, заставлявшіе его подниматься и летать по воздуху и, при помощи этого средства, умѣвшіе находить похищенные и скрытыя вещи ¹⁾,—факиры, вступавшіе въ сношенія съ духами своихъ предковъ, чародѣи въ Полинезіи, шаманы въ Сибири, волшебники китайскіе съ ихъ галлюцинаціями и видѣніями различныхъ видовъ, прорицатели каффровъ, ангекоксы гренландцевъ и т. п. — всѣ они являются у Перти подъ однимъ знаменемъ, какъ естественные предшественники настоящаго спиритизма.

Въ этотъ періодъ своего развитія спиритизмъ текущаго столѣтія является наиболѣе распространеннымъ въ Англіи. Спиритскія общества здѣсь можно было встрѣчать почти въ каждомъ, даже самомъ незначительномъ городкѣ; въ ряды спиритовъ стали люди, повидимому, достойные; пользовавшіеся общественнымъ довѣріемъ и занимавшіе почетное положеніе; таковы, напр., канцлеръ *Lindhurst*, архіепископъ *Whateley*, лордъ *Lindsay*, *de Morgan* — профессоръ математики при лондонской университетской коллегіи, Круксъ, Уаллесъ и мн. др.

Шотландія, повидимому, боялась отстать отъ Англіи въ этомъ отношеніи. Здѣсь вожакомъ спиритовъ является извѣстный ученый, въ послѣдствіи, впрочемъ, выѣхавшій въ Америку, Робертъ Дель-Оуэнъ. Въ своей книгѣ — „Спорная область между двумя мірами“, — которая въ позапрошломъ 1882 году была переведена г. Полянскимъ и на русскій языкъ, — онъ силится доказать, между прочимъ, что христіанство и спиритизмъ легко привести къ примиренію, возвратившись лишь къ первоначальной, простой возвышенности ученія Христова, какъ оно изложено въ

¹⁾ „Хр. Чт.“ 1866 Ч. II, стр. 619.

синоптических евангеліяхъ и не лишая вѣрующихъ способности къ богодухновенности, т. е. экстазу...

Особенную поддержку для себя спиритизмъ находитъ въ это время особенно въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Тогда-же, именно съ 1874 года въ Германіи сталъ издаваться новый ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ „Psychische Studien. Monatliche Zeitschrift. Herausgegeben und redigirt von Alex. Aksakow, kais. russ. Staatsrath. zu St. Petersburg. Leipzig, Osw. Mutze und New-York. Erns. Steiger“. Журналъ этотъ, посвященный преимущественно изученію „таинственныхъ“, малоизвѣстныхъ явленій душевной жизни, — обращаетъ на себя наше вниманіе прежде всего тѣмъ, что его изданіе и редактированіе было принято на себя нашимъ русскимъ соотечественникомъ, статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Аксаковымъ, извѣстнымъ защитникомъ спиритистическихъ опытовъ Юма. Правда, въ программѣ журнала заявлялось, что изданіе его будутъ вести безъ всякаго узко-тенденціознаго направленія; но тѣмъ не менѣе скоро оказалось, что оно было предпринято съ весьма опредѣленною цѣлю пропагандированія основныхъ воззрѣній спиритизма въ возможно-большемъ кругу европейскаго общества, знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ. Такъ, — уже въ первыхъ книжкахъ этого журнала особенно видную роль играютъ рассказы о превращеніи невѣрующихъ и скептиковъ въ спиритовъ и т. п. Естественно — научныя знаменитости, вѣрующіе въ спиритизмъ, какъ, напр., извѣстный химикъ Круксъ и зоологъ Уаллесъ начали занимать мѣста самыхъ видныхъ сотрудниковъ, какъ наиболее авторитетные и компетентные свидѣтели въ пользу истинности спиритской доктрины. Даже отдѣлъ „Смѣси“ съ самаго начала сталъ носить въ журналѣ худо скрытый апологетическій характеръ, представляя большею частію тенденціозный подборъ анекдотовъ и фактовъ, служащихъ къ подтвержденію спиритскаго ученія. Изъ этого отдѣла можно было видѣть, какъ сильно былъ распространенъ въ то время спиритизмъ въ наиболее просвѣщенныхъ центрахъ западной Европы и какъ много онъ имѣлъ сторонниковъ въ средѣ ученыхъ и вообще въ образованныхъ классахъ. По словамъ журнала, книги из-

вѣстнаго главы американскихъ спиритовъ Жансона Дависа ежегодно сбывались въ одной Америкѣ въ количествѣ 20,000 томовъ, а всѣхъ спиритскихъ сочиненій ежегодно расходилось будто-бы среднимъ числомъ до ста тысячъ томовъ. Впрочемъ, этими и подобными разказами, рассчитанными, очевидно, на возбужденіе вниманія къ спиритизму, журналъ надѣялся достигнуть, повидимому, добрыхъ цѣлей: обратить серьезное вниманіе ученыхъ на малоизслѣдованную область загадочныхъ душевныхъ явленій, противодѣйствовать, по мѣрѣ возможности, чрезмѣрному усиленію матеріализма въ современномъ обществѣ, отрицающаго все духовное и т. п. Къ сожалѣнію, цѣль эта еще и доселѣ недостигнута русскимъ — спиритомъ, дѣйствующимъ въ Германіи; что же касается дѣла спиритской пропаганды, предпринятой нашимъ статскимъ совѣтникомъ, то несомнѣнно, что она имѣла не малый успѣхъ особенно въ нашемъ обществѣ, которое такъ легко увлекается модными знаменіями времени и такъ быстро способно переходить отъ Бюхнера къ вертящимся столамъ Юма и Кардека, отъ Кардека къ Редстоку и Пашкову и т. под. ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе въ этотъ періодъ своего развитія спиритизмъ встрѣчалъ себѣ на западѣ и надлежащее противодѣйствіе какъ со стороны католичества, такъ и со стороны протестантства. По свидѣтельству Церти, еще въ 1856 году въ Реннѣ въ епископскомъ дворцѣ было производимо почти инквизиторское изслѣдованіе столовѣрченія. При этомъ столъ будто бы такъ удачно раскрывалъ самая сокровенныя тайны реннского епископа, что этотъ послѣдній даже громко воскликнулъ: „чтобы знать все это, ты долженъ быть бѣсомъ!“ Равнымъ образомъ въ 1875 году также и архіепископъ тулузскій осудилъ спиритизмъ, который, по его взгляду, есть или шарлатанство, или дѣло бѣса. По настоянію этого епископа, въ дѣло спиритизма вмѣшивается уже и гражданское правительство.

Представители протестантства также не оставались безъ дѣйствія. По органомъ своей дѣятельности они избираютъ лишь

¹⁾ Подробнѣе о нѣмецкомъ журналѣ А. Аксакова можно читать въ „Хр. Чт.“ 1874. Ч. II, стр. 364—368.

печатное слово—журналистику. Такъ,—протестантскій апологетическій журналъ „Der Beweis des Glaubens“ началъ борьбу съ спиритизмомъ еще съ 1870 года и довольно удачно велъ ее до послѣдняго времени; въ этомъ отношеніи идутъ съ нимъ рука объ руку и другія протестантскія періодическія изданія, каковы напр., „Märkische Kirchenblatt“, высказавшій свой взглядъ на спиритизмъ, какъ на явленіе, угодное лишь демонамъ,—„Evangelische Kirchenzeitung“,—считающая спиритизмъ особеннымъ, весьма опаснымъ и въ послѣднее время слишкомъ распространеннымъ родомъ суевѣрія, а спиритскихъ духовъ признающая „злыми“ духами, хотя-бы они научили насъ „даже и мертвыхъ воскрешать“...

Между тѣмъ, спиритизмъ въ этотъ періодъ своего развитія такъ много чувствовалъ въ себѣ крѣпкихъ силъ, что не боялся являться даже и предъ судъ ученыхъ комиссій. Въ 1867 году въ Лондонѣ было основано ученое общество—„Dialectical Society“, поставившее своею цѣлію—рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ философскихъ, социальныхъ, нравственныхъ и даже религіозныхъ. Когда спиритизмъ принялъ такіе уже размѣры, что на него нельзя было не обратить серьезнаго вниманія, указанное общество нашло необходимымъ выдѣлить изъ себя особый комитетъ въ составѣ 30-ти лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ общества, и отличавшихся опытностію и ученостію. Цѣль образованія этого комитета состояла въ томъ, чтобы подвергнуть спиритскіе феномены точному и безпристрастному изслѣдованію и дать полное и всестороннее объясненіе. Комитетъ сначала выслушалъ цѣлыхъ 64 устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ спиритскимъ феноменамъ, а затѣмъ посвятилъ 46 засѣданій изслѣдованію самыхъ медіумическихъ явленій. Результатомъ этихъ засѣданій было единодушное заключеніе всѣхъ членовъ комитета, что медіумическія явленія не основываются на явномъ обманѣ и что реальность ихъ почти не можетъ болѣе подлежать никакому сомнѣнію. Но соглашаясь въ признаніи реальности спиритическихъ феноменовъ, члены комитета, что для насъ весьма важно, далеко не всѣ были согласны между собою въ сужденіи о внутреннемъ значеніи этихъ феноменовъ, равно

какъ и въ объясненіи ихъ. *Нѣкоторые* посмотрѣли на спиритизмъ, какъ на наилучшій путь къ высшему познанію сверхчувственнаго міра; *другіе*, напротивъ, совсѣмъ не были намѣрены приписывать ему такого важнаго значенія. Такъ, извѣстный писатель лордъ *Bulwer-Lytton* относилъ спиритскіе феномены просто къ естественнымъ, матеріальнымъ дѣйствіямъ природы; ясновидящіе, чародѣи, какъ и медиумы, по его взгляду, дѣйствовали прямо лишь при посредствѣ атмосферическаго электричества, при этомъ онъ уличаетъ часто медиумовъ въ намѣренной лжи, пустотѣ и безсодержательности мнимыхъ загробныхъ откровеній; участія, какъ и самого бытія духовъ въ спиритистическомъ смыслѣ онъ не призываетъ и потому находитъ несоотвѣтствующимъ современное употребленіе и самаго слова— „спиритизмъ“. Д-ръ *Робертсонъ* также не вѣритъ тому, чтобы въ спиритскихъ экспериментахъ принимали участіе духи загробнаго міра; онъ допускаетъ здѣсь возможность участія духа „Пиэона, который дѣйствовалъ какъ въ пиэйскомъ оракулѣ, такъ и въ древнихъ языческихъ заклинаніяхъ и чародѣйствахъ, пока не былъ обезоруженъ вочеловѣченіемъ Христа“. Д-ръ медицины *Kidd*, какъ и естествоиспытатель Карпентеръ—не приписывали медиумическимъ явленіямъ никакого важнаго объективнаго значенія; наковецъ *Люисъ*, д-ръ *Эдмондсъ* и лордъ *Амберлей* думали; видѣть въ нихъ лишь дѣйствіе ловкаго обмана или напряженной внимательности; *Teffery* допускалъ, впрочемъ, при этомъ и такія явленія, которыхъ нельзя было объяснить обманомъ или самообманомъ, и которыя требовали для себя болѣе серьезнаго изслѣдованія. Самымъ ревностнымъ защитникомъ спиритизма въ этотъ періодъ его развитія явился извѣстный дарвинистъ Уаллесъ, написавшій въ его защиту даже особое сочиненіе.

Когда въ такомъ положеніи находилось дѣло спиритизма въ Англии, въ концѣ 1875 года въ Петербургъ прибылъ изъ за-границы въ сопровожденіи трехъ медиумовъ нашъ извѣстный русскій спиритъ Алексѣй Аксаковъ, еще въ Лондонѣ усвоившій себѣ спиритистическія воззрѣнія. Опыты, произведенные имъ въ одной изъ аудиторій петербургскаго университета, нашею ученою комиссіею, были признаны однако-же совершенно неудач-

ними. Всѣ произведенныя медиумическія феномены комиссія объясняла или безсознательнымъ самоослѣпленіемъ или сознательнымъ и намѣреннымъ обманомъ. Тѣмъ не менѣе неудача эта спиритовъ нисколько не смутила. Въ отвѣтъ на эту неудачу и другія подобныя ей спириты отвѣчаютъ слѣдующее: „Добросовѣстно судить о какомъ-либо предметѣ можетъ лишь тотъ, кто вполне ознакомился съ нимъ. Если, напримѣръ, вы желаете построить домъ, вы не обратитесь къ музыканту? Вы заболѣли,—не пошлете-же вы за архитекторомъ? У васъ какое дѣло, вы не будете совѣтоваться съ танцмейстеромъ? Нѣтъ, скажете вы, потому что у cadaго своя спеціальность. Положительныя науки опираются на свойства одной матеріи, съ которой можно обращаться по произволу. Физическія явленія зависятъ отъ силъ присущихъ самой матеріи, тогда какъ спиритическія феномены находятся въ совершенной зависимости отъ вполне самостоятельной—разумной силы, которая не подчиняется нашему произволу и не можетъ быть подвергнута ни химическимъ анализамъ, ни математическимъ вычисленіямъ. Не всѣ приемы положительныхъ наукъ примѣнимы къ спиритизму. Ошибка ученыхъ заключается въ томъ, что они стали производить опыты надъ духами, словно надъ вольтовымъ столбомъ. Опыты эти не привели ни къ чему, чего и слѣдовало ожидать, такъ какъ они производились по аналогіи, непримѣнимой въ данномъ случаѣ. Испытавъ на первыхъ-же порахъ неудачу и не заботясь о дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, ученые стали отрицать и самый спиритизмъ“¹⁾ „Всѣ духи, говорятъ спириты²⁾, не могутъ сообщаться при посредствѣ всякаго медиума и каждый медиумъ, какой бы онъ силою не обладалъ, можетъ лишиться ее въ ту именно минуту, когда онъ менѣе всего этого ожидаетъ. Было-бы ошибочно думать, что духъ является по первому зову и сообщается чрезъ перваго встрѣчнаго медиума. Для того, чтобы духъ сообщился, необходимо, во-первыхъ, чтобы онъ былъ къ тому расположенъ, во-вторыхъ, чтобы его состояніе и занятія не служили ему препятствіемъ

¹⁾ Румиловъ, стр. 45—46.

²⁾ Ibid. стр. 79.

и, наконецъ, въ-третьихъ, чтобы онъ находилъ въ медиумѣ орудіе, соотвѣтствующее его периспиритальнымъ свойствамъ. Въ сущности можно сообщаться съ духами всѣхъ степеней, съ высшими и низшими, съ родными и друзьями; они являются болѣе или менѣе охотно, смотря по обстоятельствамъ и особенно въ силу симпатіи къ людямъ, которые о нихъ думаютъ, а не по зову перваго встрѣчнаго, желающаго войти съ ними въ сообщеніе изъ одного лишь любопытства. Высшіе духи являются исключительно на сеансахъ, устраиваемыхъ съ серьезною цѣлію. Духи низшей степени, т. е. вообще малоразвитые являются всюду; но въ серьезныхъ собраніяхъ они не проявляются, а держатся въ сторонѣ. На сеансахъ, устраиваемыхъ съ цѣлію забавы, для удовлетворенія пустаго любопытства, они завладѣваютъ медиумами и, забавляясь, насмѣхаются надъ присутствующими, пугаютъ ихъ, предсказываютъ будущее и говорятъ всякій вздоръ... Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что высшіе духи, какъ, на примѣръ, Сократъ, Солонъ, Фенелонъ, Боссюетъ и Паскаль готовы явиться по зову перваго встрѣчнаго... Мы знаемъ также, что спиритическія явленія зависятъ только отъ воли духа. Медиумизмъ не можетъ еще служить ручательствомъ, что явленія должны произойти непременно“...

Послѣ этого понятно само собою и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что ученые изслѣдователи спиритизма остались при своемъ мнѣніи, а спириты—при своемъ... Тѣмъ не менѣе петербургскія экспериментациі Аксакова, если вѣрить его нѣмецкому журналу, не прошли совершенно безслѣдно. Одна дама, на которую опыты Аксакова произвели весьма сильное впечатлѣніе, письменно обратилась по этому даже къ одному изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ спиритическаго ученія нашего времени, англійскому химику Круксу, съ вопросомъ, можетъ ли онъ, на основаніи своихъ многочисленныхъ опытовъ, дать ей весьма утѣшительное увѣреніе, что мертвые продолжаютъ жить еще и за гробомъ и даже могутъ вступать съ нами въ сношенія. Что-же отвѣчалъ Круксъ? Къ его сожалѣнію, а еще болѣе, вѣроятно, къ сожалѣнію пытливей русской барыни, онъ долженъ былъ отвѣтить, что не смотря на его

многочисленнее знакомство съ знаменитѣйшими медиумами, его сомнѣніе относительно этого пункта еще не было разсѣяно. „Я получилъ—пишетъ онъ—около ста сообщеній, которыя, повидимому, шли отъ моихъ покойныхъ друзей; но какъ скоро я просилъ дать мнѣ доказательство, дѣйствительно-ли говорившіе со мною духи суть тѣ именно индивидуумы, за которыхъ они выдають себя,—они ничего не отвѣчали. Ни одинъ изъ нихъ не могъ даже отвѣтить на необходимые вопросы. чтобы доказать свою тождественность съ тѣмъ или другимъ изъ моихъ умершихъ друзей,—и великая проблема будущей жизни послѣ этихъ спиритическихъ экспериментовъ стала для меня еще болѣе непроницаемою тайною, чѣмъ какою была когда-либо прежде“...

Но особенно много шуму надѣлали спиритическіе опыты, произведенные лейпцигскимъ профессоромъ, физикомъ и астрономомъ, извѣстнымъ и весьма даровитымъ ученымъ,—*Цельнеромъ*. Эти опыты были производимы не вечеромъ, какъ это практиковалось въ Америкѣ и Англии, а среди бѣлаго дня,—дабы устранено было всякое возможное подозрѣніе въ обманѣ или шарлатанствѣ. Въ качествѣ свидѣтелей, также принимали участіе не сантиментальныя и легко возбуждаемыя дамы, а люди серьезные и ученые, каковы, напр., профессеры: *В. Веберъ, Фехнеръ, Шейбнеръ, Туринъ* и др.—знатоки естественныхъ наукъ и математики. Исслѣдователями предварительно были предприняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать совершенно невозможнымъ какое-либо дѣйствіе обмана или даже только ошибки. Эксперименты были производимы въ квартирѣ самого Цельнера по аппаратамъ, имъ самимъ приготовленнымъ. Первое засѣданіе происходило 11-го декабря 1877 года. Экспериментировалъ медиумъ—американецъ *Сладъ* (Slade). Впрочемъ, на этомъ засѣданіи не было произведено ничего особеннаго: звонъ (безъ видимой причины) поставленнаго подъ столъ колокольчика, сильное движеніе двери при помощи подвижнаго поперечнаго бруска, привязаннаго къ небольшому „наблюдательному“ столику, мгновенное исчезновеніе иглы, запертой подъ стекло въ компасѣ, стъ котораго руки Слада, видимыя всѣми присутствовавшими, были, однакоже удалены на цѣлый футъ,—игра стоявшей на столѣ гармоникки, сопро-

вождавшаяся звуками подъ столомъ ручнаго колокольчика, наконецъ, стучанье стального шарика, привязаннаго къ шелковой ниткѣ внутри стекляннаго колокола;—явленіе, возможное только при свободномъ поднятїи колокола;—вотъ результаты перваго засѣданія. Гораздо интереснѣе были засѣданія, происходившія 13-го и 14-го декабря того-же года. Сначала занимались обычнымъ духописаніемъ, какъ оно производилось еще при Гюльденштубе. Затѣмъ былъ изобрѣтенъ способъ, на которомъ нельзя не остановить своего вниманія. Писаніе духовъ происходило внутри двухъ досокъ, крестообразно связанныхъ между собою довольно толстымъ шнуркомъ и стиснутыхъ на одной сторонѣ мѣдными шалнерами или клапанами. Впрочемъ, были феномены и еще болѣе интересные. Когда руки всѣхъ присутствовавшихъ находились на столѣ, вдругъ передъ профессоромъ Веберомъ на концѣ стола видимо для всѣхъ мгновенно явилась маленькая красносмуглая рука, двигавшаяся, какъ живая и чрезъ двѣ секунды исчезнувшая снова. Наблюдатели, впрочемъ, не удовольствовались этимъ мимолетнымъ явленіемъ,—и Цельнеръ пожелалъ произвести такой экспериментъ, которымъ-бы еще нагляднѣе могло быть дано доказательство существованія таковой руки. Подъ столъ была поставлена чашка съ мукою и при посредствѣ Слѣда, Цельнеромъ было высказано духамъ желаніе, чтобы являвшаяся рука была оттиснута на муку. Желаніе это тотчасъ было исполнено духами и въ чашкѣ на поверхности муки оказался „углубленнымъ кулакѣ и оттиснуты четыре пальца со всею ясностію ихъ устройства и даже со складками кожи“.—Не довольствуясь и этимъ опытомъ, Цельнеръ пожелалъ, чтобы оттискъ былъ сдѣланъ на положенной подъ столъ бумагѣ. И дѣйствительно на бумагѣ получился требуемый оттискъ только не руки, а обнаженной лѣвой ноги. По словамъ Тирша, присутствовавшего на этихъ засѣданіяхъ, это былъ оттискъ „мужской ноги, крѣпко зашнурованной обувью, вслѣдствіе чего, какъ это часто случается, одинъ палецъ отъ сдавленія подымается надъ двумя сосѣдними, почему на землѣ при ступанїи ногою и оттискиваются только четыре пальца“. Референтъ прибавляетъ еще къ этому, что на оттискѣ были замѣтны и слѣды, кото-

рые обыкновенно оставляются на кожѣ чулками. Наконецъ, Цельнеръ потребовалъ отъ Слѣда, чтобы такой же оттискъ ноги былъ полученъ и внутри двухъ вышеупомянутыхъ досокъ, крѣпко связанныхъ между собою. Медіумъ, улыбувшись, отвѣчалъ, что выполненіе этого требованія абсолютно невозможно; самые духи его, будучи спрошены имъ, повидимому, сначала были очень поражены подобнымъ требованіемъ; тѣмъ не менѣе на письменной доскѣ они написали: „We will try it“ (т. е. „попытаемся“). И что-же?—вышелъ удачнымъ и этотъ экспериментъ. Три громкихъ удара въ столъ извѣстили Слѣда, что дѣло сдѣлано. Раскрыли доски и внутри ихъ нашли на одной сторонѣ отпечатокъ правой ноги на другой лѣвой и именно той самой, которая была уже разъ оттиснута на бумагѣ.—Не менѣе интересенъ былъ также и еще одинъ экспериментъ, которому самъ Цельнеръ приписываетъ особенно важное значеніе. Мы имѣемъ въ виду завязываніе узловъ на шнурѣ безъ свободныхъ концовъ. Описаніе этого опыта у Цельнера пояснено особо приложеннымъ рисункомъ, изображающимъ двѣ руки, лежащія на столѣ и оттискъ печати Цельнера, подъ которою скрыты связанные концы бичевки. Подъ соединенными большими пальцами рукъ лежитъ двойная бичевка, опускающаяся въ видѣ цѣльной петли ниже стола. Тутъ же изображена эта бичевка отдѣльно, въ болѣе крупномъ мѣштабѣ, чтобы яснѣе показать завязанные на ней узлы. Они сдѣланы на одиварной бичевкѣ (т. е. не вдвое взятой для каждаго узла). Для того, чтобы сдѣлать такой узелъ обыкновеннымъ, доступнымъ человѣку способомъ, нужно согнуть бичевку петлей, *продѣть* сквозь эту послѣднюю *конецъ* бичевки. Бичевка взята была прочная, поболѣе одного миллиметра толщиной. „Рисунокъ, говоритъ Цельнеръ, изображаетъ положеніе моихъ рукъ, съ которыми была соединена лѣвая рука Слѣда и рука еще одного лица... Печать постоянно оставалась лежащею на столѣ, предъ глазами всѣхъ насъ, а находившаяся на столѣ, какъ показано на рисункѣ, часть бичевки была крѣпко прижата къ поверхности стола большими пальцами обѣихъ моихъ рукъ; остальная часть бичевки (т. е. сгибъ ея или образовавшаяся ею длинная петля) висѣла, спускаясь на

мои колѣна. Я желалъ получить *одинъ* узелъ, а между тѣмъ въ теченіе немногихъ минутъ, завязаны были на бичевкѣ *четыре* узла совершенно вѣрно изображенные на рисункѣ“ (который описанъ выше)... „Четыре узла на упомянутой выше бичевкѣ съ *неповрежденною* печатью еще и теперь лежатъ передо мною; я могу представить эту бичевку на разсмотрѣніе каждому,—я могъ-бы послѣдовательно отправить ее ко всѣмъ ученымъ корпораціямъ всего свѣта для того, чтобъ убѣдить ихъ, что дѣло идетъ здѣсь не о *субъективной* фантазмѣ, а о такомъ *объективномъ* дѣйствіи, съ остающимися послѣдствіями, которое совершено въ мірѣ реальномъ, тѣлесномъ, и которое ни одинъ человѣческой умъ не въ состояніи объяснить при помощи нашихъ *нынѣшнихъ* понятій о пространствѣ и силѣ“¹⁾...

За этими намѣренно произведенными спиритическими феноменами на сеансахъ Цельнера слѣдовалъ цѣлый рядъ дѣйствій чисто волшебнаго свойства или, какъ говоритъ Веберъ, *кобольдическихъ* (кобольдъ—тоже, что домовой). Таковы: мгновенное появленіе дождя въ комнатѣ, въ которой, однакоже, не было и сосуда съ водой, произведеніе разныхъ удивительныхъ явленій дымовыхъ, огненныхъ и свѣтовыхъ, бросаніе каменныхъ углей и дровяныхъ полѣньевъ, бросаніе вверхъ неизвѣстно кѣмъ карманнаго ножа, который однажды упалъ даже на голову профессора Шейбнера, но—такъ счастливо, что не причинилъ ему никакого вреда, исчезновеніе и появленіе вновь тяжелаго стола и, наконецъ, разрывъ пополамъ съ ужаснымъ трескомъ стальной ширмы Цельнера,—явленіе которое произошло съ такою силою, что одинъ изъ присутствующихъ высказалъ даже предположеніе, не принесъ-ли скрытно какъ нибудь съ собою хитрый американецъ достаточной порціи динамита, посредствомъ котораго и произвелъ это дѣйствіе.

Спустя недѣлю, тоже самое почти происходило и въ Богеміи, куда Слэдъ былъ приглашенъ однимъ изъ преданнѣйшихъ послѣдователей спиритизма. Здѣсь онъ пришелъ уже въ экстатическое состояніе и, не будучи вовсе музыкантомъ, въ

¹⁾ Wissenschaftliche Abhandlungen von J. C. F. Zöllner B. 1. 1878. S. 727; въ „Рус. Вѣст.“ 1878. Февр. стр. 966—967; „Вѣст. Европы“, 1879, Янв. стр. 266.

этомъ экстатическомъ состояніи игралъ на піанино отличнѣйшія пьесы. Въ другой разъ, также будучи въ восхищеніи (im Trance), съ закрытыми глазами онъ подошелъ къ гармоникѣ, сыгралъ на ней прекрасный хоралъ и при этомъ пѣлъ самъ „чуднымъ“ басовымъ голосомъ; потомъ, обратившись къ присутствующимъ, произнесъ воодушевленную рѣчь, — наконецъ, возвратился на свое прежнее мѣсто, гдѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, при громкомъ скрежетѣ зубовъ, снова пришелъ въ нормальное состояніе.

Опыты Слѣда, произведенные въ присутствіи многихъ ученыхъ профессоровъ естественныхъ наукъ и математики и описанные Цельнеромъ въ его „Wissenschaftliche Abhandlungen“, возбудили къ спиритизму всеобщее вниманіе и настойчиво требовали научнаго и основательнаго объясненія. „Теперь, говоритъ профессоръ *Ульрицы*, когда *Цельнеръ*, столь знаменитый астрофизикъ, въ сообществѣ съ нѣкоторыми столь-же знаменитыми товарищами лейпцигскаго и геттингерскаго университетовъ, взялъ дѣло въ свои руки и потрудился рѣшить споръ другимъ (въ сравненіи съ прежнимъ) путемъ посредствомъ установленія и произведенія экспериментовъ въ строгой научной формѣ; теперь, когда онъ въ своихъ „Wissenschaftliche Abhandlungen“ точно описалъ эти эксперименты и изложилъ тѣ результаты, которыхъ онъ достигъ, — теперь когда онъ и его товарищи единогласно ручаются за научное достоинство спиритическихъ фактовъ, — не можетъ быть болѣе и спора о томъ, что спиритизмъ завоевалъ себѣ значеніе *научнаго* вопроса. Теперь обязанность каждаго труженника науки — будетъ ли онъ естествоиспытатель или философъ — стать въ извѣстное отношеніе къ этимъ результатамъ; теперь уже болѣе никто не имѣетъ права отклонять отъ себя этотъ вопросъ лишь подтѣмъ предлогомъ, что все это только мошенничество, шарлатанство, обманъ, въ лучшемъ смыслѣ — иллюзія или самообольщеніе; теперь всякій, чѣмъ болѣе онъ приписываетъ себѣ значенія научнаго изслѣдователя, чѣмъ болѣе онъ владѣетъ талантомъ научнаго анализа и чѣмъ болѣе его недюжинныя дарованія дѣлаютъ его къ этому способнымъ, — обязанъ провѣрить полученные результаты, высказать свое мнѣніе объ

ихъ научномъ значеніи и, руководствуясь закономъ истины и вѣроятности, долженъ самъ серьезно взяться за это дѣло и трудиться вмѣстѣ съ другими для разрѣшенія этой трудной проблемы. При этомъ, разумѣется само собою, замѣчаетъ Ульрици что пока я только, *между прочимъ*, принимаю то общее мнѣніе, которое спиритическія явленія объясняетъ дѣйствіями духовъ загробнаго міра; на самомъ-же дѣлѣ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли ихъ объяснять только именно *такъ*,—я оставляю совершенно открытымъ“. Но оставляя *по существу* вопросъ не рѣшеннымъ, Ульрици не задумался приписать спиритизму реакціонное значеніе. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, всѣ цивилизованныя націи проникаетъ сенсуалистическое и матеріалистическое движеніе, сомнѣніе и равнодушіе ко всему сверхъестественному и идеальному, все болѣе и болѣе распространяющійся, презирающій всѣ нравственные и правовые законы, выраждающійся до дикости и грубости эгоизмъ, стремленія къ наслажденію и приобрѣтенію, которыя, не встрѣчая нигдѣ для себя препятствія, ослабляютъ силы нашего духа и въ концѣ концовъ ставятъ способными привести къ ruinъ всякую культуру и цивилизацію. Вотъ почему оказывается необходимою новая поддержка вѣрѣ въ ивическое міроустройство и міроуправленіе, а прежде всего—въ безсмертіе“. Эту-то новую поддержку вѣрѣ въ безсмертіе и нравственное міроуправленіе Ульрици и думаетъ найти именно въ спиритизмѣ, который, по его мнѣнію, есть дѣло Промысла Божія.

Критики-богословы какъ протестантскаго, такъ и католическаго вѣроисповѣданій сначала относились къ опытамъ Цельнера довольно осмотрительно, хотя и съ должнымъ приличіемъ. Самъ Цельнеръ отдаетъ имъ должную справедливость и указываетъ слѣдующіе три пункта, относительно которыхъ они были вполне согласны между собою:

1) „Всѣ критики, говоритъ онъ, соблюдаютъ надлежащее приличіе;

2) всѣ они признаютъ фактичность явленій, происходившихъ въ моемъ присутствіи;

3) почти всѣ они смотрятъ на эти явленія, какъ на дѣйствіе злыхъ духовъ или демоновъ“.

Впрочемъ, особенное значеніе имѣетъ для насъ полемика противъ спиритизма, веденная *Лютгардомъ* въ редактируемыхъ имъ «Ergänzungsblätter zur allgemeinen Lutherischen Kirchenzeitung». Прежде всего Лютгардтъ отъ лица своей церкви воздастъ Целънеру благодарность за то, что этотъ естествоиспытатель на спиритическихъ своихъ сеансахъ остался вполне вѣренъ самому себѣ и воздержался отъ всякаго богословствованія въ смыслѣ обычнаго открывенія духовъ, воздержался отъ всякихъ любознательныхъ разспросовъ о состояніи умершихъ по ту сторону гроба,—отъ всякихъ изслѣдованій о внутренней связи духовъ съ обыкновенными живыми людьми, отъ всякой попытки къ приобрѣтенію указаній въ пользу непрерывности существованія человѣческихъ душъ и загробнаго мздовоздаянія. Что-же касается объясненія произведенныхъ опытовъ, то въ своемъ письмѣ къ Целънеру Лютгардтъ говоритъ, что при разсмотрѣніи ихъ должно предполагать что-либо одно изъ трехъ: или *шарлатанство*, или сомнамбулистическія *галлюцинаціи*, или-же, наконецъ, *вмѣшательство* въ этотъ міръ интеллигентныхъ загробныхъ *духовъ*. Но, такъ какъ *Шейбнеръ* и другіе участники цельноровскихъ экспериментовъ убѣдительно доказали Лютгардту, что совершенно невозможно допустить при указанныхъ опытахъ ни шарлатанства, ни галлюцинацій, то Лютгардтъ и принужденъ былъ остаться только при томъ предположеніи, что въ основѣ опытовъ Целънера находятся таинственныя силы невидимыхъ духовъ. Послѣ этого Лютгардту, очевидно, болѣе ничего не оставалось, какъ указать на невозможность сношенія съ духами загробнаго міра для чловѣка вѣрующаго въ Слово Божіе. Не отвергая справедливости этого замѣчанія относительно духовъ демоническихъ, Целънеръ, однако-же, отвѣчаетъ Лютгардту, что кромѣ духовъ демоническихъ существуютъ еще и духи добрые, умственно или нравственно стоящіе выше насъ—христіанскіе *святые*, сношеніе съ которыми нигдѣ не запрещено въ Св. Писаніи,—что даже если мы вступаемъ въ сношеніе и съ демоническими духами съ цѣлію просвѣщать ихъ, то это сношеніе не только должно быть позволительно, но даже и благоугодно Богу, хотя-бы отъ этого намъ самимъ грозила какая-нибудь опасность. Эта

ссылка Цельнера на Слово Божіе намъ особенно бросается въ глаза потому, что здѣсь Цельнеръ, если можно такъ выразиться, старается обмануть даже самого себя. По своимъ богословскимъ воззрѣніямъ онъ настолько рационалистиченъ, что въ этомъ отношеніи онъ ставитъ себя выше даже Штрауса. Ему нравится только рѣчь Ренана о „новомъ свѣтѣ“, который можетъ прояснить чудеса Св. Писанія. „Этотъ новый свѣтъ“, говоритъ онъ, „начивается, по моему мнѣнію, теперь чрезъ постановку трансцендентальной физики, на основаніи спиритическихъ феноменовъ. Разрывъ на двое іерусалимской храмовой завѣсы, при распятіи Іисуса Христа, воскресеніе, вознесеніе и преображеніе Христа, способность говорить на многихъ языкахъ отъ изліянія Св. Духа и многое другое суть явленія, по своему характеру, вполне согласныя съ тѣми спиритическими феноменами, которыхъ я самъ отчасти былъ свидѣтелемъ“. Какъ же на самомъ дѣлѣ Цельнеръ послѣ этого понимаетъ евангельскую исторію?—Раздраніе храмовой завѣсы онъ находитъ явленіемъ аналогичнымъ съ раздраніемъ на двое его спальной ширмы; воскресеніе, по его взгляду, есть не что иное, какъ простая манифестація загробнаго духа,—что такъ часто случается на спиритическихъ сеансахъ—вознесеніе на небо—то же, что легкое и свободное поднятіе Юма на воздухъ къ потолку,—что болѣе ста разъ приходилось видѣть профессору Круксу. Что же касается преображенія Господня, то это, по выраженію Цельнера, есть не болѣе, какъ описаніе одного изъ спиритскихъ сеансовъ.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что впоследствии къ опытамъ Цельнера и его выводамъ стали относиться положительно враждебно, какъ протестантскіе, такъ и католическіе богословы. Изъ числа первыхъ кромѣ Лютгардта нельзя не упомянуть еще *Цеклера*, *Фр. Энннгера*, *Крейгера*. Не подвергая сомнѣнію дѣйствительности произведенныхъ Цельнеромъ опытовъ, всѣ они, однако же, отзываются далеко неодобрительно о спиритическихъ занятіяхъ, усматривая въ нихъ, демоическое вліяніе.

То же самое говорятъ и католическіе богословы, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть здѣсь *Шамца* и *М. Шнейда*.

Произнося апаематства на спиритическіе эксперименты и не отвергая ихъ реальности, они обыкновенно смотрятъ на нихъ, какъ на дѣйствія адскія, демоническія...

Совершенно иначе отнеслись къ экспериментамъ Цельнера нѣкоторые изъ профессоровъ лейпцигскаго и бреславльскаго университетовъ. По ихъ мнѣнію, Цельнеръ, равно какъ и его друзья, участвовавшіе на вышеупомянутыхъ сеансахъ, Фехнеръ и Веберъ, просто-на-просто, не смотря на свою обширную ученость, были одурачены (betölpelt) хитрымъ американцемъ,—при чемъ, указываютъ нѣсколько шарлатанскихъ фокусовъ, продѣланныхъ Слэдомъ на этихъ сеансахъ, на безчестность и продѣлки его въ эксплуатаціи простоты и легковѣрія, вызвавшія даже преслѣдованіе его со стороны берлинской полиціи и т. п.

Здѣсь намъ кажется не безъинтереснымъ коснуться вопроса о томъ, какъ смотрѣлъ на свои эксперименты самъ Цельнеръ и какъ онъ думалъ объяснять ихъ. Что онъ самъ признавалъ за ними полную реальность, объ этомъ, конечно, нечего и говорить; что-же касается объясненія ихъ, то Цельнеромъ была придумана для этого даже особая теорія—теорія „четвертаго пространственнаго измѣренія“, допускающая множественность измѣреній пространства.

Эта теорія имѣетъ непосредственное примѣненіе къ завязыванію чудесныхъ узловъ на безконечной нити,—о чемъ мы говорили уже выше,—и сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ. Мы можемъ представить себѣ существо имѣющее только два измѣренія и не обладающее понятіемъ ни о чемъ совершающемся внѣ той плоскости, въ которой существо это находится. Гибкая нитка, не имѣющая толщины, но находящаяся въ данной плоскости, можетъ быть, не выходя изъ плоскости, согнута такъ, чтобы образовать завитокъ, при чемъ для этого надобно только провести одинъ конецъ нити на плоскости по полному круговому обороту въ 360° . Обратнымъ движеніемъ того же конца нити завитокъ этотъ можетъ быть снова развернуть. Мы, какъ существа трехмѣрныя, могли-бы развернуть этотъ завитокъ проще, поднимая изъ плоскости ту часть нити, которая покрываетъ другую часть на мѣстѣ перекрещи-

ванія. Для двухмѣрнаго существа, наблюдающаго въ это время за нитью, часть, поднятая изъ плоскости, исчезла бы изъ наблюденія и появилась бы вновь только тогда, когда дѣйствующее трехмѣрное существо положить нить снова въ плоскость. Для двухмѣрнаго существа дѣйствіе, совершенное такимъ образомъ, показалось бы чудомъ: оно совершилось посредствомъ третьяго измѣренія, о которомъ это существо не имѣетъ никакого понятія. „Переносъ по аналогіи, говоритъ Цельнеръ, эти соображенія на узелъ въ пространствѣ съ тремя измѣреніями, легко видѣть, что какъ завязываніе, такъ и развязываніе подобнаго узла (т. е. узла, который можно получить изъ простаго завитка въ 360° , продѣвая конецъ нити съ надлежащей стороны чрезъ завитокъ) возможно только посредствомъ такихъ дѣйствій, при которыхъ части нитки отнимутъ линію двоякой кривизны... Для насъ, какъ существъ трехмѣрныхъ; завязываніе и развязываніе такого узла возможно только при поворотѣ (на 360°) одного конца нити въ плоскости, *наклонной* къ той, въ которой находится двухмѣрная часть узла; но если бы между нами были существа, могущія по произволу производить движенія матеріальныхъ тѣлъ въ четырехъ измѣреніяхъ, то они были бы въ состояніи завязывать и развязывать трехмѣрные узлы гораздо быстрѣе, способомъ совершенно аналогичнымъ съ описаннымъ выше—по отношенію къ завязыванію двухмѣрнаго узла при помощи третьяго измѣренія“. Нитка при этомъ можетъ быть даже безконечною. „Такимъ образомъ, говоритъ Цельнеръ, если оба конца нитки связаны вмѣстѣ и запечатаны, то разумное существо, способное предпринять произвольно четырехмѣрныя сгибанія и движенія нитки должно быть въ состояніи завязать на *простой* (взятой не вдвое) ниткѣ одинъ или нѣсколько узловъ, не нарушая цѣлости печати“¹⁾.

Подобнымъ образомъ Цельнеръ старается объяснить себѣ и другіе спиритическіе феномены, напр., временное исчезновеніе предмета изъ видимаго пространства. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, точку, помѣщенную на плоскости, внутри замкну-

1) Wissenschaftliche Abhandlungen von Zölner, B. I. S 272—276; въ „Рус. Вѣстн.“ 1878, февр. стр. 962—3; „Вѣстн. Евр.“ 1879, явл., стр. 262—263.

той линіи, напримѣръ, въ кругѣ. Двигая эту точку, *только* въ означенной плоскости, т. е. по двумъ измѣреніямъ, нельзя ея вынести за предѣлы круга безъ нарушенія его цѣлости. Для существа двухмѣрнаго, находящагося въ той-же плоскости, разрѣшеніе этой задачи представлялось-бы невозможнымъ и осуществленіе переноса точки за кругъ—было-бы чудомъ. Но пользуясь третьимъ измѣреніемъ, имѣя возможность перемѣщать точку не по двумъ только, а по тремъ измѣреніямъ,—мы разрѣшаемъ эту задачу очень просто: приподнимаемъ точку съ плоскости (т. е. перемѣщаемъ ее по *третьему* измѣренію) и переносимъ за кругъ *чрезъ* линію, его очерчивающую, опуская тамъ ее снова на прежнюю плоскость. Для существа двухмѣрнаго моментъ поднятія точки въ плоскости являлся бы моментомъ ея исчезновенія, а при опусканіи точки, ея прикосновеніе къ плоскости представилось бы мгновеннымъ появленіемъ ея за предѣлами круга. Существо двухмѣрное никогда не могло-бы составить себѣ нагляднаго представленія о такомъ процессѣ переноса точки. Такимъ-же образомъ мыслимо для насъ, хотя и не можетъ быть наглядно себѣ представлено, перенесеніе точки за предѣлы замкнутаго трехмѣрнаго пространства, напр., шара, въ которомъ бы была помѣщена такая точка. Мыслимо же осуществленіе этого переноса, при помощи *четвертаго* измѣренія, по которому движеніе точки не встрѣтитъ препятствій, также какъ оно не встрѣчаетъ его, когда точка, находившаяся въ кругу, на плоскости, перемѣщается по третьему измѣренію. „Намъ показалось-бы, прибавляетъ Цельнеръ, что законъ такъ пазываемой непроницаемости матеріи въ трехмѣрномъ пространствѣ можетъ быть парушаемъ“¹⁾...

Хотя эта теорія Цельнера, по его собственному замѣчанію, есть ни болѣе, ни менѣе какъ *аналогія*, которая, подобно картинѣ, можетъ служить лишь для того, чтобы наглядно представить себѣ какія-либо идеи, но которая никогда не можетъ быть возведена на степень дѣйствительнаго объясненія или доказательства,—тѣмъ не менѣе она имѣетъ свой историческій прецедентъ, на который ссылается и самъ Цельнеръ. Такъ,—

¹⁾ Wiss. Abhandlungen, стр. 276; въ „Рус. Вѣст.“ 1878 г. февр. стр. 961.

уже греческій философъ Платонъ указалъ на возможность существованія болѣе трехъ пространственныхъ измѣреній. Въ Германіи эту мысль раньше другихъ проповѣдывали Фр. Хр. *Этингеръ* и его другъ *Фрикеръ*. Этингеръ находилъ для нея основаніе даже въ Св. Писаніи, именно у *Иова* (XI, 7—9: „Можешь-ли ты изслѣдовать тайны Бога? Можешь-ли совершенно постигнуть Вседержителя! Онъ *превыше* небесъ,—что можешь сдѣлать?—*глубже* преисподней,—что можешь узнать?—*длиньше* земли мѣра Его и *шире* моря“) и у ап. *Павла* (Ефес. III, 18: „Чтобы вы укорененные и утвержденные въ любви, могли *постигнуть* со *всѣми* святыми, что *широта* и *долгота*, и *глубина* и *высота*“). Съ этимъ возрѣніемъ, по мнѣнію *Цельнера*, былъ согласенъ *Кантъ*, точно также какъ и одинъ изъ корифеевъ математической науки *Гауссъ* (его формула для вычисленія дня празднованія пасхи у насъ пользуется особенною извѣстностію).

Тѣмъ не менѣе теорія *Цельнера*, правда, возбуждая много толковъ, не нашла, однакоже, къ себѣ сочувствія даже со стороны самыхъ друзей *Цельнера*—*Фехнера*, *Фихте* и даже *Вирта*. Называя ее одною изъ весьма интересныхъ попытокъ, объясняющею нѣкоторыя изъ спорныхъ явленій лучше всякой другой подобной попытки, тѣмъ не менѣе *Фехнеръ* не приписываетъ ей никакого особеннаго научнаго значенія, потому что она не можетъ быть достаточно подтверждена ни априористическими, ни эмпирическими данными. *Фихте* также не принимаетъ этой теоріи „четвертаго измѣренія пространства“, хотя и даетъ полную вѣру тому, что онъ называетъ физическою или внѣшнею сторопою спиритизма. Наконецъ, и самый преданнѣйшій почитатель *Цельнера*—д-ръ В. *Виртъ*, примѣняя теорію „четвертаго измѣренія пространства“ къ экспериментамъ, произведеннымъ при посредствѣ медиума *Слэда*, не отвергаетъ возможности отысканія и примѣненія къ нимъ и другихъ способовъ объясненія.

У насъ, въ Россіи, теорія *Цельнера* „о четвертомъ измѣреніи пространства“ въ первый разъ была популяризована въ 1878 году А. М. *Бутлеровымъ* въ его статьѣ—„Четвертое измѣреніе пространства и медиумизмъ“, — помѣщенной въ фев-

ральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Статья эта есть нечто иное, какъ болѣе или менѣе обработанное извлеченіе изъ двухъ статей Цельнера, помѣщенныхъ въ вышедшемъ, въ 1878 году, первомъ томѣ его сочиненія: „Wissenschaftliche Abhandlungen“. Статья Бутлерова надѣлала у насъ не мало шума, удостоившись вниманія русской публики, хотя съ другой стороны вызвала и довольно энергическій протестъ „Вѣстника Европы“, выразившійся въ статьѣ А. В. Г.—„Четвертое измѣреніе и спиритизмъ“. Какъ мы сказали выше, самъ Цельнеръ приписывалъ своей теоріи „о четвертомъ измѣреніи“ лишь значеніе простой аналогіи. Русскій-же критикъ его — А. В. Г.—старается показать намъ, что данное Цельнеромъ „объясненіе“, не можетъ претендовать даже и на то, чтобы назваться *аналогіею*. „Отъ сопоставленія двухмѣрныхъ существъ съ трехмѣрными, говоритъ нашъ критикъ, опъ (т. е. Цельнеръ) переходитъ къ сопоставленію трехмѣрныхъ съ четырехмѣрными. Двухмѣрныя вещества, положимъ, намъ неизвѣстны, но допустимъ, что мы можемъ себѣ представить ихъ умственно; четырехмѣрныя-же существа намъ не только неизвѣстны, но мы даже ихъ себѣ представить не можемъ, и изъ того, что выше было сказано о тѣлахъ и о пространствахъ съ четырьмя измѣреніями, видно, что тѣла эти суть не что иное, какъ особыя понятія математическаго анализа и что пространство это вовсе не есть какое-либо пространство, въ которомъ могло-бы помѣститься вещественное тѣло, напр, часть нити, какъ то предполагаетъ г. Цельнеръ; если-же оно нѣкоторыми математиками называется пространствомъ, то только по сходству нѣкоторыхъ аналогическихъ выкладокъ съ тѣми, которыя употребляются при изслѣдованіи вопросовъ пространства съ тремя измѣреніями. Чѣмъ-же будетъ послѣ этого,—спрашиваетъ А. В. Г.,—„удаленіе части нити изъ трехмѣрнаго пространства въ *четыремерное*? Очевидно — совершенную безсмыслицу. Аналогія хромаетъ еще и въ другомъ отношеніи. Мы, какъ трехмѣрныя существа, можемъ разсуждать объ ограниченности понятій двухмѣрныхъ существъ; о недостаточности-же нашихъ понятій могутъ разсуждать одни четырехмѣрныя существа, такъ какъ для нихъ только четвертое измѣреніе понятно. По

не такъ поступаетъ г. Цельнеръ: онъ не только разсуждаетъ о двухмѣрныхъ существахъ, но и присвоиваетъ себѣ, существу трехмѣрному, право умомъ четырехмѣрныхъ существъ опредѣлить ограниченность понятій трехмѣрныхъ существъ, подъ каковымъ названіемъ онъ разумѣетъ насъ, бѣдныхъ смертныхъ. Аналогія 'была-бы только тогда полна, если бы г. Цельнеръ самъ былъ существомъ съ четырьмя измѣреніями" 1).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько взглядовъ на эксперименты Цельнера, высказанныхъ людьми, которыхъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи. Взгляды эти были, правда, не вполне согласны между собою, но за то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ ихъ искренности. Профессоръ *Цеклеръ*, не придавая спиритизму никакого существенно важнаго значенія, самую книгу Цельнера „Wissenschaftliche Abhandlungen“ назвалъ „книгою сумасшествія“. Все значеніе, которое спиритизмъ имѣетъ въ глазахъ Цеклера, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) на него нужно смотрѣть, какъ на союзника христіанъ въ борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ, такъ какъ онъ фактически подтверждаетъ истинность бытія невидимаго міра, хотя борьбу ведетъ и *запрещеннымъ* оружіемъ, и 2) спиритическіе эксперименты могутъ служить если не доказательствомъ, то во всякомъ случаѣ прямымъ средствомъ къ болѣе глубокому и правильному пониманію и уразумѣнію того, что въ Новомъ Завѣтѣ повѣствуется относительно демоновъ и бѣсноватыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ высказываетъ весьма благоразумное желаніе, чтобы и въ этомъ отношеніи христіанское богословіе шло своимъ путемъ, а спиритизмъ—своимъ. Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть объ отношеніи къ спиритизму извѣстнаго ученаго и философа нашего времени *Иммануила Германа Фихте*. Онъ познакомился съ спиритическими феноменами еще зимою 1869—1870 при посредствѣ проживавшаго въ то время въ Штутгартѣ барона Людвигъ Фопъ-Гюльденштубе и его сестры—медіума—Юліи, равно какъ и чрезъ сочиненія упомянутаго вами философа—спирита Максимилиана Перти. Въ спиритизмѣ Фихте приписывалъ существенно-важное значеніе тому обстоятельству, что

1) „Вѣстн. Евр.“ 1879 г. Янв. стр. 263—264.

спиритическіе феномены представляютъ намъ самое наглядное и неопровержимое доказательство въ пользу непрерывности индивидуальной психической жизни человѣка при переходѣ изъ этого міра въ загробный; что-же касается вообще вышнихъ, чисто физическихъ чертъ спиритизма, то въ глазахъ Фихте они имѣли лишь второстепенное значеніе. „Когда современный намъ спиритизмъ, говоритъ Фихте, ставитъ прямою своею задачею лишь изслѣдованіе одного доселѣ совершенно невѣдомаго для насъ міра духовъ, то съ полнымъ правомъ мы можемъ сказать ему: „in hoc signo vinces!“ Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ во взглядѣ на спиритизмъ Фихте совершенно расходится съ вышеупомянутымъ ученымъ — Деклеромъ, который такъ называемой *некромантической* сторонѣ спиритизма почти не придавалъ никакого значенія.

Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть объ отношеніи къ спиритизму еще одного нѣмецкаго ученаго — *Густава Теодора Фехнера*, извѣстнаго психофизика и пантенистическаго натур-философа, сочиненія котораго пользуются вполне заслуженною славою далеко не въ одной лишь Германіи. Долгое время онъ былъ профессоромъ и достойнѣйшимъ представителемъ философскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ. Его отношеніе къ спиритизму тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что онъ судить объ этомъ явленіи, какъ свободный философъ и какъ непосредственный свидѣтель — очевидецъ всѣхъ опытовъ, произведенныхъ Цельнеромъ при посредствѣ американскаго медиума Слэда. Въ 1879 году онъ написалъ свое сочиненіе — „Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht“. Въ этомъ сочиненіи Фехнеръ, какъ очевидецъ, прежде всего подтвердилъ несомнѣнную дѣйствительность всѣхъ экспериментовъ, произведенныхъ Цельнеромъ, при посредствѣ Слэда. „*Не смотря на все мое желаніе, не смотря на весь мой строгій скептицизмъ, говоритъ онъ, я не могъ замѣтить, при производствѣ этихъ опытовъ, ни малѣйшей тѣни обмана, фокусничества, галлюцинацій*“... Такое признаніе дѣйствительности спиритическихъ феноменовъ и притомъ со стороны такого авторитетнаго ученаго, какъ Фехнеръ, въ глазахъ спиритовъ составляло настоящій триумфъ. Но триумфъ этотъ не могъ быть продолжительнымъ, потому

что тотъ-же самый Фехнеръ, который такъ открыто призналъ дѣйствительность спиритическихъ феноменовъ,—положительно отказалъ спиритизму во всякомъ внутреннемъ значеніи. Не признавъ галлюцинаціями спиритскихъ сообщеній, онъ въ то же время не призналъ ихъ и откровеніями изъ высшаго и чистаго міра духовъ. По его взгляду, спиритизмъ есть не болѣе какъ явленіе патологическое, обусловленное ненормальностію или даже болѣзненностію природы человѣческой. Онъ указываетъ на то, что всякій разъ, когда медиумы сообщаютъ свои откровенія, ихъ состояніе оказывается болѣзненнымъ и напряженнымъ въ высшей степени, такъ что „нервная система ихъ положительно находится въ всякаго равновѣсія“. Откровенія медиумовъ вслѣдствіе этого обыкновенно являются пустыми, безсодержательными, не имѣющими для насъ совершенно никакого значенія и вполнѣ зависятъ отъ степени развитія и образованія самаго медиума. Къ религіи, по взгляду Фехнера, спиритизмъ не имѣетъ, да и не долженъ имѣть никакого отношенія; онъ даже совершенно ничего не говоритъ и въ пользу безсмертія души человѣческой, которая, по его ученію, даже и не есть чисто духовное существо... Вотъ почему нельзя не согласиться съ словами Фехнера, что жалкимъ явилось-бы то вѣроисповѣданіе, которое-бы въ спиритизмѣ стало искать для себя опоры...

IV.

Какъ ни поразительно было впечатлѣніе, произведенное опытами Цельнера, тѣмъ не менѣе въ область науки спиритизмъ дороги не нашелъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не особенно смутило приверженцевъ спиритизма и дало имъ только поводъ къ нападкамъ на современную науку. „Изъ того только, что спиритизмъ не пользуется въ ученomъ мірѣ правомъ гражданства,—говорятъ спириты ¹⁾, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ вполнѣ отвергнутъ. Если-бы наука никогда не ошибалась, то сужденія ея могли-бы быть окончательными. Къ сожалѣнію, исторія свидѣтельствуетъ намъ о совершенно противополо-

¹⁾ Румиловъ, 43.

ложномъ. Не отвергала-ли академія (французская), какъ не-
лѣпость, множества открытій, которыя впослѣдствіи прослави-
ли имена своихъ изобрѣтателей? Не лишилась-ли Франція, бла-
годаря своему ученому совѣту,—славы инициативы въ примѣ-
неніи пара къ мореплаванію? Когда Фультопъ представилъ
императору Наполеону I-му свой проектъ парохода, то по-
слѣдній былъ переданъ вышеозначенному совѣту на разсмотрѣ-
ніе и отвергнутъ г.г. учеными, какъ фантазія, не примѣнимая
на практикѣ. А Франклинъ со своею теоріею громоотводовъ
развѣ не былъ встрѣченъ г.г. учеными общимъ смѣхомъ и не-
довѣріемъ?“ и т. д.

Этотъ спиритскій вопль продолжался, впрочемъ, весьма не
долго. Отвергнутый наукою, въ настоящее время спиритизмъ
обратился непосредственно къ народной жизни и здѣсь нашелъ
вполнѣ удобную для себя почву и широкое поле для своей дѣя-
тельности. Этотъ переходъ отъ теоріи къ практикѣ, отъ науки
къ жизни, отъ философской систематизаціи къ политико-сек-
танскимъ сборищамъ,—и составляетъ характеристическую чер-
ту современнаго состоянія спиритизма. Не лишимъ, впрочемъ,
считаемъ предупредить своихъ читателей, что здѣсь мы будемъ
имѣть дѣло съ спиритическимъ движеніемъ не въ ученомъ ка-
бинетѣ Цельнера и его ученыхъ друзей, а въ какомъ-то домѣ
умалишенныхъ, изступленныхъ, помѣшанныхъ.

Сложная теорія Алланъ Кардека теперь уже забыта, иска-
жена, сведена до minimum'a. Сношеніе съ духами упрощено и
не можетъ быть провѣрено никакою наукою. Духъ, сообщаю-
щій свои откровенія, теперь обитаетъ уже не внѣ медіумовъ,
какъ прежде, а внутри, въ мозговыхъ и другихъ впадинахъ
тѣла, такъ что теперь пѣтъ болѣе спиритамъ уже нужды и
въ цельнеровской теоріи четвертаго измѣренія пространства.
Медіумъ уже не вызываетъ болѣе духовъ, напротивъ, онъ со-
вершенно теряетъ свою самостоятельность, его собственная ду-
ша всецѣло проникается чужимъ духомъ, который также все-
цѣло завладѣваетъ и его тѣломъ; медіумъ становится положи-
тельнымъ автоматомъ, іезуитскою палкою своего верховнаго
начальника. Если-же теперь въ спиритскихъ кружкахъ являют-
ся еще и духи, то они уже не перемѣняютъ своей личности и

не скрываютъ своего безобразія. По словамъ самого спирита Виттига, въ большинствѣ случаевъ теперь являются уже духи-карлики черные, какъ смола, съ высунутыми, раскаленными, пылающими языками и т. п.

Что современный спиритизмъ принялъ направленіе враждебное христіанству, объ этомъ едва-ли нужно и говорить. Въ *Сѣверной Богеміи* одну молодую дѣвушку, которая стала уже извѣстною подъ именемъ—медіума „Маріи“, вопреки убѣжденіямъ ея матери-католички, спириты отклонили отъ исповѣди и причащенія такимъ способомъ, о которомъ мы не считаемъ удобнымъ даже и рассказывать. Скажемъ только, что дѣло это произвело такой соблазвъ, что, по настоянію жителей, въ него вынуждено было вмѣшаться даже гражданское правитель-ство, и редакторъ мѣстной газеты г. Линдемейеръ рассказы-валъ предъ окружнымъ судомъ самыя ужасныя вещи. Теперь богемская жандармерія усердно занята розыскиваніемъ спиритическихъ кружковъ для преданія ихъ судебному преслѣдова-нію. И это случилось, къ несчастію спиритовъ, именно въ то время, когда они уже начали хлопотать объ учрежденіи для основательнаго обученія медіумовъ особой семинаріи и объ от-крытіи при университетѣ для спиритизма особой кѣдры.

Тоже самое совершается и въ Германіи и особенно въ Саксоніи. Въ г. *Лихтенштейнѣ* полиціею обнаружено существо-ваніе одного тайнаго общества, которое дало себѣ весьма гром-кое названіе—„общество распространенія въ народѣ нужныхъ свѣдѣній и просвѣщенія“. На самомъ дѣлѣ оказывается, что это общество спиритовъ, но съ явнымъ политико-сектанскимъ, противухристіанскимъ и противуправительственнымъ направ-леніемъ. Засѣданія этого общества теперь происходятъ не ина-че, какъ въ присутствіи мѣстнаго бургомистра. Волей-не-волей общество открыло свободный доступъ на свои вечернія засѣ-данія каждому желающему. Сеансы начинаются обыкновенно молитвою и воодушевленными рѣчами медіумовъ. Впрочемъ, медіумы эти пока еще ничего особеннаго не произвели, по всей вѣроятности, потому, что въ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою жалкую посредственность во всѣхъ от-пошеніяхъ, а съ другой—стѣсняются присутствіемъ граждан-

скаго чиновника, не любящаго находиться въ темнотѣ и потому не позволяющаго тушить огня во время спиритскихъ за-сѣданій. Впрочемъ, одинъ изъ Лейпцигскихъ профессоровъ на одномъ изъ сеансовъ, восхваляя это общество, говорилъ, что оно будто-бы побѣдоносно и удачно ведетъ борьбу противъ ма-теріализма Бюхнера и Геккеля. Но мы не можемъ въ данномъ случаѣ не согласиться и съ довольно мѣткимъ замѣчаніемъ Ве-бера, что такое „лѣкарство хуже самой болѣзни“.

Нельзя не отмѣтить еще, что въ настоящее время спиритизмъ принимаетъ пагубный, почти въ собственномъ смыслѣ *бѣсовскій, клеветническій* характеръ. Такъ, въ мѣстечкѣ *С. Якоби*, гдѣ также существуетъ спиритическое общество, одинъ медиумъ объявилъ, будто-бы духъ сообщилъ ему, что незадолго до того умершая трактирщица, съ помощію двухъ своихъ старшихъ сыновей умертвила и ограбила одного проѣзжаго. Правда, одинъ изъ сыновей, этой умершей трактирщицы счелъ себя обиженнымъ; передалъ жалобу на клеветника—медиума прокурорскому надзору,—и мѣстное общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ дѣла; но чѣмъ окончится этотъ судебный процессъ, — пока неизвѣстно... Не лишне припомнить при этомъ и рассказъ Толстого о томъ, какъ однажды *духъ* оклеветалъ въ воровствѣ золотыхъ вещей совершенно не повинную старуху—няню ¹⁾.

Въ *Штольбергскомъ* округѣ также сильно распространено противухристіанское направленіе спиритизма, сущность котораго состоитъ въ *езуграфій* (Jesugraphie). Господь Іисусъ, утверждаютъ спириты, будто-бы пинетъ чрезъ нихъ, чтобы содѣйствовать уясненію возвѣщенной Имъ нѣкогда истины, которая, по вѣнѣ, „такъ называемой церкви, теперь потрясена, измѣнена и искажена“. При этомъ они хотятъ убѣдить другихъ въ томъ, будто-бы непосредственно видятъ Самого Іисуса Христа, ангеловъ и всѣхъ умершихъ, изъ которыхъ послѣдніе сообщаютъ имъ различныя свѣдѣнія о своемъ состояніи послѣ смерти для передачи живымъ родственникамъ. Это противухристіанское направленіе современнаго спиритизма въ Саксо-

¹⁾ Харьк. Еп. Вѣд. 1883 г.

ніи сильно поддерживается сочиненіемъ С. G Voigt'a—„Die wahre Religion und Offenbarung uber die Liebe und Ehe durch die Führung der Hand von Gott“, равно какъ и частнымъ изданіемъ К. Фр. Ландбекка—„Neuen Theosophischen Schriften“. Въ этихъ сочиненіяхъ прежде всего подрывается довѣріе къ нашимъ евангельскимъ повѣствованіямъ; все содержаніе Св. Писанія, въ томъ числѣ и содержаніе апостольскихъ посланій, гдѣ говорится о святости, судѣ и правосудіи Божию, объявляется ложнымъ. Церковная проповѣдь и таинства, въ томъ числѣ особенно бракъ—отвергаются, родителямъ запрещается крестить своихъ дѣтей и т. п. Иисусъ Христосъ считается только медиумомъ, съ Которымъ соединился *единный* Богъ, за Его благочестіе. Троичность Лиць Божества не признается. Очевидно, что здѣсь дѣло приходится имѣть уже съ чистымъ рационализмомъ, который только еще нѣсколько старается прикрывать себя спиритическими фразами. Но до чего доходитъ здѣсь это антихристіанское направленіе, можно видѣть изъ слѣдующаго. Одинъ медиумъ публично объявилъ, будто-бы вызванный имъ духъ ап. Павла сообщилъ ему, что онъ самъ не вѣровалъ въ то, что онъ проповѣдывалъ другимъ. Другой медиумъ въ мѣстечкѣ *С. Михельнъ* тоже самое говорилъ относительно умершаго пастора, Б., который всѣмъ былъ извѣстенъ, какъ несомнѣнно вѣрующій человекъ.

Въ Америкѣ спиритизмъ теперь принялъ такое-же направленіе, какъ и въ Европѣ. Впрочемъ, тамъ оно еще болѣе усилилось безумною проповѣдію нѣкоего *Эндерланда*, бывшаго спачала проповѣдникомъ въ обществѣ методистовъ, а теперь перешедшаго на сторону спиритовъ и устранившаго отъ себя всякое вообще *богословствованіе*. Своего медиума миссъ *Lizzie Doten* опъ дерзаетъ ставить по высотѣ *восхищенія* (*Trance*) даже на одномъ ряду съ великимъ апостоломъ Павломъ. Отсюда не трудно видѣть, какимъ образомъ американцы христіанскія богослуженія замѣнили спиритскими сеансами, а свои прежнія богослужебныя христіанскія пѣснопѣнія, бессмысленными и неуклюжими спиритскими виршами, въ родѣ, напр., слѣдующей:

„Гавріилъ, Исаія и Иисусъ

„Такъ громко застучали,

„Что изъ тысячи громовъ
„Мы еще ни одного
„Такого не слыжали“...

Крайности и злонамѣренность современнаго пачъ спиритическаго направленія доходятъ до того, что противъ нихъ рѣшились поднять свой голосъ лучшiе даже изъ среды самыхъ спиритовъ, какъ напр., Аксаковъ и *Виттигъ* и первый изъ нихъ принужденъ былъ даже открыто признать, что „душу медиума можно направить ко всему доброму, равно какъ возможно и злоупотреблять его для всего гадкаго, — все зависитъ отъ свойства окружающей его среды и отъ того, добрыми или злыми духами возбуждаются въ нихъ соотвѣтствующія идеи, или представленія“.

Свящ. М. Бункевичъ

(Продолженiе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXVI.

Обозрѣніе философіи настоящаго времени. Господство реализма въ современной философіи. Отрицаніе философіи, какъ отличительный признакъ современнаго реализма. Какимъ образомъ реализмъ пришелъ къ этому отрицанію. Философія, какъ представительница просвѣтительной миссіи знанія или науки въ XVIII в. Руссо противъ притязаній науки и философіи на исключительное господство. Измѣненіе прежняго понятія о знаніи въ философіи Фихте. Натурализмъ Руссо и различіе въ этомъ отношеніи философіи Канта отъ философіи Руссо. Неудовлетворительность умозрительной философіи, основанной Кантомъ. Значеніе романтизма. Задача настоящаго времени по опредѣленію современнаго реализма. Въ какомъ смыслѣ можно признать, по мнѣнію реализма, недостаточность науки, на что указывали Руссо и Кантъ? Потребность обществовѣдѣнія, на которую впервые указалъ Контъ. Характеристика позитивизма Конта. Совпаденіе съ французскимъ позитивизмомъ, различныхъ видовъ нѣмецкаго реализма, явившихся послѣ Гегеля. Критическій разборъ философіи Гегеля. Переходъ отъ философіи Гегеля къ реализму. Реализмъ и научная философія.

Философіею Гегеля прерывается то послѣдовательное и связанное развитіе философской мысли, для котораго исходнымъ пунктомъ послужила философія Канта. Въмѣсто поступательнаго движенія философской мысли мы видимъ частію возвращеніе ея назадъ, частію-же распадненіе общаго ея теченія на отдѣльныя, стремящіяся къ независимости другъ отъ друга и повидимому, мало имѣющія общаго между собою, ученія. Общее состояніе философіи становится крайне не-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 18.

яснымъ и запутаннымъ. Лишь одна черта ясно и рѣшительно выступаетъ въ современномъ состоянїи мысли,—господство реализма. Но именно эта черта всего болѣе и говоритъ о крайней запутанности и неопредѣленности современной мысли, такъ какъ нынѣ господствующій реализмъ отличается сложностію элементовъ и вліяній входящихъ въ его составъ. Источники современного реализма столь различны и такъ мало имѣютъ между собою общаго, что поэтому и самый реализмъ современный выражается въ положенїяхъ и выводахъ, повидимому, исключаютъ другъ друга. Возьмемъ хотя-бы отношеніе современного реализма къ философіи. Съ одной стороны реализмъ смотритъ на себя, какъ на единственно возможную истинную философію, съ другой-же стороны пынѣшній реализмъ вовсе отрицаетъ философію, а потому и себя не считаетъ за философію. Чѣмъ объяснить это двойственное отношеніе современного реализма къ философіи? Въ XVIII ст., не смотря на господство реализма, наименованіе философа было почетнымъ и всѣ реалисты тогда сами не иначе смотрѣли на себя, какъ на философовъ; никому на мысль не приходило отождествлять реализмъ съ отрицаніемъ философіи, или полагать въ этомъ по крайней мѣрѣ существенный признакъ реализма. Но дѣло въ томъ, что самое понятіе о философіи тогда было иное. Со времени Бэкона у англійскихъ философовъ установилось такое понятіе о философіи, по которому область философіи опредѣлялась познаніемъ природы (естествознаніи въ обширномъ смыслѣ). Философія была понимаема какъ наука о природѣ вещей и человѣка; подъ именемъ философіи разумѣли совокупность важнѣйшихъ, основныя понятій о природѣ и даже эмпирическія естественно-научныя свѣдѣнія нерѣдко обозначались этимъ именемъ. Такимъ образомъ науку не раздѣляли отъ философіи и философію не отдѣляли отъ науки. При этомъ о знаніи господствовало то понятіе, что оно есть величайшая сила, что оно увеличиваетъ могущество человѣка и власть его надъ природою; отсюда и философіи усвоили такое-же значеніе. Знаніе противоположно вѣрѣ; слѣдовательно, насколько первое, казалось, увеличиваетъ власть и могуще-

ство человѣка, настолько-же послѣдняя дѣлаетъ его безсильнымъ и безпомощнымъ; вотъ почему и на философію смотрѣли, главнымъ образомъ, какъ на орудіе борьбы противъ вѣры; главною задачею философіи безспорно считалось торжество знанія, или иначе, просвѣщенія надъ невѣжествомъ и слѣпою вѣрою. Но вотъ Руссо выступаетъ въ защиту непосредственныхъ внушеній неисторченной природы человѣка противъ ограниченности знанія: не на познаніи природы, которое всегда ограничено и часто бываетъ ошибочно, а на живомъ, конечно безотчетномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безошибочномъ чувствѣ, въ которомъ слышится голосъ самой природы, мы должны основывать свои дѣйствія и сужденія. Руссо, такимъ образомъ, сдѣлалъ очевидною ту истину, что для жизни одного знанія недостаточно, и если онъ отрицалъ философію, то потому, что въ ней именно онъ видѣлъ притязательность знанія на исключительное господство въ жизни. Съ тѣхъ поръ утвердилась та мысль (въ нѣмецкой философіи), что знаніе должно не замѣнить собою вѣру и сдѣлаться такимъ образомъ единымъ началомъ, призваннымъ въ исключительному господству, а лишь восполнить недостаточность вѣры, которой доселѣ принадлежало исключительное господство. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое понятіе о философіи значительно расширилось. Еще удерживается то опредѣленіе философіи, что она есть знаніе или должна быть знаніемъ. Но самое знаніе теперь понимается въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, именно такъ, что уже включается въ область знанія и то, что прежде противопоставлялось знанію. Такъ у Фихте, какъ мы видѣли, *знаніе* и *сознаніе* принимаются за тождественныя понятія; область философіи простирается такъ далеко, насколько простирается наше сознаніе; въ сознаніе же наше входитъ не одно знаніе въ собственномъ смыслѣ, но и религіозная вѣра и чувство красоты и связанныя со всѣмъ этимъ стремленія,—все это факты, данные въ сознаніи человѣческомъ; а потому и философія, если она простирается настолько, насколько простирается наше сознаніе, должна не исключать, а напротивъ объединять и примирять и такимъ образомъ изъяснять все это, т. е. постигать не-

отъемлемое право всего этого на наше признаніе и на существованіе.

Но можно-ли признать правильнымъ то понятіе о знаніи, къ которому пришелъ Фихте? Уже потому нельзя допустить это понятіе, что оно слишкомъ широко и неопредѣленно, простираясь и на то, что не есть знаніе въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ и самъ Кантъ, по стопамъ котораго хотѣлъ идти Фихте, строго раздѣлялъ знаніе (какъ продуктъ совмѣстнаго дѣйствія чувственности и разсудка) отъ практическихъ идей, а также отъ сужденій эстетическихъ и телеологическихъ. Подобно Руссо Кантъ, оставаясь въ сущности при томъ понятіи о знаніи, какое было господствующимъ во французской философіи, т. е. при понятіи реалистическомъ (ибо ограничивалъ возможность знанія для насъ по содержанію предѣлами опыта), утверждалъ, что для жизни недостаточно одного знанія, ибо сверхъ знанія необходимы нравственныя и религіозныя идеи. Кантъ такимъ образомъ съ точностію опредѣлялъ и выяснилъ, въ чемъ именно заключается тотъ необходимый въ жизни элементъ, восполняющій недостаточность знанія, который у Руссо называется голосомъ природы, чувствомъ, совѣстью. При этомъ оказалось, что Руссо хотя и возставалъ съ такою горячностью противъ односторонняго усвоенія знанію преобладающаго и даже исключительнаго значенія, въ ущербъ инымъ началамъ жизни, тѣмъ не менѣе несравненно ближе, чѣмъ Кантъ, стоялъ къ духу натуралистической французской философіи XVIII в. Дѣло въ томъ, что онъ относилъ къ природѣ и то, что такъ рѣшительно противопоставалъ знанію и слѣдовательно, стоялъ на одной почвѣ съ другими французскими философами, именно на почвѣ натурализма. Чего требовала французская философія? Она требовала познанія природы вещей и человѣка. Руссо возражалъ противъ этого, что природа чиста и невинна, а мы способны заблуждаться, и что, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы во всемъ полагаться лишь на одно знаніе, которое всегда и ограничено и перемѣшапо съ заблужденіями, слѣдуетъ отдаваться во власть непосредственныхъ внѣшней природы. Французскіе философы

могли-бы сказать на это, что нужно однако *знать* въ чемъ заключаются эти непогрѣшительныя и спасительныя для насъ внушенія природы; слѣдовательно, сказанное требованіе Руссо ни мало не ограничиваетъ, а напротивъ усиливаетъ практическую важность для насъ знанія. Въ иномъ свѣтѣ этотъ же вопросъ о значеніи знанія представляется въ философіи Канта. Конечно природа во всемъ ея объемѣ есть предметъ знанія. Но въ нравственной нашей дѣятельности мы выступаемъ противъ природы, ставимъ себя внѣ и независимо отъ нея, ибо самая цѣль практическо-нравственной дѣятельности заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи свободы и независимости отъ природы. Черезъ нравственную дѣятельность, такимъ образомъ, открывается для насъ область недоступная познанію, ибо предметъ знанія—природа, а область практической дѣятельности есть область свободы, которая не есть природа, а противоположность природы. Итакъ теперь оставалось одно изъ двухъ: или удержать во всей силѣ прежнее, бывшее во французской философіи, понятіе о знаніи, какъ это дѣлалъ Кантъ, и тогда необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ признать ограниченность и недостаточность знанія, поставивъ внѣ области возможнаго для насъ знанія всю совокупность идей и явленій, относящихся къ практической дѣятельности человѣка; или-же, напротивъ, измѣнить самое понятіе о знаніи, расширивъ его такимъ образомъ, чтобы имъ покрывалась противоположность природы и свободы. Какъ сказано выше, Фихте избралъ послѣднее изъ этихъ двухъ рѣшеній и слѣдуетъ признать, что онъ имѣлъ къ тому основаніе въ самой философіи Канта. Хотя свобода и есть противоположность природы, однако та и другая соприкасаются между собою, образуютъ единое *цѣлое* тамъ, гдѣ мы усматриваемъ въ природѣ цѣлесообразность, ибо все цѣлесообразное въ природѣ необходимо мыслится какъ совокупное дѣйствіе природы и свободы. Поэтому если несомнѣнно, что природа есть предметъ знанія, то равнымъ образомъ и область свободы должна быть предметомъ возможнаго для насъ познанія, но съ тѣмъ только различіемъ, что природа есть прежде всего предметъ опытнаго позна-

нія, а свобода—предметъ познанія свѣрхъопытнаго, умозрительнаго. Однако и это различіе не исключаетъ, а напротивъ предполагаетъ лежащее въ основаніи его единство, связь. Въ самомъ дѣлѣ, и опытное познаніе есть дѣйствіе интеллектуальныхъ силъ человѣка, такъ что и въ опытномъ познаніи проявляетъ себя тотъ-же разумъ, который открывается преимущественно въ познаніи умозрительномъ. Важную особенность опытнаго познанія составляетъ его созерцательный или воззрительный характеръ. Но и умозрительное познаніе не лишено созерцательности, ибо кромѣ чувственнаго, мы обладаемъ еще интеллектуальнымъ созерцаніемъ: свобода и природа, какъ сказано выше, соприкасаются между собою и образуютъ одно въ области цѣлесообразнаго, особенно-же въ прекрасномъ, какъ предметъ эстетическаго вкуса; но соотвѣтственно этому и чувственное созерцаніе проникается идеальнымъ элементомъ, а потому становится созерцаніемъ интеллектуальнымъ въ томъ случаѣ, когда предметомъ его служитъ прекрасное.

Такимъ образомъ хотя Фихте и измѣнилъ понятіе о знаніи, бывшее во французской философіи, значительно расширивъ его, но благодаря этому онъ нашелъ возможнымъ удерживать мысль о всеобщемъ и абсолютномъ значеніи, какое французская философія придавала знанію и противъ чего возставалъ Руссо. Если, какъ полагалъ Фихте, знаніе покрываетъ собою противоположность природы и свободы, то оно должно имѣть и теоретическое и практическое значеніе; необходимо было признать, вопреки Руссо, вмѣстѣ съ другими французскими философами, что и самая дѣятельность практическая должна основываться на знаніи и управляться знаніемъ; для какихъ-либо иныхъ началъ, отличныхъ отъ знанія, не должно быть мѣста въ благоустроенномъ порядкѣ жизни. Но въ самомъ-ли дѣлѣ имѣетъ практическое значеніе то умозрительное познаніе, которое одно лишь, по Фихте, можетъ простираться на свободу, какъ противоположность природы, и объединять въ себѣ ту и другую? Такъ какъ область свободы преимущественный предметъ умозрительнаго познанія, то и цѣль таковаго познанія заключается не въ

чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи свободы, а это и есть сущность практической дѣятельности. Только путемъ знанія, чрезъ распространеніе и усовершеніе просвѣщенія, человѣкъ можетъ сдѣлаться свободнымъ и счастливымъ и слѣдовательно, исполнить свое предназначеніе. Такова была главная идея во французской философіи XVIII в.; такова-же руководящая мысль и философіи Фихте. Не слѣдуетъ-ли признать, поэтому, общимъ свойствомъ философіи Фихте и философіи французской XVIII в. господство въ той и другой практическаго духа? Ближайшее разсмотрѣніе философіи Фихте показываетъ, что эта философія, напротивъ, была далека отъ практической жизни, и опытъ показалъ, что она могла только отвращать умы отъ интересовъ практической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, хотя философія Фихте и даже философія Канта, слѣдуя очевидной для всѣхъ тенденціи французской революціи, и провозгласила превосходство практическаго разума, или воли, т. е. признала необходимымъ и законнымъ господство въ жизни практическихъ идей (освободительныхъ, какъ теперь выражаются) и стремленій и возвела въ принципъ человѣческой дѣятельности свободу, но въ то-же время Фихте, заключивъ всю дѣйствительность въ область субъективнаго человѣческаго сознанія, тѣмъ самымъ лишилъ всякой силы и значенія и признанное имъ превосходство практическаго духа и провозглашенный имъ принципъ абсолютной свободы. При субъективномъ характерѣ философіи Фихте, во что обращается это признанное имъ превосходство практическаго духа, да и самый принципъ свободы? Господство практическаго духа у Фихте сводится просто къ субъективной индивидуальной морали, къ господству идеальныхъ стремленій надъ чувственными влеченіями во внутреннемъ настроеніи личности, а принципъ свободы былъ понятъ въ ограниченномъ смыслѣ свободы умственной, теоретической, свободы мысли и изслѣдованія; вся философія Фихте, согласно съ такимъ пониманіемъ свободы, получаетъ характеръ созерцательный, совершенно чуждый практическаго духа. Правда Фихте возлагаетъ на государство заботу о развитіи и распространеніи культуры, но какое прак-

тическое значеніе могли имѣть подобныя требованія, — это ясно показала философія Гегеля, вполне упаслѣдовавшая духъ философіи Фихте. Не философіи-ли Гегеля пришла къ тому выводу, что все дѣйствительное разумно, что то-есть все въ дѣйствительности само собою идетъ къ лучшему. Да и какъ могло быть иначе, если по ученію Гегеля исторія есть постепенный процессъ раскрытія абсолютной идеи, которая равномерно и неуклонно своею собственною силою движется впередъ, при чемъ это движеніе поглощаетъ всякія личныя начинанія и стремленія, остающіяся такимъ образомъ безслѣдными для самыхъ дѣятелей и исчезающія въ общемъ потокѣ міроваго теченія жизни? Не было-ли это возвращеніемъ къ средневѣковому квіетизму? Дѣйствительно, романтизмъ, который составляетъ столь господствующую черту философіи Фихте, Шеллинга и Гегеля, съ одной стороны знаменовалъ собою отвлеченіе умовъ отъ дѣйствительности и обращеніе ихъ въ область мечтаній, туманныхъ образовъ и стремленій, а съ другой — возвращеніе къ прошлымъ, уже отжившимъ свое время, средневѣковымъ идеямъ. Романтизмъ — это реставрація въ области литературы и философіи; его можно сравнить съ тоскливымъ послѣднимъ взглядомъ, какой бросаетъ путникъ, когда въ послѣдній разъ озирается на мѣсто своего долговременнаго пребыванія, отправляясь въ дальнюю и невѣдомую страну. Итакъ прошло теперь время погруженія въ заоблачныя сферы мечты, поэзіи, бездѣятельнаго созерцанія и наслажденія фантастическими созданіями до крайности напряженной мысли и болѣзненнаго воображенія. Наступило время трезваго, практическаго труда, конечная цѣль котораго — осуществить на землѣ давно желанное всеобщее счастье. Въ этомъ общемъ трудѣ надъ переустройствомъ жизни, надъ увеличеніемъ общаго благосостоянія, безъ котораго невозможно и личное счастье, конечно важнѣйшая роль должна принадлежать наукѣ, на что справедливо указывалъ и Фихте, но только не той мечтательной умозрительной наукѣ, какую онъ при этомъ имѣлъ въ виду и которая отвращается отъ дѣйствительности, но той реальной наукѣ, которая, напротивъ, погружается въ изученіе міра реальнаго, дѣйствительнаго; наукѣ этой мало дѣла

до несбыточныхъ, неосуществимыхъ, ибо несообразныхъ съ законами дѣйствительности, стремленій и цѣлей; напротивъ, она имѣетъ всегда въ виду служеніе общему благу человечества чрезъ удовлетвореніе ближайшихъ насущныхъ жизненныхъ потребностей. Итакъ, теперь уже нѣтъ болѣе мѣста для метафизики; философія отошла безвозвратно въ область прошлаго. Исключительное господство по праву можетъ принадлежать только точному знанію: не философія, а наука должна быть рѣшительницею жизненныхъ задачъ; философія-же не есть наука. Ибо тамъ нѣтъ науки въ собственномъ смыслѣ этого слова, гдѣ нѣтъ знаній прочно основанныхъ на опытѣ и добытыхъ посредствомъ опытнаго изученія вещей. Такимъ образомъ отрицаніе философіи, свойственное современному реализму,—это только форма, въ которой прежде всего выразилось принятіе одного изъ двухъ, выше указанныхъ, рѣшеній вопроса о томъ, какъ понимать знаніе: именно,—отрицаніе философіи собственно означаетъ отрицаніе того понятія о знаніи, какое лежитъ въ основѣ умозрительной философіи и прежде всего было развито и проведено философіею Фихте. Но отрицаніе свойственнаго умозрительной философіи понятія о знаніи было вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніемъ къ тому не столь широкому, но за то болѣе опредѣленному понятію о знаніи, какому слѣдовали французскіе философы. Правда Руссо, какъ мы видѣли, указывалъ на недостаточность знанія, понимаемаго въ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ реализма, въ какомъ смыслѣ разумѣли его французскіе философы. Особенно-же Кантъ разъяснилъ недостаточность опытнаго знанія, признаваемаго реализмомъ за единственно возможное для насъ. Но эта недостаточность знаній, единственно возможныхъ для насъ вовсе не такова, чтобы, какъ полагали Руссо и Кантъ, необходимо было восполненіе чѣмъ либо инымъ, посредствомъ элементовъ постороннихъ для знаній; нѣтъ вовсе нужды понятію о знаніи расширять и распространять па области и явленія, ничего общаго не имѣющія съ научнымъ знаніемъ, какъ это дѣлали умозрительные философы, думая такимъ образомъ избѣгнуть необходимости признать, на ряду съ авторитетомъ знанія,

право на господство въ жизни и за тѣмъ, что не есть знаніе. Если говорить вообще о недостаточности знанія, безъ отношенія къ состоянію его въ то или иное время, если т. е. рѣшать этотъ вопросъ по существу, то съ этой точки зрѣнія необходимо признать недостаточность доступнаго намъ познанія вещей только въ смыслѣ абсолютномъ, именно въ томъ, что, дѣйствительно, не все для насъ познаваемо и что есть нѣчто долженствующее навсегда остаться для насъ непознаваемымъ: непознаваемо существо вещей; но будучи недостаточнымъ въ себѣ, въ абсолютномъ смыслѣ, знаніе, доступное намъ, вполне достаточно для насъ, для нашей жизни; нѣтъ такой существенной потребности, которая-бы навсегда должна была остаться неудовлетворенною по недостаточности знаній; въ смыслѣ относительномъ, т. е. въ отношеніи къ намъ знанія могутъ быть признаны недостаточными не по природѣ своей, а только по временному своему состоянію: знанія предлагаемая наукою не вполне достаточны, но эта ихъ недостаточность съ теченіемъ времени вмѣстѣ съ усовершеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ научныхъ знаній все болѣе умалывается и устраняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сфера господства знаній все болѣе расширяется, невѣжество и суевѣріе все болѣе побѣждается и должно будетъ уступить мѣсто полному и безраздѣльному господству знанія. Другіе, впрочемъ, вѣрятъ не только въ относительный, но и абсолютный прогрессъ науки, полагая, что не можетъ быть такихъ тайнъ, передъ которыми наука навсегда осталась-бы безсильною, и не можетъ быть ничего такого, что не временно только, а и по существу было-бы непознаваемо. Если-же рѣчь можетъ быть о недостаточности знаній только въ отношеніи къ данному времени и въ виду извѣстныхъ потребностей, то поэтому важно опредѣлить—въ чемъ именно заключается эта недостаточность знаній для даннаго времени, ибо этимъ самымъ уже опредѣляются и тѣ задачи, какія предстоятъ наукѣ выполнить по требованіямъ времени. Конечно не во всякое время ясно сознаются задачи, предстоящія наукѣ этого времени, но въ послѣдствіи самый ходъ исторіи дѣлаетъ эти задачи ясными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то посильное удовлетвореніе для

чувствуемыхъ потребностей, какого обыкновенно ищутъ въ имѣющихся на лицо средствахъ, при отсутствіи яснаго сознанія задачъ, соотвѣтствующихъ этимъ потребностямъ, оказывается излишнимъ и недѣйствительнымъ. Такъ въ эпоху французской революціи было общее недовольство тогдашнимъ строемъ жизни, чувствовалась потребность кореннаго преобразованія ея и замѣны старыхъ, отжившихъ началъ, новыми; но, по отсутствію необходимыхъ для этого знаній, представители тогдашней науки ограничивались однимъ лишь отрицаніемъ стараго, разрушеніемъ, отжившихъ свое время, понятій, ничего не давая положительнаго взамѣнъ отвергнутаго стараго. Отсюда толки о недостаточности знаній и необходимости восполненія ихъ иными началами. Впослѣдствіи однако стало яснымъ чего именно недоставало. Чувствовалась потребность создать новое общество, основать жизнь общественную на новыхъ началахъ, но познанія законовъ, которыми опредѣляется жизнь общественная и въ своемъ происхожденіи и въ своемъ устройствѣ, не было; недоставало обществовѣдѣнія. Были конечно философскія теоріи объ этомъ предметѣ, но онѣ ничего общаго не имѣютъ съ точною наукою. Первый, кто указалъ на необходимость новой науки объ обществѣ и опредѣлилъ ей мѣсто въ ряду другихъ наукъ точныхъ, былъ *Контъ*. Контъ выразилъ свое отношеніе къ французской философіи XVIII в. уже въ самомъ наименованіи своей систематизаціи знаній *позитивною философіею*. Онъ хотѣлъ, очевидно, восполнить отрицательный характеръ философіи XVIII в. положительнымъ рѣшеніемъ задачи, поставленной этою философіею. Задача-же эта состояла въ томъ, чтобы создать новую жизнь въ обществѣ, основанную на знаніи, между тѣмъ какъ доселѣ она основывалась на вѣрѣ. Такое разумѣніе задачи, которую надлежало рѣшить въ будущемъ, выразилось у Конта и въ раздѣленіи всей исторіи человечества на три главныя эпохи, изъ которыхъ эпоха господства метафизики представляетъ лишь переходъ отъ теологической эпохи, очевидно родственной съ нею, къ эпохѣ положительной, отличительною чертою которой должно быть господство знанія, нагляднымъ образомъ имѣющее выразить-

ся въ томъ, что управленіе дѣлами общества будетъ находиться въ рукахъ ученыхъ людей. И опять тоже разумнѣе предстоящей къ рѣшенію задачи выразилось также въ самой систематизаціи знаній, составляющей все содержаніе философіи Конта: расположивъ науки въ порядкѣ зависимости ихъ одна отъ другой, опредѣляемой степенью ихъ простоты, такъ что онѣ слѣдуютъ одна за другою по мѣрѣ возрастающей сложности ихъ, и потому смотря на каждую предыдущую науку, какъ на подготовительную ступень къ усвоенію и разработкѣ послѣдующей, Контъ заключительнымъ звѣномъ этой системы призналъ *соціологію*, давая этимъ знать, что всѣ прочія знанія онъ считаетъ только лишь подготовительною школою, введеніемъ къ этой важнѣйшей наукѣ, которая, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Конта, высшую задачу для всѣхъ знаній. Итакъ знаніе по Конту положительное, т. е. основанное на опытѣ, должно стать постепенно силою міродержавною. Ясно такимъ образомъ, что по Конту знаніе, не смотря на свою ограниченность по существу, ибо не можетъ простираться далѣе опредѣленія пространственныхъ отношеній совмѣстности, а также отношеній сходства и послѣдовательности наблюдаемыхъ явленій, — не смотря на эту свою ограниченность, не нуждается въ восполненіи чѣмъ либо инымъ, постороннимъ для знанія; недостаточность знаній должна лишь побуждать постоянно къ дальнѣйшей ихъ разработкѣ, а вмѣстѣ съ усовершеніемъ знаній должно распространяться ихъ господство. Съ этой точки зрѣнія, увѣщанія Руссо полагаться на непосредственныя внушенія природы и предоставить себя безотчетному ея руководству представляются излишними и даже противными той главпой цѣли, къ которой должны направляться всѣ усилія лучшихъ людей. Равнымъ образомъ и Кантъ оказывается правымъ лишь въ той части своей философіи, гдѣ она трактуетъ о познаніи, при чемъ выводы, къ которымъ онъ приходитъ относительно этого предмета, въ существенномъ согласны съ понятіемъ о знаніи, издавна установленнымъ эмпирическою школою, именно, что содержаніемъ доступнаго для насъ знанія могутъ быть только явленія, какъ данныя опыта

и ихъ взаимныя отношенія. Что-же касается утверждаемаго Кантомъ превосходства практическаго разума надъ теоретическимъ, то это превосходство можетъ быть допущено развѣ въ томъ единственно смыслѣ, что практическія задачи должно признать важнѣйшими; но необходимымъ и главнымъ средствомъ осуществленія ихъ все-же слѣдуетъ признать научное знаніе, а никакъ не, тѣ ничего общаго съ положительнымъ знаніемъ не имѣющія и самимъ Кантомъ полагаемыя внѣ области возможнаго знанія, идеи, которыя онъ относитъ къ практическому уму подъ именемъ постулатовъ практическаго разума, видя въ нихъ необходимое восполненіе недостаточности положительныхъ знаній. Никакой видъ незнанія не можетъ замѣнить собою знанія положительнаго ¹⁾.

Такой приговоръ о философіи Канта, хотя онъ вполнѣ совпадаетъ съ духомъ позитивной философіи Конта и лежитъ, очевидно, въ направленіи мысли означаемомъ этою философіею, не столько однакожъ опирался на этомъ совпадении, по крайней мѣрѣ вначалѣ, сколько на томъ, что именно къ нему привела въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ и самая та идеалистическая философія, вышедшая изъ философіи Канта, которая главнымъ образомъ опиралась на кантовскомъ ученіи о превосходствѣ пракческаго разума, съ принадлежащими ему идеями или постулатами надъ теоретическимъ, т. е. о преобладаніи идей разума надъ ограниченностію знанія. Коль скоро философія, для которой основаніемъ послужила мысль о необходимомъ восполненіи опытнаго знанія посредствомъ сверхъопытныхъ идей разума, не заключающихъ въ себѣ знанія, а только лишь выражающихъ необходимыя правила для употребленія разума въ обсужденіи вещей,—если эта философія привела къ отрицанію предположенной ею сверхъчувственной области бытія и къ признанію чувственнаго опыта единственно возможнымъ для

1) Въ недавно вышедшей книгѣ: „Прошедшее философіи“, Е. де-Роберти, т. I, въ самомъ началѣ ея читаемъ слѣдующія слова: „Подобно наукѣ, искусству, технику, т. е. *всѣмъ видамъ и отраслямъ знанія*; подобно религіи, мистицизму, суевѣрію, т. е. *всѣмъ формамъ и ступенямъ незнанія*, и философія... составляетъ продуктъ общественной культуры....

насъ способомъ познанія,—то очевидно съ этимъ паденіемъ идеалистической философіи теряла всякое значеніе и самая мысль, послужившая основаніемъ этой философіи, — мысль объ идеяхъ разума, какъ необходимыхъ принципахъ его употребленія. Критическій разборъ философіи Гегеля долженъ показать намъ, какимъ образомъ могло случиться, что философія эта разрѣшилась реализмомъ, который теперь является противникомъ не только идеалистической, но и всякой философіи, чуждается самаго имени философіи.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИКИ.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ.

(Окончаніе *).

V.

Первообразомъ греческаго государства была семья. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы мы могли разсматривать каждое отдѣльное государство древней Греціи, какъ разросшуюся до гигантскихъ размѣровъ семью, всѣ члены которой были-бы связаны между собою единствомъ происхожденія отъ общаго предка. Въ греческихъ народныхъ преданіяхъ, правда, не разъ высказывается вѣра въ существованіе подобной кровной связи между членами одной и той-же общины, — перѣдко граждане ея считаютъ себя потомками какого-нибудь одного героя, мифическаго ея основателя и патрона, — но мы, конечно, не имѣемъ никакого права раздѣлять такое паивное воззрѣніе. Для насъ важенъ не буквальный смыслъ того факта, что напр. аѳиняне по Кадму называли себя Кадмеонами или аѳиняне по Кекропсу именовались Кекропидами, а его болѣе глубокое внутреннее значеніе. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ отдаленную пору сѣдой древности, когда ходъ исторической жизни побудилъ греческія племена выработать первые элементы гражданственности, вновь зарождавшееся государство созидалось не иначе, какъ по го-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 17.

товому типу семьи, было первоначально пассивно проникнуто духомъ патриархальныхъ отношеній и утверждалось на тѣхъ-же началахъ, которыя лежали въ основаніи семейнаго права. Эти начала были просты и естественны. Они коренились въ самой сущности вѣншихъ условій, которымъ подчинена была жизнь грека въ древнѣйшія времена. Въ періодъ непрерывной борьбы между еще не освѣвшими окончательно на своихъ мѣстахъ племенами, когда хищническіе набѣги постоянно тревожили мирное развитіе зачинавшейся городской жизни, когда приходилось тщательно оберегать занятую землю отъ частыхъ непріятельскихъ вторженій и насильственныхъ захватовъ, единство власти было необходимо для сохраненія единства и цѣлости юнаго государства. Такимъ образомъ первою формою государственнаго устройства была монархія. Раздѣленіе высшей правительственной власти между нѣсколькими лицами въ глазахъ грека героическаго времени являлось дѣломъ столь-же невозможнымъ, какъ невозможно было, чтобы и въ семьѣ авторитетомъ отца пользовался не одинъ, а многіе. Монархъ въ государствѣ былъ тѣмъ-же, чѣмъ патриархъ—въ семействѣ. Онъ былъ такимъ-же естественнымъ главою и представителемъ своего народа, былъ соединенъ съ нимъ столь-же тѣсною органическою связью, такъ-же и защищалъ его, и судилъ, и отправлялъ обязанности верховнаго жреца его боговъ, и въ силу того-же права первородства, которое господствовало въ каждомъ отдѣльномъ семействѣ, сходя въ могилу слагалъ съ своихъ плечъ все бремя государственныхъ дѣлъ и заботъ на старшаго сына. Съ своей стороны народъ тяготѣлъ къ монарху, какъ тяготѣли къ отцу всѣ остальные члены семьи, видѣлъ въ немъ прямаго выразителя своихъ интересовъ, гордился имъ, какъ достойнѣйшимъ отпрыскомъ роднаго племени, довѣрчиво прибѣгалъ къ его помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и свободно повиновался опредѣленіямъ его воли, замѣнявшимъ въ тѣ безправныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, точныя постановленія закона.

Но прошли вѣка,—и отъ этой первобытной простоты отношеній, конечно, осталось мало слѣдовъ. При Софоклѣ уже

внутренняя жизнь греческихъ республикъ представляла весьма сложныя и разнообразныя формы, далекія отъ типа патріархальной монархіи. Нашъ поэтъ жилъ и дѣйствовалъ въ такую пору, когда броженіе общественныхъ элементовъ, вызванное тѣмъ великимъ переворотомъ, какой произвели въ Греціи персидскія войны, достигло крайней степени своего развитія, борьба противоположностей внутри отдѣльныхъ политій становилась все ожесточеннѣе, а интересы послѣднихъ принимали все болѣе и болѣе дробный характеръ. Софокль былъ очевидцемъ блестящихъ успѣховъThemistocles и Павзанія,—онъ пережилъ славный вѣкъ Перикла, вѣкъ процвѣтанія, силы и могущества Аѳинъ,—вмѣстѣ съ прочими гражданами терпѣлъ всѣ ужасы знаменитой аѳинской чумы, бывшей первымъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ, ожидавшихъ въ недалекомъ будущемъ его родину бѣдствій,—имѣлъ несчастье оплакать неудачу сцилійской экспедиціи и даже попалъ въ число тридцати *пробуловъ*,—учрежденіе, явившееся слѣдствіемъ олигархической реакціи. На всемъ протяженіи всемірной исторіи нѣтъ періода, который-бы представлялъ примѣръ столь быстрой смѣны политическихъ положеній, столь напряженнаго состоянія всѣхъ общественныхъ силъ, столь многосторонней и кипучей работы духа, столь стремительнаго движенія событій,—всего того, чѣмъ характеризуется эта поистинѣ замѣчательная эпоха, это чреватое происшествіями необычайной важности столѣтіе, предѣльными пунктами котораго являются первые годы семидесятой и девяностопятой олимпіады.

Къ сожалѣнію, намъ трудно судить, каковы были общіе нравственные принципы, руководившіе политическими стремленіями народныхъ массъ въ греческихъ государствахъ въ такое знаменательное для исторіи человѣческой культуры время. Трагики чаще ссылаются на законы высшей божественной справедливости, чѣмъ на положительное право, и, хотя соціальныя идеи и стремленія вѣка должны были такъ или иначе отразиться въ ихъ произведеніяхъ, однако не слѣдуетъ забывать и того, что, гдѣ затрагивается область политики, тамъ естественнѣе всего ожидать проявленія личныхъ, субъективныхъ расположеній. Кромѣ того извѣстенъ

изстари установившійся на греческой сценѣ обычай, въ силу котораго трагики брали сюжеты для своихъ драмъ изъ времени отдаленной героической древности, заставляя такимъ образомъ зрителей переноситься воображеніемъ въ давно минувшіе дни патріархальныхъ порядковъ. Приходится, слѣдовательно, въ каждомъ данномъ случаѣ предварительно рѣшить вопросъ, имѣется-ли передъ нами воззрѣніе далекаго незапамятнаго прошлаго, или-же взглядъ, раздѣляемый самимъ поэтомъ и его современниками. Правда, въ этомъ послѣднемъ отношеніи греческіе драматурги стѣснялись гораздо менѣе писателей нашего времени и весьма мало заботились о томъ, чтобы вѣрно и послѣдовательно выдержать характеръ изображаемой эпохи. Шекспировскіе анахронизмы—ничто въ сравненіи съ тѣми хронологическими неточностями, какія допускались Эсхиломъ и Софокломъ. Мы встрѣчаемъ у нихъ чуть не на каждомъ шагу среди условій аѳинскаго времени—учрежденія аѳинской республики, въ изображеніи варварскихъ стралъ—чисто аѳинскія черты, и потому не удивительно, если даже нѣкоторые ученые, какъ Шелль и отчасти Клейнъ, были склонны усматривать въ греческой трагедіи рѣшительную политическую тенденцію. Однако все-же и здѣсь не мало сомнительныхъ случаевъ, и задача критика еще болѣе усложняется, когда требуется не столько уяснить себѣ образъ мыслей самого автора, сколько уловить въ его произведеніяхъ отголоски народныхъ воззрѣній.

Школою хорошихъ гражданъ, по понятіямъ грека, была семья. Въ семьѣ дѣти учились безпрекословно исполнять волю отца и такимъ образомъ чуть не съ колыбели усвоивали себѣ первую и главнѣйшую добродѣтель гражданина—повиновеніе власти. Изъ греческихъ трагиковъ можно было бы привести цѣлый рядъ изреченій, въ которыхъ анархія подвергается такому-же безпощадному бичеванію, какъ и тиранія. У одного, папримѣръ, повиновеніе называется „матерью благосостоянія“ (τῆς εὐπραξίας μήτηρ); по словамъ другаго, повиноваться заставляеть не только долгъ и справедливость, но и простой расчетъ ¹⁾, и самое благополучіе

¹⁾ Soph. Phil. v. 913.

гражданъ зависитъ отъ степени ихъ послушанія ¹⁾). Наоборотъ, нѣтъ большаго зла, какъ безначаліе: оно губитъ государства, разрушаетъ дома, вноситъ въ боевые ряды безпорядокъ и смятеніе ²⁾). Когда среди людей исчезаетъ уваженіе къ властямъ и законамъ,—когда простой „демотъ“ позволяетъ себѣ дерзко возвышать голосъ противъ правительства, и произволу открытъ полный просторъ,—„такъ и знай, что государство, словно несомый попутнымъ вѣтромъ корабль, неудержимо стремится къ гибели“ ³⁾). Непослушаніе—корень всѣхъ золъ: если-бы смертная казнь, говоритъ Орестъ въ „Электрѣ“, грозила каждому, кому охота нарушать законы, въ мірѣ не было-бы столько бѣдъ и напастей ⁴⁾). Даже тотъ, кто одаренъ неукротимою силою и облеченъ могуществомъ, долженъ умѣть побѣждать въ себѣ духъ строитивости и противленія и подчиняться установленной власти ⁵⁾). Подданному нѣтъ даже дѣла до того, справедливы-ли, или не справедливы распоряженія его правителей, — его долгъ покорно исполнять эти распоряженія, и если онъ умѣетъ повиноваться даже въ мелочахъ, то сумѣетъ при случаѣ и повелѣвать, а на полѣ битвы окажется однимъ изъ самыхъ стойкихъ и неустрашимыхъ воиновъ ⁶⁾).

Выходитъ такимъ образомъ, что авторитетъ закона и правителей въ государствѣ въ сущности тоже, что въ семьѣ власть отца. Мысль, что невозможно быть хорошимъ гражданиномъ, не будучи въ то-же время и хорошимъ семьяниномъ ⁷⁾), для грека представляла непререкаемую истину, и, какъ семейное право находилось подъ эгидою отеческихъ боговъ, θεοὶ πατρίωνι или προγόνωνι, съ міродержавнымъ Зевсомъ во главѣ, такъ вышніе-же боги, по распространенному въ древней Греціи вѣрованію, охраняли и всѣ государствен-

¹⁾ Antig. v. 675 sq.

²⁾ Ibid. v. 672.

³⁾ Soph. Ai. vv. 1070—1083.

⁴⁾ Soph. El. v. 1505.

⁵⁾ Ai. v. 699.

⁶⁾ Antig. v. 667.

⁷⁾ Ibid. v. 661.

ныя установленія, блюли неприкосновенность гражданскихъ законовъ и заботились о ненарушимости внутренняго мира. Верховная власть, которою облеченъ правитель страны, считалась не дѣломъ человѣческаго произвола, а результатомъ божественнаго опредѣленія, и, когда Креонтъ въ „Антигонѣ“ требуетъ отъ сына покорности, то ссылается именно на этотъ священный характеръ принадлежащаго ему авторитета; съ другой стороны Гемонъ, Антигона, Тевкръ отнюдь не посягаютъ на самый принципъ власти, но возстаютъ лишь противъ злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ, которыя, опираясь на силу и забывши всякую мѣру, дерзаютъ оскорблять высшее божеское право, — ибо передъ нимъ, — передъ этимъ вѣчнымъ и непреложнымъ божескимъ правомъ, должны одинаково склоняться во прахъ и могущественные повелители, и простые смертные.

Идеаль царя, рисовавшійся въ воображеніи Эсхила и Софокла, значительно расходится съ тѣмъ идеаломъ, какой мы находимъ въ поэмахъ Гомера. Эпические „пастыри народовъ“ имѣютъ лишь весьма отдаленное и поверхностное сходство съ различными Целасгами, Эдипами и Тезеями греческой трагедіи. Опять-же и дурныхъ правителей въ родѣ Этеокла, Креонта, Атридовъ (въ „Аяксѣ“) трагедія характеризуетъ такими чертами, въ какія, очевидно, представленіе республиканца-афинянина пятого столѣтія могло облекать лишь узурпаторовъ-тирановъ, а никакъ не патріархальныхъ царей героическаго вѣка. Самое имя „тиранъ“ употребляется названными поэтами большею частью въ ненавистномъ для демократическаго уха смыслѣ ¹⁾. Съ этимъ именемъ они связываютъ образъ самовластнаго деспотическаго повелителя, слѣпаго и глухаго ко всему кромѣ внутренней непосредственнаго чувства, въ жертву минутной прихоти готоваго принести и благо подданныхъ, и счастье семьи, не терпящаго никакихъ возраженій и противорѣчій, не внимающаго ничѣмъ совѣтамъ. Въ глазахъ тирана государство—его личное достояніе, граждане — безотвѣтные исполнители его произ-

¹⁾ Срв. Oed. R. v. 873; Antig. v. 506.

воленій ¹⁾); словно подъяремный скотъ склоняются они подъ игромъ своего властелина ²⁾), не смѣя поднять голосъ въ защиту поруганныхъ правъ, не дерзая помыслить о сопротивленіи ³⁾). Тиранъ насильственно подавляетъ въ нихъ духъ истинной свободы, и тогда въ народѣ получаютъ преобладаніе худшіе нравственные инстинкты, а съ тѣмъ вмѣстѣ колеблется и его благосостояніе ⁴⁾).

Очень обычно сравненіе государства съ кораблемъ и добраго правителя—съ хорошимъ кормчимъ. Толпа капризна и непостоянна, какъ та стихія, съ которою борется морякъ, и нужно много твердости, много ума, много осторожности, чтобы овладѣть этимъ безпокойнымъ элементомъ, соединить разрозненныя общественныя силы и направить ихъ къ достиженію одной высокой цѣли,—величія и блага отечества. Развратить массу, потворствуя ея страстямъ, льстя ея низшимъ побужденіямъ, угодничая и ползая передъ нею,—не долго ⁵⁾), и тѣмъ труднѣе задача правителя, который хочетъ честно выполнить лежащую на немъ, въ отношеніи подданныхъ и государства, святую обязанность и неуклонно стремится къ общей пользѣ. Такой правитель долженъ заранѣе отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ мотивовъ, заранѣе отказаться отъ мысли угодить всѣмъ и не рассчитывать на людскую благодарность: самъ Зевсъ, равно всѣмъ подающій и свѣтъ, и дождь, и теплоту, не избѣжалъ-бы наказанія, если бы подлежалъ суду облагодѣтельствованныхъ имъ людей ⁶⁾). Съ другой стороны необходимо тѣсное единеніе правителя съ народомъ: онъ ближе, нежели даже сами граждане, долженъ принимать къ сердцу ихъ интересы ⁷⁾), долженъ отечески заботиться о нихъ и не забывать того, что великіе міра только тогда истинно сильны и могущественны, когда

1) Antig. v. 738.

2) El. v. 1461 sq.; Antig. v. 289; Aesch. Agam. v. 1593, 1609.

3) Antig. v. 509, 690 sq.; Oed. R. v. 530.

4) Soph. Fragm. 204.

5) Срн. Phil. v. 386 sq.

6) Soph. Fragm. 470.

7) Oed. R. v. 61 sq.

опираются на малыхъ ¹⁾, что государство безъ гражданъ, какъ и крѣпость или корабль безъ людей,—ничто ²⁾, что власть имущіе больше другихъ нуждаются въ мудрыхъ совѣтникахъ ³⁾,—что ихъ прямая выгода въ томъ, чтобы каждый былъ съ ними откровененъ, каждый могъ свободно и не обвинясь высказывать имъ даже горькія истины, и что только тиранамъ свойственно любить льстивыя рѣчи и возвышать ласкателей ⁴⁾. Живой образецъ, соответствующій этимъ требованіямъ, находимъ у Эсхила въ „Данаидахъ“. Его Пеласгъ, аргосскій царь,—этотъ благородный, свободолюбивый эллинъ, намѣренно противопоставляемый авторомъ жестокому и деспотическому повелителю египтянъ,—является совершеннѣйшимъ типомъ идеальнаго правителя. Онъ свято чтитъ отечественныхъ боговъ и помнитъ ихъ законы, справедливъ и кротокъ съ подданными, привѣтливъ съ чужеземцами, охотно подаетъ помощь просящимъ у него защиты, внимательно прислушивается къ голосу своего народа и ничего важнаго не предпринимаетъ безъ его согласія и одобренія. Въ противоположность возрѣнію варваровъ, по которому царь—безконтрольный вершитель судебъ своихъ подданныхъ, ихъ неограниченный владыка, ихъ земной богъ ⁵⁾, онъ строго различаетъ между своими личными интересами и интересами государства, тщательно отдѣляетъ свои частныя дѣла и отношенія отъ дѣлъ государственныхъ. Пеласгъ силою слова и превосходствомъ ума побѣждаетъ оппозицію въ народномъ собраніи и, благодаря своей ловкости, успѣваетъ склонить народъ къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя признаетъ необходимыми, но, чуждый суетности и тщеславія, скромно судитъ о собственныхъ заслугахъ и готовъ приписать всѣ свои успѣхи исключительно настроенію демоса, который свободенъ принять или отвергнуть всякое предло-

¹⁾ Ai. v. 160 sq.

²⁾ Oed. R. v. 56; Antig. v. 739.

³⁾ Soph. Fragm. 12.

⁴⁾ Ai. v. 734; Fragm. 711.

⁵⁾ Срв. v. 370 sq.: σύ τοι πόλις, σὺ δὲ τὸ δῆμιον, πρότασις ἀκριτος ὢν κτλ.

женіе. За то, когда честь страны и чувство собственного достоинства того требуютъ, онъ умѣетъ проявить всю силу своей власти и дѣйствуетъ смѣло, энергично и рѣшительно.

Есть предположеніе, что „Данаиды“ написаны Эсхиломъ въ концѣ семьдесятъ девятой олимпіады, т. е. какъ—разъ въ ту пору, когда Перикль, послѣ столь неудачнаго и оскорбительнаго для народнаго самолюбія исхода итомской экспедиціи, торжествовалъ свою побѣду надъ Кимономъ, и въ борьбѣ партій наступилъ періодъ затишья. Аѣины стояли тогда на небывалой высотѣ политическаго могущества, наслаждались относительнымъ миромъ, владѣли непобѣдимымъ флотомъ и богатѣйшею казною. Развернувшій свои силы и окрѣпшій въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, демось получилъ окончательный перевѣсъ надъ аристократическою партіею, но его господство еще не успѣло выродиться въ буйную и нестройную охлократію. Во главѣ государства стоялъ умный, энергичный, стойкій и образованный правитель, обладавшій необыкновенною способностью подчинить массы своему вліянію, столько-же умѣвшій сдерживать страстные порывы живой, подвижной и легкомысленной черни, сколько и возбуждать къ дѣятельности дремлющія силы болѣе инертной и осторожной части общества, одушевленный неподдѣльнымъ и глубокимъ патріотизмомъ и всецѣло посвятившій себя служенію родинѣ. Старозавѣтные отеческія религіозныя и нравственныя преданія, на которыхъ утверждался весь строй народнои жизни, еще не подверглись тлетворному дѣйствию скептическихъ ученій, и въ народѣ живъ былъ еще духъ его отцовъ,—духъ умѣренности, простоты, благочестія, справедливости и неподкупной честности. Идея государства болѣе, чѣмъ когда-либо, объединяла личныя стремленія отдѣльныхъ гражданъ, заставляя каждого нести на алтарь отечества всѣ свои силы и дарованія, и во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности обнаруживалась невѣроятная работа, безпримѣрное движеніе. Такимъ образомъ, когда хоръ Данаидъ на сценѣ аѣинскаго театра выражалъ желаніе, чтобы пріютившіе ихъ аргивяне всегда сохраняли уваженіе къ законамъ и властямъ, чтобы ихъ страпою уп-

равлялъ мудрый и заботящійся объ общемъ благѣ государь, чтобы родную землю не терзали внутренніи смуты и не обогрѣла братоубійственная кровь, а съ сосѣдями не велись-бы опустошительныя и несправедливыя войны, но чтобы въ государствѣ царилъ прочный миръ, — многотысячная толпа аѳинскихъ гражданъ могла съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія сказать себѣ, что ею этотъ желанный идеалъ гражданскаго благополучія почти достигнутъ, что остается только удержать государство на той высотѣ процвѣтанія и славы, на которую вознесли его труды предшествовавшихъ поколѣній и тяжелая вѣковая борьба...

Къ несчастью, блестящая звѣзда Аѳинъ скоро померкла, — и это не замедлило отразиться самымъ печальнымъ образомъ на состояніи всей Греціи...

Разчлененная самою природою на множество мелкихъ и совершенно обособленныхъ территорій, Греція никогда не могла сплотить свое населеніе въ одно политическое тѣло. Духъ единства былъ чуждъ тѣмъ многочисленнымъ племеннымъ единицамъ, которыя покрывали въ древности государствами, какъ сѣтью, весь югъ Балканскаго полуострова. Каждая изъ этихъ единицъ, пезависимо отъ другихъ, въ узкихъ предѣлахъ занятой мѣстности успѣла выработать особый типъ государственной жизни, и чѣмъ шире и многостороннѣе развивались эти типы, тѣмъ больше росла взаимная рознь между государствами, тѣмъ рѣзче проявлялся партикуляризмъ. Сознаніе національности, вызванное персидскимъ нашествіемъ, исчезло, лишь только миновалъ грозный призракъ чужезападеннаго завоеванія. Обезопасившись съ вѣшной стороны, греческія политіи принялись интриговать другъ противъ друга, и въ морѣ мелкихъ козней, взаимныхъ подкоповъ, личныхъ счетовъ и эгоистическихъ стремленій топили высшіе интересы, гибли лучшія силы, истощались матеріальныя средства. Недовѣріе, зависть, измѣна, соперничество разъединили союзниковъ и превращали недавнихъ друзей въ заклятыхъ враговъ. Страшъ грозилъ въ недалекомъ будущемъ совершенный упадокъ нравственной и политической жизни....

А между тѣмъ кому неизвѣстно, что чувство самой высокой, беззавѣтной, самоотверженной любви къ родинѣ всегда составляло отличительную черту греческой націи и что самый антагонизмъ греческихъ республикъ отчасти служилъ выраженіемъ этого чувства? Дѣло въ томъ, что патриотизмъ грека былъ слишкомъ узокъ, и понятіе „родина“ для него совершенно исчерпывалось словами „родной городъ“, „родная община“. *Patris* (отечество) и *polis* (городъ, государство) употреблялись поэтому въ языкѣ большею частью, какъ названія однозначущія. „Если“, говоритъ Шёманнъ, „греки чувствовали себя связанными, въ противоположность варварамъ, единствомъ языка,—который, различаясь по нарѣчіямъ, былъ однако всѣмъ имъ понятенъ,—одинаковыми чертами религіи и культа, ссхжимъ въ общихъ основаніяхъ строемъ жизни и всѣхъ равно поглощавшимъ стремленіемъ къ гражданской свободѣ и самоуправленію, то съ другой стороны было гораздо больше такого, что ихъ разъединяло, нежели такого, что связывало“ ¹⁾. Всѣ маленькія общины Эллады и Пелопоннеса смотрѣли врозь, и зачастую наибольшія противоположности развивались въ ближайшемъ сосѣдствѣ. По понятіямъ грека, то „цѣлое“, *τὰ ὅλα*, которому каждый долженъ былъ приносить въ жертву свою личность, ограничивалось предѣлами его непосредственной родины. Для афинянина это была Аттика съ ея священными лавровыми и масличными рощами, обиталищами Эвменидъ и Посейдона ²⁾, съ ея утесистыми берегами, оглашаемыми шумомъ морскихъ волнъ ³⁾, съ ея виноградниками и блестящими храмами, для еиванца—область беотійскихъ Фивъ съ Киверономъ и Диркой ⁴⁾ и т. д. Грекъ прилѣплялся къ отчизнѣ съ тою-же исключительностью, съ какой онъ отдавался своей семьѣ, и преслѣдовалъ ближайшіе интересы роднаго города съ тѣмъ-же рвеніемъ, съ какимъ защищалъ честь отеческаго

¹⁾ Schömann, Griech. Alterth. II, S. 1.

²⁾ Oed. Col. v. 42. 54.

³⁾ Ai. v. 1218 sq.

⁴⁾ Soph. Oed. R. v. 1086 sq.; Antig. v. 100 sq; v. 844; Eurip. J. T. 399; Phoen. 236, 367.

дома и отстаивалъ неприкосновенность семейнаго права. Извѣстное положеніе „ubi bene, ibi patria“ было, какъ замѣчаетъ Любкеръ ¹⁾, чуждо духу греческой древности, незнакомой еще съ позднѣйшими космополитическими тенденціями, и могло лишь вырваться, какъ крикъ отчаянья, изъ устъ какого-нибудь Гевкра, насильственно оторваннаго отъ своей родины ²⁾. Умереть на чужой землѣ, быть схороненнымъ вдалекѣ отъ прагѣдовскихъ могилъ считалось величайшимъ несчастіемъ, какое только могло постигнуть человѣка ³⁾. Въ софокловомъ „Филоклетѣ“ хоръ спутниковъ Неоптолема ужасается при одной мысли о томъ, что герой названной драмы могъ цѣлые годы влечить бѣдственное существованіе въ какой-нибудь пустынѣ, въ полномъ одиночествѣ, не видя живого существа, съ которымъ-бы ему можно было подѣлиться своими ощущеніями, въ чьей груди нашли-бы сочувственный откликъ его радости или печали ⁴⁾. Жить, совершенно отрѣшившись отъ жизни общественной, вдали отъ милыхъ сердцу стѣнъ отечественнаго города, отъ его святынь, не слыша тысячеголоснаго шума народныхъ собраній, грекъ находилъ невыносимымъ. Въ его глазахъ отчизна была общею матерью всѣхъ гражданъ,—въ пей одной заключалось все ихъ благо ⁵⁾; разрывъ съ пей былъ равносильенъ разрыву съ семьєю, съ религією предковъ, со всѣмъ, что людямъ свято и дорого ⁶⁾. Враговъ ея истинный гражданинъ долженъ былъ считать своими личными врагами ⁷⁾; въ интересахъ ея—находить существенный мотивъ для индивидуальной дѣятельности. Эта посвященная родинѣ дѣятельность признавалась не только долгомъ, но и насущною потребностью каждаго. Только негодяи могли оставаться равнодушнымъ къ тому, что болѣе или менѣе близко касалось

¹⁾ Lübker, op. s. cit., II, p. 44.

²⁾ Soph. Fragm. 725.

³⁾ Soph. El. v. 1131 sq.

⁴⁾ Soph. Phil. v. 686 sq.

⁵⁾ Antig. v. 189.

⁶⁾ Ibidem, v. 198.

⁷⁾ Ibid., v. 188.

его отечества. Когда рѣчь шла о его судьбѣ, должны были смолкать всѣ эгоистическія побужденія, утихать всѣ страсти, отходить на задній планъ всѣ мелочные расчеты.

Почти чрезъ полтора столѣтія послѣ той исторической эпохи, которая имѣется нами здѣсь въ виду, одинъ изъ величайшихъ философовъ древности опредѣлялъ государство, какъ „союзъ, коего цѣль состоитъ въ достиженіи общаго блага“ ¹⁾, а благо,—какъ „дѣятельность, направляемую согласно съ требованіями добродѣтели“ ²⁾. Эти опредѣленія составлены совершенно въ духѣ греческаго народа. У Софокла, напр., мы встрѣчаемъ тотъ-же взглядъ и почти тѣ-же выраженія. Одна изъ его хоровыхъ партій начинается такъ: „истинный мужъ долженъ считать справедливымъ то, что клонится къ общему благу, и не долженъ того, кто такъ мыслить, преслѣдовать ненавистью и оскорбленіями“ ³⁾. Въ другой—поэтъ устами хора выражаетъ слѣдующее весьма характерное желаніе: „да будетъ мнѣ даровано судьбою всегда хранить святую чистоту и въ словѣ, и въ дѣлѣ,—во всемъ, надъ чѣмъ поставлены, высоко вознесенные надъ человѣческимъ произволомъ, (ὕψιπodes) законы! Въ небесномъ эфирѣ порождены они,—Олимпъ единый ихъ отецъ. Непричастны они смертной природѣ людей и потому никогда не будутъ обречены на забвеніе“ ⁴⁾. Древнее государство предъявляло къ своимъ гражданамъ большія требованія. Отдавая ему всѣ свои способности и силы, каждый гражданинъ долженъ былъ вносить въ свою дѣятельность совершеннѣйшую чистоту помысла, совершеннѣйшее безкорыстіе побужденій. Онъ долженъ былъ постоянно помнить, что представляетъ только малую частицу великаго цѣлаго, съ судьбою котораго нераздѣльно слита и его собственная участь. Совѣсть народа безусловно осуждала всякіе себялюбивые мотивы въ дѣятельности, посвященной обществу, ка къ ненавистнѣйшій признакъ

¹⁾ Aristot. Polit., III, 5, 13: ἡ τοῦ εὖ ζῆν κοινωνία.

²⁾ Aristot. Eth. Nic. X, 7; εὐεργεσία κατ' ἀρετήν.

³⁾ См. Soph. Phil. v. 1125 и примѣчаніе Германа къ этому мѣсту въ его изданіи названной трагедіи (Лейпц., 1824, стр. 206 слѣд.).

⁴⁾ Soph. Oed. R. v. 863 sq.

тираническихъ посползновеній, какъ „ὑβρις“, какъ проявленіе глубочайшей нравственной испорченности ¹⁾). Исторія Алкивиада представляетъ первый примѣръ открытаго заявленія правъ личности,—первый протестъ противъ подчиненія личности идеѣ государства, но мы знаемъ, чѣмъ кончился этотъ протестъ!... Что возвышало силы греческихъ политій, такъ это именно царившій въ нихъ духъ общественности. Никто не смѣлъ противопоставить государству свое „я“, свою индивидуальность. Два могущественныя побужденія,—стыдъ, αἰδώς, и страхъ, δέος,—стыдъ передъ обществомъ такихъ-же гражданъ, страхъ передъ лицомъ карающаго произволь правосудія и стоящихъ на стражѣ нравственности боговъ, должны были руководить каждымъ и каждого удерживать отъ посягательствъ на неприкосновенность, освященныхъ традиціей нравственныхъ началъ, лежавшихъ въ основаніи государственной жизни ²⁾). И не даромъ Антигона въ своемъ обращеніи къ аѳинскимъ геронтамъ (въ „Эдипѣ Колонскомъ“) называетъ ихъ αἰδοφόρους ³⁾),—быть можетъ, никто изъ грековъ не былъ такъ воспріимчивъ къ чувству стыда, такъ чутокъ къ тому, что Цицеронъ называлъ honestum decorumque, какъ именно аѳиняне, воздвигнувшіе алтарь Стыдливости въ своемъ городѣ и помѣщавшіе тронъ этого божества на ряду съ престолами Зевса и Дики ⁴⁾).

VI.

Въ тотъ самый годъ, когда умеръ Эсхилъ, передъ аѳинскою публикою впервые выступилъ со своею драматическою

¹⁾ Срв. Soph. Antig. v. 1056: τὸ δ' ἐκ τῶν ἀνῶν αἰσχροκέρδεια φιλεῖ. Также Soph. Oed. R. v. 872 sq.

²⁾ См. рѣчь Менелая въ софокловомъ „Аякѣ“. v. 1073—1083. Срв. также изреченіе някиа Стасина (Mull. 17) и сицилійскаго поэта Эпихарма: „Гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ“ (ἐνθα δέος, ἐνταῦθα καὶ δῶς). Платонъ въ „Государствѣ“ говоритъ: „страхъ и стыдъ суть въ достаточной мѣрѣ способные обуздывать стражи“ (р. 465, А, В). Подобнымъ-же образомъ выражается и Плу-тархъ, см. Kleom. 9.

³⁾ Oed. Col. v. 236, 247.

⁴⁾ Ibidem, v. 1267 sq. Вообще Софокль часто выдвигаетъ принципъ стыда. Срв. Ai. v. 245, El. v. 249, Oed. Col. v. 929, ibid. v. 960. Срв. Lübker. op. cit. p. 54.

тетралогією молодой поэтъ, который съ этихъ поръ въ теченіе почти цѣлаго полувѣка не переставалъ добросовѣстно и неутомимо работать для греческой сцены и которому современемъ потомство отвело почетное мѣсто въ знаменитой триадѣ великихъ греческихъ трагиковъ. Я говорю объ Эврипидѣ. Онъ былъ всего лишь лѣтъ на пятнадцать моложе Софокла и впоследствии не разъ состязался съ нимъ на общественныхъ празднествахъ. Впрочемъ, не смотря на такую сравнительно ничтожную разницу въ лѣтахъ, уже древніе замѣтили между обоими поэтами коренную противоположность, которая, быть можетъ, и была причиною того, что такъ часто сталкиваясь между собою на театральныхъ подмосткахъ, они никогда однако не могли вполне сблизиться другъ съ другомъ.

Какъ Софокль примыкаетъ по своему міросозерцанію къ поколѣнію славныхъ героевъ Саламина и Платен, такъ, напротивъ, Эврипидъ даже для своего времени является челоувѣкомъ передовымъ, глашатаемъ того умственного движенія, которое въ афинскомъ обществѣ вызвали софисты и которое, только къ концу Пелопоннесскихъ войнъ, приняло дѣйствительно обширные размѣры.

Эврипидъ можетъ считаться ученикомъ софистовъ въ настоящемъ и полномъ смыслѣ этого слова. Онъ въ совершенствѣ усвоилъ всѣ приемы ихъ діалектическаго метода, до мозга костей проникнуть ихъ идеями, въ своихъ произведеніяхъ проводить ихъ основныя положенія, самымъ дѣятельнымъ образомъ поддерживаешь отношенія съ корифеями софистическаго направленія и многимъ изъ нихъ охотно даетъ пріютъ въ своемъ домѣ. Серьезный, сосредоточенный, склонный къ меланхоліи, онъ еще въ молодости полюбилъ философскія занятія и не покидалъ ихъ въ продолженіе всей своей жизни, что, конечно, должно было сильно отразиться и на характерѣ его поэтическаго творчества. Эврипидъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ ученымъ изъ греческихъ поэтовъ, и потому драмы его болѣе, нежели чьи-бы-то ни было, несутъ на себѣ отпечатокъ философской рефлексіи, какъ замѣтилъ уже Аристофанъ ¹⁾. Тенденція, вообще чуждая по-

¹⁾ Aristoph. Kan. v. 1491.

эзии Эсхила и Софокла, которая держится постоянно на нѣ-
которой идеальной высотѣ, у Эврипида сказывается во всѣхъ
его произведеніяхъ. Оттого они подчасъ такъ холодны и сухи.

Эврипидъ представлялъ натуру чисто субъективную. Дѣй-
ствующія лица его трагедій никогда не заслоняютъ отъ насъ
ихъ автора. Можно положительно утверждать, что во всей
греческой литературѣ врядъ-ли найдется другой писатель,
нравственная фізіогномія котораго выступала-бы передъ на-
ми въ болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ очертавіяхъ и характе-
ристика котораго могла-бы менѣе затруднять историка. Слѣды
внутреннихъ процессовъ, пережитыхъ поэтомъ, всюду видны въ
его стихотвореніяхъ. Въ нихъ обманутый жизнью, неудовле-
творенный наукою, онъ излилъ всю горечь своей истерзанной,
наболѣвшей души, всю тоску извѣрившагося ума, весь ядъ му-
чительныхъ сомнѣній, все негодованіе оскорбленнаго чувства...

Вотъ почему во всемъ предыдущемъ изложеніи намъ при-
ходилось ссылаться на Эврипида такъ рѣдко и то лишь ми-
моходомъ. Если-бы мы задались цѣлью написать исторію фи-
лософской мысли въ древней Греціи,—миновать его, конеч-
но, было-бы невозможно: другъ Протагора и Продика, слу-
шатель Сократа, послѣдователь натурфилософской теоріи
Анаксагора,—онъ долженъ былъ-бы тогда надолго остано-
вить на себѣ наше вниманіе. Не менѣе важныя и интерес-
ныя данныя можно было-бы почерпнуть также изъ Эврипида
и въ томъ случаѣ, если-бы требовалось изобразить судьбы
религіознаго сознанія грековъ, представить ихъ вѣрованія и
тѣ модификаціи, которымъ эти вѣрованія подвергались съ
теченіемъ времени: скептикъ, начавшій въ молодости съ ув-
леченія мистическими теоріями орфіковъ и окончившій подъ
старость полнымъ атеизмомъ,—онъ въ своихъ произведеніяхъ
часто и охотно затрагиваетъ религіозныя темы. Но какого
рода свѣдѣнія можетъ дать столь субъективный поэтъ, какъ
Эврипидъ, когда рѣчь идетъ о народной этикѣ? Онъ всегда
старался обособиться отъ народа. Его девизомъ было гора-
ціанское „*odi profanum vulgus et arceo*“. Не даромъ афинская
публика относилась къ нему холодно, а иногда и прямо
враждебно. Щедро награждая піесы Эсхила и Софокла,—

этихъ лучшихъ выразителей ея идеаловъ, — она, по большей части, совершенно игнорировала драмы Эврипида, двадцать три раза выступавшаго передъ нею со своими произведеніями и только пять разъ удостоившагося получить первую премію. Его менторскій тонъ, его явное сочувствіе къ лицамъ, сильно скомпрометировавшимъ себя въ общественномъ мнѣніи ¹⁾, его презрительное отношеніе къ вещамъ, которыя народъ привыкъ уважать, его глумленіе надъ оракуломъ дельфійскаго Аполлона, священнымъ въ глазахъ cadaго благочестиваго эллина, наконецъ, шаткость его политическихъ симпатій и взглядовъ и пристрастное отношеніе къ партіямъ, — все это отталкиваетъ отъ Эврипида живыхъ и впечатлительныхъ афинянъ, вкусъ которыхъ воспитался на глубокомысленныхъ, исполненныхъ чудной поэзіи твореніяхъ Эсхила и Софокла, и не мало способствовало тому, что среди своихъ непосредственныхъ современниковъ онъ былъ рѣшительно непопуляренъ и что только послѣдующія поколѣнія получили интересъ къ его піесамъ...

Такимъ образомъ мы были правы, ограничившись въ своемъ изслѣдованіи тѣмъ матеріаломъ, какой заключается въ произведеніяхъ двухъ старшихъ греческихъ трагиковъ, и оставивши Эврипида въ сторонѣ.

Но, выдѣливши изъ трагедій Эсхила и Софокла тѣ черты, которыя, по нашему мнѣнію, имѣютъ болѣе или менѣе общій смыслъ и могутъ до нѣкоторой степени характеризовать этическое состояніе современной названнымъ поэтамъ Греціи, мы не вполне еще окончили свою задачу. Остается бросить общій взглядъ на добытые результаты и подвести имъ итогъ.

Зачастую, судя объ античныхъ цивилизаціяхъ съ точки зрѣнія современной гиперкультуры, бываютъ склонны относиться нѣсколько свысока къ суммѣ духовныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ древнимъ міромъ. Съ другой стороны нерѣдко впадаютъ и въ другую крайность, облакая жизнь грековъ и римлянъ въ черезчуръ идеальныя формы и вознося

¹⁾ Говорятъ, что Протагоръ въ домѣ Эврипида впервые прочиталъ свое атеистическое сочиненіе, за которое былъ потомъ изгнанъ изъ Аѳинъ; см. Diog. Laërt. IX, с. 8, 5.

ихъ учрежденія на слишкомъ высокій пьедесталь. И если вообще, производя историческую оцѣнку извѣстныхъ личностей, событій и эпохъ, трудно оставаться строго объективнымъ и сплошь и рядомъ приходится, по выраженію Гёте, „за духъ временъ припимать свой собственный духъ, въ которомъ отражаются времена“ ¹⁾,—то это тѣмъ возможно и легче, когда въ рукахъ такой зыбкой и эластичный матеріалъ, какъ рядъ поэтическихъ произведеній, случайно пощаженныхъ временемъ и нынѣ призванныхъ послужить, въ числѣ другихъ остатковъ древней письменности, источникомъ для изысканій историческаго характера. Поэтому постараемся по возможности яснѣе и кратче резюмировать все доселѣ изложенное.

Первое, что поражаетъ насъ въ этическихъ воззрѣніяхъ греческаго народа,—это тѣснѣйшая ихъ связь съ народною религіею. Всѣ законы человѣческой нравственности являлись для грека какимъ-то отображеніемъ высшей божественной истины. Всѣ природныя, естественныя, равно какъ и условныя, произвольно созданныя обычаемъ или договоромъ отношенія, неизмѣнно поставлялись имъ подъ охрану и покровительство вѣчныхъ божескихъ законовъ, отъ которыхъ и получали высшее религіозное освященіе. Такимъ образомъ нормы поведенія, которымъ обязанъ былъ слѣдовать каждый человѣкъ, признавались какъ-бы свыше опредѣленными и предуставленными, а всякое отклоненіе отъ нихъ считалось прямымъ и непосредственнымъ оскорбленіемъ самаго божества. При этомъ никто не сомнѣвался, что такое отклоненіе возможно лишь, какъ результатъ невѣдѣнія или-же какъ дѣйствіе, затмевающего разсудокъ людей роковаго ослѣпленія. Сократъ, утверждавшій, что добродѣтель есть знаніе, въ сущности выражалъ въ этихъ словахъ коренное убѣжденіе своего народа, не разъ паходившее отголосокъ въ его поэзіи ²⁾. Начало интеллектуальное, по понятіямъ грека, находилось въ извѣстномъ соотношеніи съ началомъ нравственнымъ, и

¹⁾ Der Geist, den Ihr den Geist der Zeiten heisst,
Ist nur im Grund der Herren eig'ner Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln.—Göthe, „Faust“.

²⁾ Ср. у Софокла: Oed. Col. 115 sq.; Antig. 1242 sq.; 1250; 1318 sq.

направленіе воли всецѣло зависѣло отъ направленія ума. Божество отвело человѣку извѣстное мѣсто въ окружающемъ его мірѣ явленій, и, покамѣстъ онъ остается въ предѣлахъ своей компетенціи, покамѣстъ со вниманіемъ прислушивается къ внушеніямъ свойственнаго каждому чувства мѣры, покамѣстъ заботливо слѣдуетъ указаніямъ вседневнога опыта, этого главнаго источника нашихъ знаній ¹⁾, и не слишкомъ полагается на непогрѣшимость субъективнаго мнѣнія,—до тѣхъ поръ онъ застрахованъ отъ нравственнаго паденія. Если же по той или другой причинѣ онъ совершаетъ преступленіе, то этимъ нарушается гармонія всего міроустройства, и для возстановленія ея безусловно требуется наказаніе виновнаго, хотя-бы погрѣшившаго и мимовольно. Всякая вина разсматривалась греками, какъ ущербъ нанесенный нравственности,—ущербъ, который, во что-бы то ни стало, долженъ быть возмѣщенъ.

Другую не менѣе важную и характерную черту греческой народной этики составляетъ господствующая въ ней идея совершеннаго подчиненія частнаго цѣлому, случайнаго и особеннаго—существенному и общему. Индивидуумъ имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку онъ есть часть цѣлаго. Человѣкъ, какъ членъ семьи, какъ гражданинъ государства, какъ одна изъ безчисленныхъ нитей въ безконечной основѣ мірозданія, всегда занимаетъ относительное положеніе,—его функція всегда опредѣляется тою ролью, которую онъ призванъ сыграть на жизненной сценѣ,—его личныя стремленія должны сообразоваться съ нравственною идеею общаго. Весь видимый міръ представляетъ извѣстнаго рода систему. Въ немъ всѣ части равно необходимы, каждая имѣетъ свое назначеніе, каждая неразрывно связана съ остальными единствомъ общаго плана и служитъ соотвѣтственно своей природѣ къ достиженію полной гармоніи цѣлаго. Наша прямая этическая задача состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы не нарушать этой гармоніи какими нибудь рѣзкими диссонансами.

Очень естественно, что такой взглядъ съ одной стороны приводитъ неминуемо къ тенденціи фаталистическаго харак-

¹⁾ Soph. Trach. v. 583.

тера,—и эта тенденція довольно ощутительно проявилась въ цѣломъ рядѣ греческихъ народныхъ вѣрованій,—а съ другой предполагаетъ весьма близкое и непосредственное отношеніе человѣка къ природѣ. Какъ было сильно развито въ древнемъ человѣчествѣ вообще, а въ грекахъ въ особенности „природное чувство“ (Naturgefühl),—необыкновенная чуткость и восприимчивость къ явленіямъ міра ви́шняго,—впервые указалъ Александръ Гумбольдтъ въ своемъ знаменитомъ „Космосѣ“ ¹⁾, и за нимъ цѣлая фаланга ученыхъ съ любовью разработывала эту интересную тему. По выраженію Эдуарда Мюллера, въ глазахъ грека природа представляла чудный инструментъ, приведенный въ полнѣйшее созвучіе съ нѣжными струнами человѣческой души, настроенный съ нею на одинъ тонъ ²⁾. Грекъ сплеталъ свое существованіе неразрывными узами съ тѣмъ, что творилось вокругъ него, и естественные законы имѣли для него обязательное значеніе и силу законовъ божескихъ. Ими въ сущности опредѣлялись всѣ отношенія его жизни,—частной и общественной. Онъ признавалъ непрерывное взаимодействіе природы и духа,—и мы привели достаточно примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ глубоко и живуче въ немъ было это убѣжденіе. Однимъ изъ слѣдствій его было, напр., то преимущество, которое вся древность такъ согласно отдавала благородному происхожденію. Вырожденіе считалось аномаліей: по общему правилу отъ силы должна была родиться сила, отъ доблести—доблесть, отъ красоты—красота и т. д. Жизнь физическая и жизнь нравственная, явленія природныя и процессы духовныя разчленились въ представленіи грека съ трудомъ, мыслились имъ постоянно въ связи и трактовались съ одной и той-же *религіозно-этической* точки зрѣнія.

А. Деревницкій.

¹⁾ A. v. Humboldt, Kosmos, II, S. 11 ff.

²⁾ E. Müller, Ueber Sophokleische Naturanschauung. Liegnitz. 1842. Цит. у Мюллера, прив. соч., стр. 20 (II).

М. Т. ЦИЦЕРОНА

„ТУСКУЛАНСКІЯ БЕСѢДЫ“ КЪ М. БРУТУ

(кн. 2-я).

О ТОМЪ, ЧТО СТРАДАНІЯ ДОЛЖНО ПЕРЕНОСИТЬ ТЕРПѢЛИВО.

(Продолженіе *).

І. Неоптолемъ ¹⁾ у Энія говоритъ, что „философствовать для него составляетъ потребность, но въ ограниченной мѣрѣ; ибо отдать себя всецѣло этому дѣлу не соотвѣтствуетъ его характеру“. Я же лично, Брутъ, думаю, что мнѣ во всякомъ случаѣ необходимо философствовать; ибо, строго говоря, что я могу дѣлать лучше, не имѣя неотложныхъ занятій? и не въ немногомъ, какъ говоритъ тотъ. Ибо трудно, чтобы и въ немногомъ былъ причастенъ философіи тотъ, для котораго или многое или все въ ней покрыто мракомъ неизвѣстности. Вѣдь и немногое можетъ быть пріобрѣтено только у многихъ, и тотъ, кто добылъ немногое, не будетъ-ли съ одинаковымъ рвеніемъ идти по пути къ отысканію остальнаго.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 11.

¹⁾ Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса, отъ руки котораго палъ Пріамъ и который счастливо возвратившись изъ Трои, нашель смерть въ Дельфахъ въ святилищѣ Аполлона. Эній относитъ къ нему такія слова, которыя онъ могъ сказать лишь подъ Троею. Мысль, заключенная въ нихъ, не новая; она высказана еще Калликломъ въ „Горгіасѣ“ Платона: φιλοσοφία γὰρ τοι ἐστὶ χάριεν ἄν τις αὐτοῦ μετρίως ἄφηται ἐν τῇ ἡλικίᾳ· εἰάν δὲ περαιτέρω τοῦ δέοντος ἐνδιατρίψῃ, διαφθορὰ τῶν ἀνθρώπων.

Между тѣмъ въ жизни дѣловитой, и, какъ у Неоптолема тогда, посвященной военной службѣ, часто самое это немногое изъ философіи бываетъ полезно много и несетъ съ собою благое воздѣйствіе, если и не въ такой мѣрѣ великое, какое можетъ быть отъ цѣлостнаго воспріятія философіи, однако такое, въ силу котораго мы иногда въ извѣстной степени можемъ освободиться или отъ страсти или отъ скорби или отъ страха. Все равно какъ въ той бесѣдѣ, которую я держалъ недавно въ Тускуланумѣ, сколько можно судить, повидимому, мы приобрѣли такое твердое убѣжденіе, относительно малозначительности для насъ смерти, которое совсѣмъ не малый имѣетъ вѣсъ въ отношеніи къ тому, чтобы изъять изъ нашей души чувство боязливости. Ибо кто способенъ трепетать передъ тѣмъ, что неизбѣжно, тотъ отнюдь не можетъ имѣть спокойствіе въ жизни; тотъ-же, который не потому только что предлежитъ необходимость умереть, но также и потому не боится смерти, что не носитъ въ себѣ ничего такого, почему-бы смерть должна была принести ему ужасъ,—тотъ имѣетъ у себя въ готовности великій залогъ для счастливой жизни.

Утверждая это, мы не чужды сознанія, что многіе съ усиленнымъ нерасположеніемъ будутъ говорить противъ насъ,— обстоятельство, устранить которое мы рѣшительно не могли бы иначе, какъ развѣ рѣшившись совершенно не писать ни о чемъ. Развѣ только эти мои рѣчи, на счетъ которыхъ мы думали имѣть благосклонное сужденіе народа; ибо этотъ даръ живой рѣчи привлекаетъ сочувствіе народныхъ массъ и настоящіе плоды краснорѣчія суть одобреніе слушающихъ;— но если доселѣ отыскивались хотя немногіе, кои желали-бы одобрять лишь то, что они сами падѣются возсоздать, и ставить для краснорѣчія лишь такую задачу, которую считаютъ самихъ себя въ силахъ разрѣшить, и, съ истощеніемъ запаса мыслей и словъ, утверждаютъ, что они отдаютъ свое сочувствіе скорѣе сухой и скудной рѣчи, чѣмъ выпукло-краснорѣчивой, (возрѣніе, изъ котораго возникъ родъ аттической рѣчи у тѣхъ, кои объявляютъ себя сторонниками этого невѣдомаго у насъ способа слововыраженія, и которые почти

совсѣмъ замолкли, встрѣтивши сильное неодобреніе даже на форумѣ); то—какъ подумаешь—что съ нами будетъ въ настоящемъ положеніи, когда мы теперь, повидимому, совсѣмъ не можемъ пользоваться тою нравственною поддержкой народа, коею пользовались прежде? ¹⁾ Ибо философія довольствуется немногимъ числомъ судей, съ намѣреніемъ отдаляясь отъ толпы и въ то-же время встрѣчая со стороны послѣдней подозрѣніе и нерасположеніе, такъ что даже если кто-либо вздумалъ-бы произнести порицательный приговоръ противъ нея вообще, онъ могъ-бы это сдѣлать не встрѣтивъ противодѣйствія въ толпѣ, или если-бы pomysлилъ идти войною противъ той, которой мы наипаче слѣдуемъ, то могъ-бы получить значительную помощь отъ остальныхъ философскихъ школъ.

II. На порицанія обращенныя къ философіи вообще, мы уже отвѣтили въ „Гортензіѣ“; что-же слѣдовало сказать въ защиту Академіи, мы, думаемъ, достаточно тщательно выставили на видъ въ четырехъ книгахъ нашихъ подъ названіемъ „Academica“; тѣмъ не менѣе я столь чуждъ мысли не желать видѣть сочиненій, направленныхъ противъ меня, что готовъ встрѣтить ихъ охотно. И въ самой Греціи философія никогда не была-бы въ такомъ почетѣ, если-бы не возраждалась въ силѣ, благодаря спорамъ и борьбѣ мнѣнній ученѣйшихъ людей.

Въ виду этого я обращаю совѣтъ ко всѣмъ, кои въ состояніи сдѣлать это: желательно было-бы, чтобы они славную извѣстность въ этой отрасли знанія восхитили у истощенной Греціи и перенесли ее въ этотъ городъ, подобно тому, какъ наши предки своею заботливостію и рачительностію перенесли къ намъ всѣ остальные искусства, какія именно представлялось необходимымъ видѣть у себя. Что относится до ораторовъ, то ихъ славное дѣло, явившись сначала на низкой ступени развитія, постепеннымъ ходомъ дошло

¹⁾ Неодобреніе, которое рѣчи Цицерона встрѣчали у строгихъ дѣятелей искусства, замѣчалось болѣе со стороны тѣхъ, которые находили, что Цицеронъ иногда чрезмѣрно многословенъ и не всегда строго держится требованія точно выражать свои мысли: и это неодобреніе не было совершенно безосновательнымъ, хотя и расположило Цицерона напомнить своимъ противникамъ греческую пословицу: *μωμῆσεται τις μᾶλλον ἢ μὴσεται*. Ср. Orat. cap. 7 и 23.

до такой высоты, что—какъ это природа песеть съ собою во всѣ вещи—начинаеть клониться къ упадку и, повидимому, въ неотдаленномъ будущемъ имѣеть подпасть полному забвенію; философія-же, напротивъ, съ этихъ самыхъ поръ должна получить свое мѣсто въ латинской литературѣ, для этой цѣли и мы готовы нести свой трудъ и согласны выносить порицанія и опроверженія, направленные противъ насъ. Такое обстоятельство выносить съ чувствомъ огорченія тѣ, которые стоятъ за твердыя и неизмѣнныя какія-либо воззрѣнія, какъ-бы обязанные держаться ихъ приговоромъ судьи и священнымъ опредѣленіемъ, и настолько упретены такого рода необходимостію, что бывають принуждены ипогда ради послѣдовательности защищать то, что обыкновенно не одобряють: мы съ своей стороны, которые идемъ по пути вѣроятнаго, и можемъ дойти не далѣе, какъ только до того, что представляется уму имѣющимъ видъ истины, готовы вести и опроверженія безъ упорной привязанности къ своему мнѣнію, и встрѣчать возраженія безъ гнѣвливости.

Если такая расположенность къ знанію будетъ перенесена къ нашимъ соотечественникамъ, мы даже не будемъ имѣть нужды и въ греческихъ бібліотекахъ, въ которыхъ находится несчислимое множество книгъ по причинѣ того, что было много тѣхъ, которые писали: вѣдь много повторяють одно и то же, вотъ отчего у нихъ много книгъ. Это конечно произойдетъ и съ нами, если на поприще философскихъ занятій будетъ стекаться большее число людей, чѣмъ теперь. Но мы, сколько можемъ, желали-бы расположить къ нимъ тѣхъ, кои, будучи основательно образованы, философствуютъ на основаніи разумныхъ началъ и въ надлежащемъ направленіи, не пренебрегая при этомъ и точностію изищной рѣчи.

III. Есть такого рода люди, которые имѣють притязаніе на имя философовъ, у которыхъ говорятъ, дѣйствительно есть въ наличности написанныя ими латинскія книги: хотя я съ своей стороны и не лишаю ихъ значенія, потому именно что никогда и не читалъ ихъ, однако въ виду открытаго заявленія тѣхъ, кои цинуть ихъ, что они при изображеніи предмета не заботились ни объ особенной строгости и поряд-

къ изложенію, ни объ особенной точности и красивой опредѣленности языка; я не имѣю усердія къ чтенію, не имѣющему для души привлекательной силы. Ученныя положенія и ученныя мнѣнія тѣхъ, кои принадлежатъ къ этой школѣ, вѣдомы человѣку даже и не очень высокаго образованія. Такъ какъ они не тратятъ силъ на отысканіе того, въ какомъ видѣ надлежитъ вести рѣчь въ данномъ случаѣ, то я и не возьму въ толкъ, почему ихъ книги должны быть читаемы кѣмъ-либо кромѣ самихъ составителей ихъ вмѣстѣ съ людьми мыслящими одинаково. Ибо какъ Платона и прочихъ послѣдователей Сократа и въ свою очередь тѣхъ, кои вышли изъ ихъ школы, читаютъ всѣ, даже не соглашающіеся съ ними въ воззрѣніяхъ, или по крайней мѣрѣ, не очень усердные сторонники ихъ, Эпикура-же и Метродора ¹⁾ почти ни кто и въ руки не беретъ, кромѣ ихъ послѣдователей, — такъ этихъ латинянъ тѣ одни читаютъ, которые непоколебимы въ своей увѣренности, что ихъ мнѣнія правильны. Для насъ-же очевидно, что все, что ни вручается письмени, приличествуетъ располагать въ формѣ, предназначенной внушить расположеніе къ чтенію во всѣхъ просвѣщенныхъ людяхъ. И пусть мы въ малой мѣрѣ можемъ достигнуть этой цѣли; мы оттого не перестанемъ думать, что въ данномъ случаѣ должно поступать такъ, какъ мы указали.

И вотъ, такимъ образомъ, я всегда считалъ за лучшее, при обсужденіи всѣхъ вещей, слѣдовать обычаю перипатетиковъ и Академіи, вести бесѣду отъ двухъ противныхъ сторонъ, не потому только, что иначе невозможно добыть по отношенію къ каждой вещи то, что похоже на истину, но и потому такъже, что этотъ обычай открывалъ въ то-же время обширное мѣсто дару слова. Этотъ способъ обсужденія предметовъ первый ввелъ въ обычай Аристотель, а за нимъ и его послѣдователи. На нашей памяти Филонъ ²⁾, котораго мы слышали много разъ, поставилъ правиломъ въ одинъ срокъ вре-

¹⁾ Метродоръ, изъ Ламисака, — ближайшій ученикъ Эпикура, *paene alter Epicurus; de fin. 11, 28.*

²⁾ Филонъ, изъ Лариссы, считаемый ученикомъ Клитотомаха, послѣдній значительный академикъ, котораго Цицеронъ слышалъ въ Римѣ, куда Филонъ удался во время войны римлянъ съ Митридатомъ.

мени передавать наставленія риторовъ, въ другой—философовъ. Побуждаемые нашими друзьями къ соблюденію этого обычая въ Тускуланумѣ, мы потратили ради него столько времени, сколько было дано намъ въ распоряженіе. Итакъ, отдавши свой трудъ на чтеніе вслухъ до полудня, какъ мы поступали и въ предыдущіе дни, послѣ полудня мы держимъ путь къ Академіи ¹⁾. Состоявшуюся тамъ бесѣду, мы излагаемъ не въ видѣ описанія, но почти тѣми-же словами, въ какихъ велось дѣло обсужденія.

IV. Вотъ въ какомъ видѣ,—въ то время какъ мы двигались въ саду впередъ и обратно *прогуливаясь*,—было положено начало нашей бесѣды и вотъ въ какомъ видѣ было вступленіе въ нее.

Слушатель. Невозможно описать, съ какимъ чувствомъ душевнаго удовлетворенія слушалъ я твою вчерашнюю бесѣду, или лучше — какое вспоможеніе я получилъ отъ нея. Ибо хотя я лично никогда не былъ повиненъ передъ сознаніемъ въ слишкомъ большой привязанности къ жизни, тѣмъ не менѣе иногда обуревала душу боязнь нѣкотораго рода и скорбь при мысли о томъ, что наступитъ нѣкогда конецъ для этой жизни, и все ясно—привлекательное въ ней пройдетъ невозвратно. Отъ тягостнаго чувства такого рода, вѣрь мнѣ, я чувствую себя достаточно свободнымъ теперь, такъ что готовъ думать, что мнѣ не предстоитъ о чемъ-либо печалиться хотя-бы въ сравнительно малой степени.

Учитель. Нимало это не удивительно. Это суть слѣдствія воздѣйствія философіи: она врачуетъ сердца, мнительное безпокойство удаляетъ прочь, сбрасываетъ съ насъ цѣпи страстей, гонитъ прочь боязливость всякаго рода. Но таковая ея сила не надъ всѣми дѣйствуетъ одинаково: она тамъ болѣе имѣетъ силы, гдѣ столкнется съ болѣе воспріимчивымъ сердцемъ: Вѣдь не одно „счастіе помогаетъ мужественнымъ“ ²⁾,

¹⁾ Цицеронъ имѣлъ въ своемъ домѣ, въ Тускулумѣ (нынѣ Фраскати), два помѣщенія, исключительно назначенныя для ученыхъ бесѣдъ. Одно называлось *лицеумъ*, гдѣ находилась его бібліотека, другое — *Академіей*; эта послѣдняя представляла видъ помѣщенія для гимнастическихъ упражненій въ глубинѣ его сада.

²⁾ Эта пословица находится у Теренція, *Formion*, I. 4, 26 (Сравн. *Virgilia* Энеид. X, 248.

какъ изображено въ старинной пословицѣ, но еще гораздо болѣе соображенія разума, которыя укрѣпляютъ силу мужественной доблестности, все равно какъ какими-либо заповѣдями. Тебя, сколько можно судить по видимости, природа произвела на свѣтъ съ возвышенными стремленіями, чело-вѣкомъ великодушнымъ, способнымъ не придавать особенной цѣнности тѣмъ или другимъ условіямъ человѣческаго существованія: тѣмъ прочнѣе можетъ привиться къ душѣ мужественной наша рѣчь, направленная къ устраненію боязни передъ смертію. Но неужели ты думаешь, что эти преимущества философіи имѣютъ силу, за исключеніемъ развѣ немногихъ, у тѣхъ самыхъ, которые усмотрѣли ихъ, опредѣлили ихъ настоящую цѣнность и сообщили о нихъ во всеобщее свѣдѣніе? Сколькимъ по счету между философиами окажется кто-либо, кто такъ нравственно настроенъ, имѣетъ во внутренней и внѣшней жизни столь твердые устои сообразно требованіямъ разума, чтобы считать свое ученіе не выставкою учености, а закономъ жизни, который былъ-бы въ послушаніи у самого себя и своимъ собственнымъ указамъ повиновался? Не трудно встрѣтить между ними людей съ такою измѣнчивостію въ мысляхъ и съ такимъ тщеславіемъ своею ученостію, что для нихъ лучшимъ было-бы не воспринимать науки; многіе изъ нихъ обнаруживаютъ пристрастіе къ собиранію богатства, нѣкоторые—приверженность къ славѣ, многіе показываютъ себя рабами чувственности,—такъ что ихъ рѣчи находятся въ удивительномъ разладѣ съ ихъ жизнію: а это, на мой взглядъ, явленіе ни въ малой степени не возбуждающее сочувствія. Все равно какъ объявившій себя грамматикомъ и выражающійся въ то же время грубо, по образцу чужестранцевъ, или извлекающій нелѣпыя для слуха звуки и въ то же время притязающій считать себя знатокомъ въ музыкѣ, тѣмъ менѣе бываетъ достоинъ почета, чѣмъ болѣе грѣшитъ въ томъ самомъ, въ чемъ объявляетъ себя знатокомъ;—такъ философъ, грѣшащій въ избраніи себѣ направленія въ жизни, представляетъ тѣмъ болѣе непривлекательный видъ, что онъ оказывается несостоятельнымъ по отношенію къ тому призванію, носителемъ котораго онъ же-

Учитель. Въ томъ случаѣ болѣе слѣдовало-бы стыдиться, если-бы ты помыслилъ упорно оставаться при такомъ своемъ мнѣніи. Ибо что можетъ быть менѣе сообразнымъ съ твоимъ достоинствомъ, какъ предположеніе о томъ, что тебѣ можетъ казаться что-либо болѣе тяжело постыднымъ въ сравненіи съ позоромъ, преступностью и безчестіемъ? чтобы быть вдали отъ такого несчастія, отъ какого страданія не только возможно отказываться, но и есть-ли такое страданіе, которое мы не должны были-бы принять согласіемъ своей воли, возложить на себя и терпѣть его?

Слушатель. Я одинаково съ тобою думаю. На этомъ основаніи я утверждаю, что, положимъ, страданіе и не величайшее зло, а все-таки есть зло.

Учитель. Усматриваешь-ли ты теперь, насколько освободился ты отъ боязни передъ страданіемъ послѣ немногихъ увѣщательныхъ напоминаній твоей душѣ?

Слушатель. Усматриваю, конечно, но мое желаніе — въ томъ, чтобы ты далъ болѣе убѣдительныя доказательства.

Учитель. Съ своей стороны я сдѣлаю попытку, но это дѣло—значительной трудности, и мнѣ потребно видѣть настроеніе не противоборствующее мнѣ.

Слушатель. Ты найдешь его. Какъ было и въ предыдущій день, такъ и теперь я готовъ слѣдовать по тому пути, куда поведетъ меня здравое сужденіе разума.

VI. *Учитель.* Прежде всего я желалъ-бы сказать слово о слабосиліи многихъ людей и о разнообразіи ученій философовъ: изъ нихъ первѣйшій и по значенію и по старшинству, ученикъ Сократа, Аристиппъ ¹⁾, не усумнился признать страданіе величайшимъ зломъ. Къ этому мнѣнію, достойному людей изпѣженныхъ и слабаго характера, послѣ склонился Эпикуръ. За нимъ родосецъ Іеронимъ ²⁾ высказалъ утвержденіе, что быть отдаленнымъ отъ страданій составляетъ высшее благо; столь много зла онъ полагалъ въ страданіи. Про-

¹⁾ Аристиппъ, родившійся въ Киренѣ, въ 464 г. до Р. Хр., основатель такъ называемой киренейской философской школы въ Афинахъ, предшественникъ Эпикура.

²⁾ Іеронимъ, перипатетикъ,—около 300 г. до Р. Хр.

чіе, кромѣ Зенона, Аристона, Пиррона ¹⁾, думали почти также, какъ и ты, именно что страданіе есть зло, хотя и признавали, что есть зло еще тягчайшее. Такимъ образомъ, что отвергаетъ природное чувство и нѣкоторая прирожденная доблестность, очевидно, дабы ты не считалъ страданіе величайшимъ зломъ и, противуполагая страданіе безчестію, удалялся отъ этой мысли,—того твердо держится много вѣковъ философія, руководительница въ жизни. Для того человѣка, который допустилъ утвердиться въ своей душѣ мысли, что страданіе есть величайшее зло, есть-ли долгъ такого высокаго значенія, такого рода славное дѣло, такой подвигъ, исполнить которые онъ готовъ-бы былъ при условіи перенесенія тѣлесныхъ страданій? Продолжая свою мысль далѣе—какое безславіе, какой позоръ онъ не готовъ былъ-бы перенести, чтобы избѣжать только страданія, если онъ считаетъ его величайшимъ зломъ? И кто не бываетъ несчастнымъ не только въ то время, когда угнетается тягчайшими страданіями, при предположеніи, что въ нихъ величайшее зло, но также и въ то время, когда будетъ представлять, что онъ можетъ оказаться въ такомъ положеніи? и есть-ли такой человѣкъ, для котораго не могла-бы выпасть такая доля? Такимъ образомъ и слѣдуетъ, что вообще никто не можетъ быть счастливымъ.

Метродоръ ²⁾ считаетъ вполне счастливымъ того, у котораго тѣло приведено въ состояніе полного порядка, и у котораго есть увѣренность, что такъ всегда будетъ. Однако, кто тотъ человѣкъ, для котораго это обстоятельство можетъ быть предметомъ увѣренности?

VII. Эпикуръ-же высказываетъ такіа утвержденія, что какъ будто-бы онъ желалъ вызвать смѣхъ. Ибо онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „будетъ-ли мудрый подверг-

¹⁾ Аристонъ, ученикъ Зенона, основатель стонической школы,—около 275 г. до Р. Хр. Пирронъ, скептический философъ изъ Элея,—около 330 г. до Р. Хр.

²⁾ Слова этого философа приведены у Климента Александрийскаго, Stromat II: ἀγαθὸν ψυχῆς τί ἄλλο ἢ τὸ σαρκὸς εὐσταθὲς κατὰστημα καὶ τὸ περὶ ταύτης πιστὸν ἔλπισμα.

нута огню, будетъ-ли подвергнута вообще пытка“, — ты ожидаешь, быть можетъ, что Эпикуръ скажетъ: „будетъ терпѣть, будетъ выносить, не окажется подавленнымъ бѣдствіями“ (хвала великая, призываю Геркулеса во свидѣтели этого, и достойная того, кто призывается во свидѣтели); но Эпикуру, человѣку грубому и упорному, этого недостаточно: если даже будетъ на пытка у Фалариса ¹⁾, онъ будто-бы скажетъ: „какъ это пріятно! у меня и мысли нѣтъ о томъ, что я страдаю!“ Даже и пріятно? а если-бы сказать, что это непричиняетъ горчайшаго страданія, развѣ этимъ было-бы мало сказано? Однако-же тѣ сами, кои отрицаютъ, что страданіе есть зло, не доходятъ до того, чтобы утверждать, что быть мучимымъ можетъ быть для кого-либо пріятно; они говорятъ, что тяжело, трудно, нежелательно выносить это, что природа отвращается отъ страданія; и все-таки оно, по ихъ мнѣнію, не есть зло. А этотъ человѣкъ, который одно страданіе считаетъ за зло и даже за тягчайшее изъ всѣхъ золъ, находитъ возможнымъ сказать, что мудрый найдетъ оное пріятнымъ. Я отъ тебя не требую, чтобы ты относилъ къ страданію такого рода опредѣленія, какъ Эпикуръ, человѣкъ, какъ ты знаешь, склонный давать значеніе въ жизни чувству удовольствія. Онъ сказалъ-бы, пожалуй, тоже самое, будучи среди тягчайшихъ мученій, что сказалъ-бы, находясь въ постели: я не отношу такой силы къ мудрости въ отношеніи страданій. Лишь-бы человѣкъ былъ мужественъ въ перевесеніи страданій—это съ точки зрѣнія долга имѣетъ немаловажное значеніе; а чтобы онъ былъ радостнымъ среди страданій,—этого я не требую. Ибо страданіе физическое, нѣтъ сомнѣнія, несетъ печаль, тягостно, горько, враждуетъ съ природнымъ чувствомъ, и представляетъ тяжелый искусь для терпѣнія и выносливости.

Суди въ этомъ случаѣ по Филоклету ²⁾; не должно-ли

¹⁾ in Phalaridis tauro. Фаларисъ — властитель въ Агригентѣ, около 550 г. до Р. Хр

²⁾ Филоклетъ получилъ тяжкую рану отъ одной изъ стрѣлъ; подаренныхъ ему Геракломъ передъ смертію, подъ условіемъ не открывать никому мѣста его погребенія. Но когда греки увѣдомленные оракуломъ, что бззъ этихъ стрѣлъ

простить его, когда онъ издаетъ стоны: онъ видѣлъ самого Геракла рыдающимъ подъ тяжестію великой скорби. И такъ этого мужа не радуетъ въ то время подарокъ, который онъ получилъ отъ Геракла, когда

Тяжкая рана, разливши боль въ тѣлѣ,
Будитъ чувство тягчайшія муки.

И вотъ такимъ-то образомъ онъ и молитъ о помощи, едва не желая смерти:

Ахъ! развѣ-бы кто меня въ волны морскія
Сбросилъ съ гребня высокой скалы?
Вотъ-вотъ послѣднія силы исчезнуть: рана тяжелая
Точитъ меня, тяжелая боль истощаетъ.

Повидимому, трудно рѣшиться сказать, что не находится среди золь и притомъ тягчайшихъ тотъ, который нудился издавать столь жалобные крики.

VIII. IX. X. Но обратимъ вниманіе на Геракла самого, который былъ сокрушаемъ страданіями въ то время, какъ смерть вела его къ бессмертію. Какія жалобы изливаются изъ его усть въ „Трахинянкахъ“ Софокла ¹⁾:

О многое вытерпѣлъ тѣломъ и вынесъ въ душѣ я,
О чемъ говорить тяжело, а терпѣть еще тяжелѣе!
Ни тяжкая мышца враговъ, ни насиліе грековъ,
Ни дикость чуждыхъ народовъ, ни ярость племенъ отдаленныхъ
Тѣлу столь не вредили, какъ эти мученья.
Сынъ мой, иди! слезы пролей надъ моимъ ты страданьемъ.
Имѣй сожалѣніе! И народы слезъ не лишатъ насъ.
Прежде не слышали стоновъ моихъ при несчастіи;
Теперь моя бодрость исчезла, совсѣмъ изнемогши.
Приди, стань рядомъ, мой сынъ, и взоромъ прикини
Къ тѣлу отца жалко безсильному.

Можемъ-ли мы не имѣть вниманія къ страданію, когда мы видимъ, что самъ Гераклъ несъ страданіе не съ терпѣніемъ?

не можетъ быть взята Троя, потребовали у Филоктета, чтобы онъ показалъ гробницу Геракла,—онъ показалъ имъ ее, ударяя въ землю ногою, думая, что это не будетъ нарушеніемъ обѣщанія. Послѣ этого, во время переѣзда съ своими спутниками въ лагерь подъ Троей, одна изъ подаренныхъ стрѣлъ удари-лась въ ногу, которою онъ показалъ гробницу Геракла, въ чемъ онъ увидѣлъ наказаніе за свое вѣроломство.—Нижеслѣдующіе стихи заимствованы изъ „Филоктета“ Акція.

¹⁾ Вышеуказанные отдѣлы VIII, IX и X изложены съ нѣкоторыми пропусками.

Пусть явится свидѣтелемъ и Эсхиль, не только поэтъ, но и пифагореецъ: такое дошло до насъ о немъ преданіе. Какое страданіе выносить у него Прометей за хищеніе на Лемнось¹⁾,

Отколѣ для смертныхъ поданъ былъ огонь,
Какъ ходитъ молва; оный обманомъ
Прометей похитилъ, и за то наказанъ
Былъ приговоромъ небеснымъ.

Итакъ, терпя наказаніе, прикованный къ Кавказу, онъ говоритъ:

Потомки Титана, къ узнику взоръ обратите
На острыхъ скалахъ. Уже третій мучительный день,
Какъ острые когти орла, при каждомъ прилетѣ его,
Тѣло мое разрываютъ. Когда-же покрытое
Глубокими ранами тѣло вновь исцѣлѣетъ,
Онъ снова летитъ на терзанье. Такъ, одинокій
Терплю я тяжкія муки, обращаюсь желаніемъ
Къ смерти, какъ концу всѣхъ страданій.
Горькое это страданіе, въ теченіе долгихъ столѣтій,
Въ удѣлъ моему дано тѣлу.

XI. Итакъ, кажется, едва-ли мы можемъ не назвать несчастнымъ удрученнаго такими бѣдствіями, и если мы называемъ его несчастнымъ, то, очевидно, страданіе есть зло.

Слушатель. Ты, конечно, доселѣ ведешь мое дѣло. Но мы скоро присмотримся къ сказанному тобою. А пока—откуда эти стихи? Я ихъ не узнаю.

Учитель. Я не скрою этого, разумѣется; ты такъ прямо доискиваешься знать это. Ты находишь, что у меня очень много свободного времени?

Слушатель. Что ты хочешь сказать?

Учитель. Когда ты находился въ Аѣинахъ,—думаю, ты бывалъ нерѣдко при школьныхъ лекціяхъ философовъ.

Слушатель. Разумѣется, и съ большою охотою даже.

Учитель. Такъ ты замѣчалъ, что хотя въ то время между ними не было ни одного, который-бы обладалъ изящною, полносоставною рѣчью, однако въ ихъ рѣчь замѣшивались и стихи.

¹⁾ Лемнось—часто землетрясеніемъ подвергавшійся островъ Эгейскаго моря, почему и былъ священнымъ островомъ Гефеста.

Слушатель. И даже многимъ стихамъ давалъ мѣсто стойкъ Діонисій.

Учитель. Правду говоришь. Но онъ только какъ-бы сообщалъ ихъ въ свѣдѣнію, не дѣлая строгаго выбора между ними, не заботясь объ изяществѣ ихъ; Филонъ, прилагая къ дѣлу свою собственную размѣренную рѣчь вмѣстѣ съ поэтическими произведеніями другихъ, дѣлалъ это, когда было умѣстно. Вотъ и я, послѣ того какъ возымѣлъ расположеніе къ философскимъ бесѣдамъ, что, повидимому, такъ свойственно старческому возрасту, съ своей стороны съ большимъ вниманіемъ отношусь къ нашимъ поэтамъ, но какъ-бы въ предположеніи, что они неудовлетворительны, я самъ многое переложилъ изъ греческихъ писателей, дабы при этомъ способѣ обсужденія предмета моя рѣчь не потеряла какого-либо украшенія. Но не замѣчаешь-ли ты, сколько поэты приносятъ зла? мужественныхъ людей они представляютъ издающими горестные вопли; они отнимаютъ у нашей души *необходимую* бодрость, потворствуя изнѣженности: послѣ этого они такъ отвѣчаютъ нашему душевному расположенію, что не только читаются, но даже изучаются. Такъ, когда поэты склонились къ худымъ порядкамъ во внутренней, домашней жизни, стали близко къ жизни не славной и не вполне степенной,—они вмѣстѣ съ тѣмъ стали отнимать у доблести то, что въ ней есть устойчиваго и твердаго. И такъ не безъ основанія у Платона они удаляются изъ того идеальнаго государства, которое онъ изобразилъ, когда думалъ объ отысканіи наилучшаго нравственнаго строя жизни и наилучшаго устройства государственныхъ дѣлъ. Мы-же между тѣмъ, наученные, конечно, въ этомъ случаѣ Греціею, съ дѣтства и читаемъ и изучаемъ ихъ произведенія; мы видимъ въ этомъ для человѣка благоприличное средство воспитанія и образованія.

С. Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1886 года.

Содержаніе: Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 23 сентября н. г. за № 69, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, опредѣлено: желающіе усиленныхъ занятій для своихъ дѣтей по музыкѣ въ количествѣ четырехъ недѣльныхъ уроковъ обязаны вносить за это и удвоенную плату; обучающимъ-же музыкѣ за таковыхъ воспитанницъ также выдавать двойное вознагражденіе.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Тихоновской церкви села Сидоренкова, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Стефановскій* перемѣщенъ къ Воскресенской церкви слоб. Коломака того-же уѣзда.

— Священникъ Николаевской церкви села Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, Виталій *Ястремскій* утвержденъ законоучителемъ Ново-Рябиновскаго начальнаго народнаго училища.

— Священникъ Воскресенской церкви с. Коломакъ, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Ревскій*, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Георгіевской церкви слоб. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

— На священническое мѣсто при церкви Сумскаго тюремнаго замка опредѣленъ діаконъ Сумской Николаевской церкви Іоаннъ *Аксеменовъ*.

— Заштатный діаконъ Сумскаго Покровскаго собора Василій *Васильковскій* 11 сентября н. г. волею Божіею умеръ.

— Сверхштатный псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви села Кру-
чика, Богодуховскаго уѣзда, Карпъ *Николаевскій* утвержденъ штатнымъ
псаломщикомъ при той церкви.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Изюмскому Преображенскому
собору опредѣленъ псаломщикомъ уволенный изъ VII класса Александров-
ской Сумской гимназіи священнической сынъ Евгеній *Насѣдкинъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ:
Троицкой села Бурлея, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Дмитрій *Халена*;
Іоанно-Богословской села Бригадировки, того-же уѣзда, крестьянинъ Фе-
одоръ *Ковалевскій*; Николаевской слободы Мурафы, Богодуховскаго уѣзда,
отставной трубачъ Дмитрій *Павлюкъ*; Іоанно-Воинской села Рогожнаго,
Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Антонъ Николаевъ *Скачидубъ*; Казанской
села Басовки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Семенъ Дмитріевъ *Киричен-
ко*; Архангело-Михайловской с. Печинь, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ
Федоръ Михайловъ *Коневъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а :

Діаконскія: въ слоб. Климовкѣ, Сумскаго уѣзда; въ слоб. Каплуновкѣ,
Богодуховскаго уѣзда; въ с. Станичномъ, Валковскаго уѣзда; въ слободѣ
Перекопѣ, Валковскаго уѣзда; въ слоб. Бакировкѣ, Ахтырскаго уѣзда и
въ слоб. Волчанскихъ хуторахъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Положеніе діаконовъ въ приходскихъ церквахъ.—Заботы земствъ объ улучшеніи церковнаго пѣнія.—Предстоящій юбилей Пекинской православной миссіи.—Состояніе Камчатской духовной миссіи.—Работы по сооружеію храма на мѣстѣ печальнаго событія 1 марта 1881 года.—Мѣры къ усиленію религіозно-нравственнаго воздѣйствія духовенства на народъ.—Распоряженія Архангельскаго епархіальнаго начальства.—О штундизмѣ.—Изъ учебнаго міра.—Противораскольническія бібліотеки.—„Посланіе“ священника Люцернова.—Новая секта.—Назначеніе настоятеля посольской церкви нашей въ Берлинѣ.—О церковно-приходскихъ попечительствахъ.—Складъ духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для народныхъ школъ въ Харьковѣ.—Къ вопросу объ отчужденіи церковной земли въ частное владѣніе.—Мѣры къ утверженію православія въ западномъ краѣ.—Новый памятникъ Царю-Освободителю.—Археологическая находка.—Реставрація древнихъ храмовъ.—Историко-статистическія описанія церквей и приходовъ.—Новая монета.—Къ вопросу о появленіи у насъ холеры.—По поводу крестьянскихъ ходатайствъ и жалобъ.—Памятникъ героямъ-мученикамъ.—Ученый французскій священникъ, перешедшій въ православіе.—Заботы о подготовкѣ причетниковъ.—Смерть Преосвященнаго Смарагда, епископа Ковенскаго.—Освященіе новаго храма въ Москвѣ.—75-лѣтній юбилей Казанскаго собора въ С.-Петербурѣ.—Назидательная ковчина крестьянина.—Присужденіе уваровскихъ премій.—Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка.—Дѣятельность г. Митрополова.

Новое положеніе, въ которое поставлены въ приходскихъ церквахъ діаконъ, вызываетъ иногда недоумѣнія и пререканія, которыя требуютъ болѣе точнаго установленія отношеній членовъ причта со стороны епархіальной власти. Тверское епархіальное начальство, разъясняя заявленныя въ этомъ отношеніи недоумѣнія, постановило: „По силѣ п. 13 инстр. благочиннымъ, діаконъ должны неопустительно являться къ богослуженію и къ требоисправленіямъ, и въ воскресные и праздничные дни обязаны служить съ приготовленіемъ. Но изъ дѣлъ епархіальнаго управленія видно, что діаконъ нерѣдко уклоняются отъ исполненія своихъ обязанностей, а также видно и то, что, съ привлеченіемъ діаконовъ къ дѣлу учительства въ церковно-приходскихъ школахъ, постоянное участіе въ богослуженіяхъ и требоисправленіяхъ становится для нихъ весьма затруднительнымъ и маловозможнымъ. Въ виду сихъ обстоятельствъ консисторія мнѣніемъ положила: подтвердить, чрезъ епархіальныя вѣдомости, всѣмъ священникамъ и благочиннымъ епархіи имѣть неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы діаконъ неопустительно и, притомъ съ приготовленіемъ служили во всѣ воскресные и праздничные дни, чтобы въ свободное отъ священнослуженія время участвовали въ отправленіи клироснаго чтенія и пѣнія, и чтобы помогали священникамъ въ исполненіи всѣхъ церковныхъ и приходскихъ требъ, или же—гдѣ будетъ признано возможнымъ—чередовались понедѣльно съ псаломщиками, при чемъ присовокупить, что діаконъ, состоящіе учителями въ церковно-приходскихъ школахъ, въ часы учебныхъ занятій, могутъ быть

свободны отъ обязанности являться къ богослуженіямъ и требосправленіямъ, кромѣ случаевъ особенныхъ и исключительныхъ“.

— Заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія прилагаются не только духовенствомъ и училищнымъ начальствомъ, но и нѣкоторыми земствами, желающими, чтобы въ сельскихъ школахъ вводилось пѣніе и образовывались хоры. Такъ, по сообщенію „Сельскаго Вѣстника“ Елисаветградское земство, Херсонской губ., опредѣлило выдавать по 60 р. вознагражденія регентамъ за обученіе учениковъ школы пѣнію и за образованіе церковныхъ хоровъ. Мариупольское земское собраніе, Екатеринославской губ., еще въ 1882 году установило выдачу вознагражденія учителямъ за устройство церковно-школьныхъ хоровъ, въ размѣрѣ 50 р., и на этотъ предметъ вносится ежегодно въ смѣту 600 р. Это вызвало у многихъ учителей желаніе устраивать хоры, такъ что въ 1885 году было выдано вознагражденія до 500 руб.

— Чрезъ три года исполнится 200-лѣтіе существованія нашей пекинской духовной миссіи, которая считаетъ свои годы со дня заключенія между Россійской и Китайской имперіями нерчинскаго мирнаго трактата 27 августа 1689 г. Къ торжеству 200-лѣтія предложено составить историческую записку о пекинской духовной миссіи, и этотъ трудъ порученъ члену этой миссіи, іеромонаху Николаю Адоратскому, окончившему курсъ въ Казанской духовной академіи.

— Камчатская духовная миссія въ 1885 г. имѣла 5 отдѣловъ: Корейскій, Гольдскій, Гилякскій, Тунгузскій и Камчатскій. Въ Корейскомъ было три миссіонерскихъ стана, въ Гольдскомъ 3, въ Гилякскомъ тоже 3, въ Тунгузскомъ 1, въ Камчатскомъ 4. Въ каждомъ станѣ находился особый миссіонеръ, а всѣ 14 состояли подъ вѣдѣніемъ управляющаго камчатскою миссіей. Всѣ миссіонеры принадлежали къ бѣлому духовенству, получая отъ казны общее священническое содержаніе и, кромѣ того, отъ миссіонерскаго общества въ Москвѣ, въ видѣ пособія, отъ 100 до 250 р. въ годъ. Въ 9 станяхъ имѣются училища: въ с. Благословенномъ съ 46 учениками, въ Корсаковскомъ съ 32, Янчихескомъ съ 15, Доле-Троицкомъ съ 29, Болонскомъ съ 14, Горинскомъ съ 15, Больше-Михайловскомъ съ 18, Тирскомъ съ 7 и Анадырскомъ съ 32, всего съ 211 учениками-инородцами. Содержаніе миссіи за 1884 г. обошлось въ 12096 р. 63 к.; этотъ расходъ покрывался: 1) изъ суммъ православнаго миссіонерскаго общества—11200 р.; 2) изъ мѣстнаго миссіонерскаго комитета—516 р. 20 к. и 3) изъ церковнаго кружечнаго сбора на распространеніе православія въ имперіи—141 р. 43 к.

— Работы по сооружеіію храма Воскресенія Христова на мѣстѣ печальнаго событія 1 марта 1881 г. производятся безостановочно и успѣшно“. Въ настоящее время, по сообщенію „Художественныхъ Новостей“, уже окончена самая трудная часть дѣла—подготовленіе мѣстности и укрѣпленіе грунта на берегу Екатерининскаго канала, гдѣ долженъ возвышаться храмъ. Въ будущемъ году, раннею весной, уже будетъ приступлено къ кладкѣ фундамента.

— Въ различныхъ епархіяхъ принимаются мѣры къ усиленію средствъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія духовенства на народъ. Тобольскій архипастырь, озабочиваясь наилучшимъ примѣненіемъ постановленій казанскаго собора къ жизни своей епархіи, между прочимъ, опредѣлялъ: „При церквахъ, окруженныхъ жителями изъ татаръ и киргизъ, образовать склады съ отдѣломъ евангелія и другихъ назидательныхъ книгъ на татарскомъ и киргизскомъ языкахъ; за переводами таковыхъ книгъ священники тѣхъ церквей обязываются обращаться въ Казань, въ татарскую переводческую комиссію при казанской академіи. Казенную палату просить сдѣлать распоряженіе, чтобы учителя и учительницы земскихъ школъ еженедѣльно на урокахъ знакомили дѣтей съ церковнымъ пѣніемъ и неопустительно приходили съ ними въ храмъ въ праздничные дни къ церковнымъ службамъ. Такое живое и согласное участіе учащихся въ религіозно-воспитательномъ дѣлѣ много помогло-бы законоучителямъ въ выполненіи ихъ пастырскихъ обязанностей. При безграмотности большинства народа, пріученіе его къ пѣнію болѣе или менѣе сложныхъ пѣснопѣній и нѣкоторыхъ псалмовъ можно съ успѣхомъ вести посредствомъ приложенія древнеотеческаго способа—канонарщескаго. Пусть одинъ изъ членовъ причта, сначала передъ богослуженіемъ, а послѣ во время службы, станетъ передъ народомъ и отчетливо звучнымъ и раздѣльнымъ голосомъ не спѣшно выговариваетъ слова церковныхъ пѣснопѣній или псалмовъ, давъ предварительно образецъ того, какъ нужно пѣть избранную пѣснь. Такимъ способомъ взрослые и дѣти скоро осваиваются съ текстомъ молитвъ и церковныхъ гимновъ, постепенно пріучаются къ церковному пѣнію. Для собственнаго духовнаго освѣженія и укрѣпленія, и болѣе сильнаго религіознаго воздѣйствія на народъ, пастыри церкви должны стремиться къ тому, чтобы расположить себя ежедневно посѣщать храмъ Божій и стараться каждый день совершать ту или другую церковную службу, напримѣръ, вечерню съ повечеріемъ и канонамъ, или утреню одну, или съ литургіей, или часы съ изобразительными и пр., что удобно и плодотворно для общеприход-

ской церковной жизни. Само собой разумѣется, что въ воскресные и праздничные дни должны совершаться всѣ службы по чиноположенію. Для усиленія нравственнаго добраго вліянія на народъ священники не должны ограничиваться требоисправленіемъ и чтеніемъ въ храмахъ готовыхъ поученій, но пусть стараются при этомъ вникать въ нравственное настроеніе пасомыхъ, въ ихъ душевные недуги, причины ихъ развитія, въ ихъ скорби и бѣдствія, въ ихъ духовныя нужды въ то или другое время, и подобное, и подавать духовное врачеваніе сообразно нравственному состоянію ихъ, чтобы не уподобиться пастырямъ-наемникамъ, которымъ сказано: „вы ѣли тукъ, и волною одѣвались, откормленныхъ овецъ закалали, а стадо не пасли. Слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали“ (Иезек. 34 гл. 3, 4 и 5 ст.).

-- Архангельское епархіальное начальство въ лицѣ преосв. Наанаила выступило на борьбу со склонностью духовенства къ частымъ переходамъ изъ одного прихода въ другой, для чего многіе самовольно отлучаются изъ приходоѡ, чтобы личной подачей прошенія содѣйствовать осуществленію своего желанія. Въ предотвращеніе этого преосв. Наанаиль предложилъ консисторіи объявить по епархіи, что „1) право просить о перемѣщеніи съ одного мѣста на другое предоставляется только тому лицу, которое безпорочно прослужило на старомъ мѣстѣ не менѣе пяти лѣтъ и при томъ, независимо отъ прямой обязанности своей службы, исполняло, хотя и не во все это время, въ пользу церкви и церковно-приходскихъ школъ другія обязанности, свойственныя духовному званію; 2) считающіе себя въ правѣ просить, на основаніи изложеннаго перваго пункта, предварительно поѣздки къ архіерею и подачи ему лично прошеній, если того они сами желаютъ, обязаны испросить надлежащій отпускъ, до полученія котораго они не имѣютъ права выѣхать изъ своихъ приходоѡ; 3) отлучившіеся изъ своихъ приходоѡ безъ надлежащаго разрѣшенія для подачи архіерею прошеній о перемѣщеніи, въ виду вышеизложеннаго, и для прекращенія ихъ безцѣльныхъ проживаній въ городѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, будутъ подвергнуты строгому взысканію, независимо отъ оставленія ихъ прошеній безъ послѣдствій; 4) прошенія, поданныя съ нарушеніемъ указаннаго порядка, будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія“.

— То-же епархіальное начальство сдѣлало весьма важное опредѣленіе касательно положенія полиціи при богослуженіи, именно

по вопросу о томъ, можетъ ли она препятствовать входить въ церковь желающимъ присутствовать при совершеніи браковѣнчаній. Съ утвержденія его преосвященства консисторія постановила: „Усма тривая изъ имѣющихся свѣдѣній, что препятствіе полиціи входить въ церковь всѣмъ желающимъ присутствовать при совершеніи богослуженія, особенно при браковѣнчаніяхъ, производитъ въ приходящей публикѣ шумъ и иногда неприличные разговоры и безчинія, отвлекающіе всякое подобающее святости мѣста благочиніе и оскорбляющіе святость дома Божія, между тѣмъ нѣтъ законнаго основанія къ тому, чтобы полиція, помимо прямой своей обязанности охранять миръ и тишину въ церкви и внѣ ея (XIV т. уст. о пред. и прес. прест. ст. 10, 15 и 17), препятствовала входить въ церковь желающимъ присутствовать при совершеніи богослуженій, не имѣя на то распоряженія отъ настоятеля церкви, консисторія полагала-бы: 1) съ прописаніемъ изложенныхъ соображеній, сообщить отъ имени его преосвященства начальнику губерніи о незаконномъ распоряженіи полиціи не впускать въ церковь всѣхъ желающихъ присутствовать при совершеніи разнаго рода богослуженій, помимо просьбы о томъ причта, съ присовокупленіемъ просьбы сдѣлать соответствующее внушеніе чинамъ полиціи о строгомъ въ потребныхъ случаяхъ соблюденіи ими своихъ обязанностей, отнюдь не превышая своей власти, и 2) циркулярными указами предписать благочиннымъ и настоятелямъ градскихъ и сельскихъ церквей, чтобы они тщательно наблюдали за охраненіемъ въ церквахъ и внѣ ихъ благочинія во время какихъ-бы то ни было богослуженій, и внушали бы приходящимъ въ церковь въ приличное для сего время объ истинномъ христіанскомъ благоговѣніи къ храму Божію и божественнымъ службамъ. Особенное вниманіе обратили бы на соблюденіе порядка при браковѣнчаніяхъ, когда нерѣдко допускаются мошщимися отступленія отъ подобающаго святости мѣста благоговѣнія. При чемъ, не находя основанія въ законѣ къ тому, чтобы полиція или кто-либо другой, не принадлежа къ клиру, препятствовалъ входить въ церковь желающимъ присутствовать при совершеніи богослуженій всякаго рода, поставить на видъ, чтобы таковыя препятствія были допускаемы настоятелями церквей съ крайнею осторожностію и лишь въ случаяхъ, вызванныхъ крайнею необходимостію, въ виду ясно предусматриваемаго со стороны приходящихъ въ церковь желанія произвести безчиніе во время богослуженія и оскорбить святость храма“.

— Въ „Кіевлянинѣ“ сообщается изъ Чигиринскаго уѣзда слѣ-

дующее о штундѣ. Недавно обнаружено, что въ селѣ Ребедайловкѣ появились штундисты, въ числѣ 5 семействъ. Какъ занесенъ туда штундизмъ, еще не выяснено, но извѣстно, что ребедайловскіе штундисты имѣютъ въ послѣднее время правильныя сношенія со штундистами села Топиловки, — этого притона штундистовъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Среди штундистовъ села Топиловки по временамъ появляются несогласія, вызывающія у нѣкоторыхъ изъ штундистовъ стремленіе возвратиться въ православіе, — но вожаки штундистовъ стараются умиротворить недовольныхъ, и такимъ образомъ опять „единомыслящая братія“ остается въ прежнемъ видѣ и заботится о привлеченіи въ „свою вѣру“ новыхъ членовъ. Вожаки послѣдователей штунды, по заявленію православныхъ жителей Топиловки, заѣзжаютъ къ топиловскимъ штундистамъ съ Кавказа, проѣздомъ въ городъ Кіевъ, и проживаютъ въ Топиловкѣ по нѣсколькимъ днямъ, представляя „братію“ въ вѣрѣ, для чего собираютъ по ночамъ „церковь“, съ цѣлью укрѣпить колеблющихся, а затѣмъ надѣляются своихъ послѣдователей разными книжками и уѣзжаютъ далѣе, къ другимъ „братьямъ и сестрамъ“.

— Разумное увѣщаніе не только со стороны пастырей, но и со стороны свѣтскихъ образованныхъ людей благотворно вліяетъ на заблудшихъ. Въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“ напечатанъ весьма интересный рапортъ Таращанскаго протоіерея Инн. Игнатовича на имя высокопр. Платона Кіевскаго, слѣдующаго содержанія: „Считаю долгомъ донести вашему высокопреосвященству, что въ двухъ селахъ ввѣреннаго мѣ 1-го округа, Таращанскаго благочинія, нѣкоторые изъ штундистовъ обратились къ православію, именно: въ селѣ Крутыхъ-Горбахъ 14 душъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ грамотные, имѣли большое вліяніе на распространеніе штундизма, но, раскаявшись въ своемъ заблужденіи, искренно и чистосердечно сознали свою грѣховность, въ началѣ текущаго года исповѣдались и приобщились Св. Таинъ въ мѣстномъ приходскомъ храмѣ, а въ селѣ Малой Березянкѣ 30 душъ обою пола вмѣстѣ съ своимъ лжепревитеромъ Пименомъ Сиренко, которые отказались отъ своего заблужденія, въ истекшую св. четыредесятницу говѣли, исповѣдались и приобщились Св. Таинъ. Дѣти нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и Пимена Сиренка, рожденные въ штундизмѣ и не крещенные, крещены по уставу Св. православной Церкви. Кромѣ того, лица, жившія въ супружествѣ по штундистскому обряду, заявили желаніе вступить въ бракъ по уставу Св. православной Церкви. На обращеніе штундистовъ села Малой Березянки и Пимена Сирен-

ка къ православію имѣли большое вліяніе мѣстный помѣщикъ отставной ротмистръ гвардіи Иванъ Дубяга, который вмѣстѣ съ своею женою былъ и воспріемникомъ крещенныхъ дѣтей, и особенно братъ его—профессоръ Казанскаго университета Дмитрій Дубяга, который, проводя каждый годъ каникулы въ Малой Березянкѣ, велъ православныя христіанскія бесѣды со штундистами и ихъ пресвитеромъ Сиренкомъ. На рапортѣ семъ послѣдовала резолюція его высокопреосвященства: предлагаю консисторіи напечатать настоящій рапортъ въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ съ присовокупленіемъ, что я призываю благословеніе Божіе на тѣ лица, возвратившіяся изъ штундизма въ православіе, о коихъ говорится въ семъ рапортѣ, и благодарю г. ротмистра Дубягу съ его супругою и братомъ—профессоромъ за ихъ содѣйствіе обращенію сихъ лицъ на путь истины“.

— Рядъ печальныхъ фактовъ въ жизни духовно-учебныхъ заведеній на Кавказѣ вызвалъ чрезвычайную ревизію со стороны высшаго начальства. На дняхъ возвратился съ Кавказа въ С.-Петербургъ членъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ и вице-директоръ канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ И. А. Чистовичъ, обозрѣвавшій, по порученію синодальнаго Оберъ-Прокурора, духовно-учебныя заведенія въ г. Тифлисѣ. Въ то же время, по порученію министра народнаго просвѣщенія, И. А. Чистовичъ, въ качествѣ члена совѣта министра, посѣтилъ и учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находяціяся въ Тифлисѣ, а затѣмъ, по особо возложенному на него въ Тифлисѣ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода порученію, командированъ былъ въ г. Ставрополь-Кавказскій, гдѣ обозрѣлъ также духовную семинарію и епархіальное женское училище.

— Отчеты отдѣльныхъ епархій въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ изображаютъ ревность духовенства къ дѣлу ввѣреннаго ему просвѣщенія народа. Духовенство Иркутской епархіи, по словамъ мѣстнаго отчета, имѣло случай показать свою ревность къ дѣлу, къ которому оно призвано волею Монарха. И нужно отдать справедливость, — оно выказало полную готовность послужить народному просвѣщенію и своимъ личнымъ безкорыстнымъ трудомъ, и своимъ воздѣйствіемъ на прихожанъ. Оно отыскивало мѣстныя средства, прибрѣтало благотворителей, жертвовало церковными доходами, а главнымъ образомъ жертвовало своими собственными средствами, удобствами и временемъ, заводя школы въ своихъ домахъ, снабжая ихъ учебниками и пособіями и занимаясь въ нихъ въ качествѣ

законоучителей и учителей безъ всякаго вознагражденія. Благодаря такому искреннему и живому сочувствію дѣлу народнаго просвѣщенія со стороны духовенства, благодаря его дѣятельности и вліянію, число церковно-приходскихъ школъ въ Иркутской епархіи къ началу настоящаго 1886 года дошло до 79 (въ Иркутской губерніи 38 школъ, въ Забайкальской обл. 41 школа), а число учащихся въ нихъ до 1.302 мальчиковъ и до 225 дѣвочекъ.

— Изъ различныхъ мѣстъ получаютъ одинаковыя извѣстія, доказывающія, что въ свѣтскомъ обществѣ возрастаетъ, поколебленное въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, довѣріе къ духовнымъ школамъ. Учатся случаи поступленія въ духовныя семинаріи воспитанниковъ гимназій. Такъ, изъ Воронежа сообщаютъ газетѣ „Донъ“, что въ числѣ воспитанниковъ, державшихъ вступительный экзамень, было до 10 человекъ воспитанниковъ гимназіи. Въ прежніе годы, считаясь нужнымъ замѣтить названная газета, обыкновенно бѣжали изъ семинарій въ свѣтскія учебныя заведенія, но чтобы, наоборотъ, изъ гимназій спасались въ семинарію— это приходится отмѣчать впервые. Подобный же фактъ сообщается изъ Николаевска, самар., губ. Въ мѣстное духовное училище въ настоящемъ году замѣтенъ приливъ дѣтей изъ свѣтскихъ сословій. Для воспитанниковъ тамъ предположено устроить общежитіе, на которое уже собранъ капиталъ въ 30 т. рублей.

— Въ видахъ противодѣйствія со стороны сельскаго православнаго духовенства распространенію въ Россіи сектанства и раскола, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ учреждаются епархіальныя противораскольническія бібліотеки. Въ такихъ книгохранилищахъ предполагается собрать всѣ изданія и книги православнаго миссіонерскаго содержанія, для прочтенія и руководства сельскихъ священниковъ. Съ тѣми же миссіонерскими цѣлями въ Москвѣ, въ истекающемъ сентябрѣ, назначенъ съѣздъ противораскольническихъ миссіонеровъ для взаимнаго обмѣна мыслей и наблюденій по миссіонерскому дѣлу противъ сектанства. Мѣры эти осуществляются во исполненіе бывшаго въ прошломъ году въ г. Казани собранія епархіальныхъ преосвященныхъ.

— „Сарат. Листокъ“ сообщаетъ, что среди бѣглопоповцевъ аткарскаго уѣзда недавно появилось и передается изъ рукъ въ руки „посланіе“ бывшаго православнаго священника саратовской епархіи, пресловутаго Люцернова, бѣжавшаго изъ суздальскаго монастыря. Въ посланіи этомъ Люцерновъ, между прочимъ, рассказываетъ про свои походы во время „плѣна“, т. е. во время

его поимки и нахожденія подѣ слѣдствіемъ, гдѣ будто бы онъ съ твердостью защищалъ раскольническія убѣжденія, и заканчиваетъ посланіе разсказомъ о чудесномъ избавленіи его изъ „темницы“, изъ которой будто бы, по примѣру св. апостола Петра, былъ выведенъ явившимся ему „ангеломъ“. Все это читается раскольниками съ великимъ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ, и даетъ основаніе заключить, во-первыхъ, что Люцерновъ бѣжалъ не къ старообрядцамъ, приѣмлющимъ австрійскую іерархію, а къ бѣглопоповцамъ, и во-вторыхъ, что недостойный ренегатъ православія не брезгаетъ прибѣгать къ мистификаціи и наглой лжи для приданія себѣ ореола мученика.

— По словамъ „Новостей“ (№ 245), въ гжатскомъ уѣздѣ появилась новая секта „селезней или селезневцевъ“, названныхъ такъ, вѣроятно, по имени основателя ея. Принципы этой новой секты почти тѣ же, что и у штундистовъ: раціонализмъ въ догматическихъ воззрѣніяхъ, любовно-братское отношеніе другъ къ другу. вмѣсто общественнаго богослуженія и частныхъ моленій, они сходятся разѣ въ недѣлю на свои собранія, гдѣ выслушиваютъ поученія своихъ проповѣдниковъ и ведутъ бесѣды о томъ, какъ жить по-Божьему. Селезневское ученіе явилось первоначально въ калужской губерніи и въ смоленскую занесено не болѣе какъ лѣтъ 10. Особенно сильно распространилась эта секта въ волостяхъ семеновской и чалѣской.

„Духовенство смотритъ пока на распространеніе новой секты спокойно, такъ какъ селезни, отрицая въ принципѣ всякую „видимость“, какъ истые раціоналисты, въ тоже время не проявляютъ никакого фанатизма по отношенію къ православной вѣрѣ и ея обрядамъ, держатъ у себя въ избахъ иконы, ходятъ въ церковь, принимаютъ на дому священниковъ по праздникамъ и пр. При такихъ условіяхъ духовенству, разумѣется, нѣтъ особенной надобности преслѣдовать или обличать сектантовъ,—тѣмъ болѣе, что и образъ жизни ихъ не можетъ вызывать никакихъ нареканій противъ нихъ, такъ какъ живутъ они просто, тихо и смиренно, никого не задѣвая и пользуясь общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Крестьяне православные, вообще относящіеся отрицательно ко всякаго рода сектантамъ, въ родѣ хлыстовъ, скопцовъ, и даже старообрядцевъ,—къ „селезнямъ“ относятся, напротивъ, съ уваженіемъ, чему не мало способствуетъ, конечно, то обстоятельство, что между селезнями нѣтъ ни одного неграмотнаго и что они составляютъ самый культурный и образованный элементъ среди мѣстнаго населенія. Во всякомъ домѣ селезневцевъ вы найдете непременно на полкѣ, вмѣстѣ съ

евангеліемъ, нѣскольکو книжекъ (исключительно гражданской печати), купленныхъ гдѣ-нибудь, по случаю, на базарѣ и зачитанныхъ до послѣдней возможности. Тутъ вы увидите и пресловутаго „Милорда англійскаго“, и „Еруслана Лазаревича“, и книжки „Народной библіотеки“, и послѣднія изданія „Посредника“, которые, благодаря своей дешевизнѣ, успѣли пробиться въ деревню“.

— Въ газетахъ пишутъ, что настоятелемъ нашей церкви при посольствѣ въ Берлинѣ назначается извѣстный въ духовной литературѣ магистръ, священникъ петербургской церкви при театральной дирекціи, А. П. Мальцевъ. Онъ уроженецъ Ярославской губ. и воспитанникъ Петербургской академіи (1874—1878). Въ 1879 г. онъ напечаталъ магистерскую диссертацию „Нравственная философія утилитаризма“, затѣмъ издалъ свое сочиненіе „Основанія педагогики“ и переводъ съ англійскаго „Психологіи“ Бэна. Въ 1878—1884 гг. въ Петербургской семинаріи занималъ кафедру психологіи, обзора философскихъ ученій и педагогики; въ 1880 г. тамъ-же исправлялъ должность инспектора и преподавалъ основное богословіе. Священствуетъ съ 1882 г.

— Число церковно-приходскихъ попечительствъ въ Россіи постепенно увеличивается и дѣятельность этихъ благотворительныхъ учрежденій замѣтно расширяется. Такъ, въ Самарской епархіи такихъ учрежденій насчитывается въ настоящее время 652. Общая сумма расходовъ, сдѣланныхъ попечительствами названной епархіи за прошлый годъ, составляетъ 479.673 р. 4½ к. Изъ этой суммы попечительствами затрачено на поддержаніе и украшеніе храмовъ 352.643 р. 31 к., на школы и благотворительную помощь въ приходахъ—21.596 р. 9 к. и на содержаніе причтовъ, на постройку и ремонтъ домовъ мѣстныхъ священно-церковно-служителей—105.433 р. 64½ к. Источниками такихъ почтенныхъ средствъ для попечительствъ Самарской епархіи, сверхъ частныхъ пожертвованій, служили, между прочимъ, общественная запашка земли и другія общественныя статьи дохода.

-- Въ видахъ распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ и возможно дешеваго приобрѣтенія для церковно-приходскихъ школъ учебниковъ, по резолюціи высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, учрежденъ въ Харьковѣ комитетъ и при Успенскомъ кафедральномъ соборѣ открытъ складъ и лавка для продажи книгъ и учебниковъ. Въ составъ комитета вошли протоіерей о. І. Чижевскій, священникъ о. А. Балаховскій, преподаватель духовной семинаріи Н. Н. Страховъ и церковный староста кафедральнаго собора К. П. Уткинъ.

— По вопросу объ отчужденіи церковной земли въ частное владѣніе, въ Орловской епархіи сдѣлано распоряженіе для духовенства: 1) чтобы тѣ изъ членовъ его, а равно и состоящіе за штатомъ и сиротствующіе, которые имѣютъ какую-либо недвижимость въ городахъ, селахъ и другихъ мѣстечкахъ, не приступали ни къ продажѣ, ни къ передачѣ по духовнымъ завѣщаніямъ, прежде нежели получатъ отъ консисторіи удостовѣреніе, что имущество то не есть церковное, а ихъ собственное; 2) чтобы причты не дѣлали относительно усадебныхъ мѣсть, занятыхъ постройками лицъ, состоящихъ членами причта, заштатныхъ и сиротствующихъ, въ клировыхъ вѣдомостяхъ отмѣтокъ, — что постройки тѣ находятся на землѣ благопріобрѣтенной, безъ точнаго удостовѣренія въ подлежащихъ для сего документахъ.

— Въ Варшавскомъ Дневникѣ читаемъ: „Православному населенію Варшавы и всего Привислинскаго края уже извѣстно, что, по инициативѣ и съ благословенія высокопреосвященнаго Леонтія, при Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ открыта продажа молитвенниковъ, иконъ, крестовъ, церковныхъ и вѣнчальныхъ свѣчъ и другихъ церковно-религіозныхъ предметовъ изготовляемыхъ въ Имперіи, преимущественно въ Москвѣ и Кіевѣ, въ духѣ православной Церкви. Благодаря этой предусмотрительности и просвѣщенной заботливости архиепископа, всякій православный, особенно пріѣзжающій изъ другихъ мѣстностей края, уже не обращается за покупкой этихъ предметовъ въ разныя лавки и наметы раскинутые при здѣшнихъ костелахъ, а приходитъ въ православный соборъ и тамъ получаетъ все необходимое для него по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, составляющимъ стоимость предмета и пересылки. Весьма естественно, что православное населеніе отнеслось къ этому съ большимъ сочувствіемъ. Въ виду этого явилась необходимость расширить кругъ дѣятельности церковной лавки и выписать изъ Россіи болѣе значительную партію названныхъ выше предметовъ. По докладу о семъ владыкѣ, онъ разрѣшилъ настоятелю и старостѣ собора выписать изъ Имперіи большую партію книгъ духовнаго содержанія, иконъ, крестовъ и проч. и вообще усилить поставку церковно-религіозныхъ предметовъ для здѣшняго православнаго населенія“.

— Варшавскій Дневникъ сообщаетъ, что Варшавскій генералъ-губернаторъ недавно сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи богослуженія въ Тереспольскомъ римско-католическомъ костелѣ, для пресѣченія вреднаго вліянія этого костела на окрестное православное населеніе. При этомъ указано— Тереспольскихъ прихожанъ

присоединить къ Малеву-Гурскому приходу и перенести туда-же приходскую канцелярію и квартиру ксендза. Кромѣ того, приняты мѣры къ устраненію возможности для упорствующихъ бывшихъ уніатовъ исполнять духовныя требы въ Брестъ-Литовскомъ римско-католическомъ костелѣ, а со стороны виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора предложено начальнику гродненской губерніи установить наблюденіе за тѣмъ, чтобъ упомянутыя требы не совершались для упорствующихъ брестъ-литовскимъ римско-католическимъ духовенствомъ.

— „Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ о намѣреніи поставить памятникъ Императору Александру II на пожертвованія, идущія отъ сельскаго населенія губерній Привислинскаго края. Составленіе модели этого памятника поручено было академику А. М. Опекушину. Въ настоящее время модель памятника Царю-Освободителю, предполагаемаго къ постановкѣ въ городѣ Ченстоховѣ, уже доставлена въ Варшаву. Въ воскресенье, 21 сентября, ее установили въ саду Бельведерскаго дворца, и въ тотъ-же день она была осмотрѣна генераль-губернаторомъ. Покойный Государь изображенъ стоящимъ во весь ростъ, облеченнымъ въ цорфиру. Лѣвая рука его покоится на хартіи указа объ освобожденіи крестьянъ. Хартія эта ниспадаетъ съ подушки лежащей на особомъ постаментѣ. Голова и выраженіе лица схвачены чрезвычайно удачно, равно какъ и столь свойственная покойному Императору мужественная осанка всей фигуры. Фотографъ Брандель снялъ нѣсколько удачныхъ снимковъ съ этой модели. При обзорѣ модели выяснилось важное значеніе тщательнаго осмотра выбора мѣста для монумента. На другое-же утро экстренный поѣздъ, отошедши въ 8 ч. 15 м. съ вокзала варшавско-вѣнской желѣзной дороги, уже шелъ по направленію на Ченстоховъ. Въ поѣздѣ этомъ слѣдовалъ главный начальникъ края, въ сопровожденіи лицъ присутствовавшихъ наканунѣ при осмотрѣ модели. Ко времени прибытія въ Ченстоховъ туманъ совершенно разсѣялся. Подходящее для памятника мѣсто было выбрано вскорѣ. Къ монастырю ведетъ роскошная аллея, развѣтвляющаяся въ концѣ на двѣ стороны. Въ мѣстѣ этого развѣтвленія, какъ разъ противъ аллеи, есть пригорокъ съ довольно значительною площадкой на верху. Здѣсь и избрано мѣсто подъ монументъ. Находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской ограды, отъ которой онъ будетъ отдѣляться существующими купами деревьевъ, памятникъ не будетъ подавленъ громадой монастырскихъ строеній. Въ то-же время выбранное мѣсто таково, что каждому прохожему

направляющемуся по аллеѣ ведущей къ монастырю памятникъ бросится въ глаза и предстанетъ на открытомъ и возвышенномъ мѣстѣ. Народу во множествѣ собирающемуся на поклоненіе иконъ Ченстоховской Божіей Матери, во множествѣ располагающемуся на отдыхъ вокругъ монастырскихъ стѣнъ, будетъ всегда видѣнъ памятникъ освободившему его Царю, воздвигнутый на трудовыя народныя копѣйки. О томъ и другомъ народъ прочтетъ и въ соответствующихъ надписяхъ на монументѣ.

— Въ „Новое Время“ пишутъ изъ Старой Ладogi: Въ концѣ августа въ Старой Ладогѣ случайно была открыта деревянная Церковь. Одинъ изъ погорѣвшихъ въ нынѣшнемъ году обывателей Старой Ладogi Р. сталъ разбираться послѣ пожара бившаго весной нынѣшняго года, съ цѣлью постройки новаго дома для жилья. Рядомъ съ мѣстомъ предполагаемой постройки находилась небольшая сопка. Расчищая мѣсто для постройки, рабочіе Р. вынуждены были раскопать часть сопки, при чемъ наткнулись на деревянную стѣну. Заинтересовавшись открытіемъ, рабочіе стали рыть далѣе и чрезъ нѣсколько времени открыли еще другія стѣны, крышу и прочія принадлежности ясно указывавшія, что открытая находка, есть древняя деревянная церковь. Въ виду того обстоятельства что въ Старой Ладогѣ производятъ постоянныя работы археологи ежегодно пріѣзжающіе сюда для занятій изъ Петербурга, можно надѣяться, что находка будетъ въ ближайшемъ будущемъ изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ.

— „Новости“ сообщаютъ: На разсмотрѣніе С.-Петербургскаго Археологическаго комитета поступило представленіе Волинскаго губернатора по вопросу о реставрированіи въ городѣ Владиміръ-Волинскѣ храма, сооруженнаго великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, въ началѣ XII вѣка. Таврическій губернаторъ обратился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи суммы необходимой на поддержаніе храма Св. Θεодора въ Θεодосіи, построеннаго еще во времена владычества Генуэзцевъ на Таврическомъ полуостровѣ и находящагося въ настоящее время въ полнѣйшемъ разрушеніи. Въ недалекомъ будущемъ будетъ реставрированъ Кіево-Софійскій соборъ, въ его древне-христіанскомъ стилѣ. Комиссія, составившая проектъ по этому дѣлу, обращалась въ Археологическій комитетъ и получила одобреніе представленнаго проекта. Послѣдній утвержденъ уже митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ; теперь остается только получить разрѣшеніе изъ Св. Синода на ассигновку требуемой суммы денегъ, и затѣмъ приступлено будетъ къ работамъ.

— Во многихъ епархіяхъ, по распоряженію мѣстныхъ преосвященныхъ, приступлено къ историко-статистическому описанію церквей и приходовъ. Каждый приходской священникъ долженъ составить, на основаніи сохранившихся въ церковныхъ архивахъ письменныхъ разнаго рода документовъ, исторію образованія прихода, постройки церкви, учрежденія причта, свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ прихожанъ, о числѣ земель и угодій, о грамотности въ приходѣ и т. п. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такія описанія уже составлены и изданы въ свѣтъ.

— Въ 1887 году предполагается на Петербургскомъ монетномъ дворѣ приготовить монеты: а) золотой полуимперіальной до 25 миліоновъ; б) серебряной банковской на 500,000 руб. и размѣнной 48 пробы на 1.000,000 р. и в) мѣдной, 50 руб. въ пудѣ достоинства на 100,000 руб.

Монетнымъ дворомъ вскорѣ будетъ выпущена въ обращеніе серебряная и золотая монета новаго образца и вѣса. Новая монета, по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, имѣетъ названіе: полноцѣнной и размѣнной; полноцѣнная монета чеканится изъ золота и серебра. Золотая монета будетъ попрежнему десятирублевого и пятирублевого достоинства, при чемъ вновь изготовленный имперіаль (10 руб.) будетъ содержать въ себѣ 2 золотника 69,36 долей чистаго золота, а пятирублевая монета—1 золотникъ 34,68 долей чистаго золота. Относительно состава золотая монета будетъ содержать въ себѣ девяносто частей чистаго золота и десять частей мѣди, и такимъ образомъ въ лигатурномъ фунтѣ золота этой пробы будетъ заключаться 63 полуимперіала, 2 рубля и 35⁶⁵/₁₂₄ коп. Что же касается серебряной полноцѣнной монеты, то она будетъ въ рубль, 50 и въ 25 коп., и будетъ содержать въ себѣ 900 частей чистаго серебра и сто частей мѣди; въ лигатурномъ фунтѣ серебра будетъ заключаться 20 р. 48 к.

— Въ виду возможности посѣщенія Россіи страшною гостьею, холерою, наше правительство принимаетъ дѣятельно различныя мѣры предосторожности. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ было сдѣлано распоряженіе о приспособленіи нѣкоторыхъ пунктовъ на западной границѣ для медицинской ревизіи лицъ, прибывающихъ изъ неблагополучныхъ по холерѣ чужихъ краевъ. Съ полученіемъ извѣщеній о приближеніи эпидеміи указана необходимость производить оффиціальную повѣрку всѣхъ сомнительныхъ по холерѣ заболѣвавшихъ, и изверженія больныхъ холериною, потужнымъ и катаральнымъ поносами—подвергать дезинфекціи или немедленному унич-

тоженію наравнѣ съ изверженіями холерныхъ больныхъ. 16-го іюля были командированы въ ближайшіе къ неблагополучнымъ мѣстностямъ пункты компетентные врачи для бактериологическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій, безъ которыхъ не можетъ быть произведено точное и быстрое распознаваніе сомнительныхъ заболѣваній. По случаю появленія холеры въ Пештѣ и происходившаго въ концѣ августа усиленнаго передвиженія войскъ въ пограничныхъ округахъ, предложено установить на западной границѣ осмотръ лицъ, прибывающихъ изъ неблагополучныхъ по холерѣ мѣстностей, съ цѣлью немедленно изолировать холерныхъ и сомнительныхъ больныхъ, а багажъ ихъ, именно: неочищенное бѣлье, поношенное платье и разнаго рода тряпье—подвергать дезинфекціи. Наконецъ, 11-го и 12-го сентября подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при участіи представителей медицинскаго и таможеннаго вѣдомствъ, происходили совѣщанія для возможнаго соглашенія санитарныхъ и торговыхъ интересовъ въ дѣлѣ охраненія границъ Имперіи отъ заноса холеры по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ путямъ товаропассажирскаго движенія, а также при сношеніяхъ приграничныхъ жителей. Постановленныя на этихъ совѣщаніяхъ мѣры, немедленно вступили въ дѣйствіе.

— Однако непріятная гостыя все-таки забралась въ русскіе предѣлы, и именно туда, гдѣ ее вовсе не ждали: 8-го сентября владивостокскій военный губернаторъ увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что между инородцами появилась холера, занесенная, вѣроятно, изъ Японіи. Не смотря на всѣ мѣры, тотчасъ-же принятыя администраціею, холера до сихъ поръ не прекращается, хотя число заболѣвающихъ не особенно велико.

— „Сп. В.“ сообщаютъ, что губернаторы Новгородской, Харьковской, Херсонской, Таврической, Кіевской, Екатеринославской, Подольской, Воронежской, Тульской и Уфимской губерній дали отзывъ, что такъ называемые ходатаи по крестьянскимъ дѣламъ постоянно подстрекаютъ крестьянъ къ возбужденію неосновательныхъ тяжбъ и исковъ, вовлекаютъ ихъ въ подлоги и побуждаютъ къ заключенію неблаговидныхъ сдѣлокъ, чаще всего разоряя своихъ довѣрителей. Еще прежній генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, покойный гр. Тотлебенъ, предлагалъ установить особый классъ повѣренныхъ по дѣламъ крестьянъ въ административныхъ учрежденіяхъ, но этотъ способъ признанъ неудобнымъ, и проектируется, по возможности, уменьшить случаи обращенія къ услугамъ ходатаевъ. Для этой цѣли предполагается дать возможно большее

развитіе праву крестьянъ приносить словесныя жалобы и просьбы, установивъ, чтобы во всѣхъ, безъ исключенія, административныхъ мѣстахъ принимались словесныя заявленія и жалобы и имъ давался дальнѣйшій ходъ; управляющимъ отдѣльными административными частями предлагается вмѣнить въ обязанность выслушивать словесныя заявленія крестьянъ. Въ волостныхъ правленіяхъ, а равно и въ административныхъ учрежденіяхъ, проектируется завести особыя книги для записи словесныхъ заявленій, жалобъ и ходатайствъ крестьянъ. Что-же касается вопроса объ ограниченіи вредной дѣятельности ходатаевъ и уполномоченныхъ, избираемыхъ сельскими обществами для хожденія по ихъ дѣламъ, то онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе министерства юстиціи, и уже изготавляется особый законъ, имѣющій ограничить права присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ по такого рода дѣламъ.

— Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ читаемъ: „На Петроковскомъ православномъ кладбищѣ находится могила капитана 28-го пѣхотнаго Полоцкаго полка Никифорова и пяти нижнихъ чиновъ того же полка, претерпѣвшихъ 10 апрѣля 1863 года мученическую смерть отъ рукъ польскихъ мятежниковъ близъ села Неклань, Радомской губерніи. Могила эта, на которой послѣ перенесенія тѣлъ погибшихъ на православное кладбище сооруженъ былъ желѣзный крестъ и деревянная ограда, находится въ запущенномъ состояніи и безъ принятія надлежащихъ мѣръ можетъ въ скоромъ времени совершенно изгладиться. Петроковскій губернаторъ донесъ объ этомъ командующему войсками округа, присовокупляя что состоящее подъ предсѣдательствомъ его приходское попечительство Петроковской православной Всѣхъ Святыхъ церкви постановило принять мѣры къ огражденію могилы доблестныхъ мучениковъ за вѣру, Царя и отечество. Имѣя въ виду, съ одной стороны, что средства попечительства незначительны, съ другой же, что бытъ-можетъ въ сооруженіи памятника пожелаютъ принять участіе и чины войскъ, къ составу которыхъ принадлежали безвременно погибшіе мученики, губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи открыть подписку между войсками Варшавскаго военнаго округа на сооруженіе памятника надъ этою могилой и на постановку въ Петроковской церкви иконы съ надписью напоминающею о геройскомъ подвигѣ и мученической кончинѣ убитыхъ. Находя такое ходатайство заслуживающимъ уваженія, командующій войсками входилъ въ сношеніе съ Военнымъ Министромъ объ испрошеніи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на открытіе под-

писки между частями войскъ округа на сооруженіе памятника для увѣковѣченія памяти о мученической кончинѣ убитыхъ воиновъ. Нынѣ начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ командующаго войсками, что по всеподданнѣйшему докладу изложеннаго ходатайства Государь Императоръ Всемилоствивѣйше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе этого ходатайства, но съ тѣмъ чтобы подписка въ средѣ войскъ не имѣла обязательнаго или принудительнаго характера. Собранныя по подпискѣ сумма подлежитъ отправкѣ въ приходское попечительство Петровской православной церкви“.

— По словамъ „Русскаго Паломника“, въ Кіевѣ въ настоящее время живетъ іеромонахъ Августинъ, родомъ французъ, по фамили Мовильонъ, человѣкъ глубоко вѣрующій и основательно изучившій церковную исторію. Онъ былъ священникомъ во Франціи, но не принявъ догмата папской непогрѣшимости и сходясь въ этомъ съ мнѣніемъ своего знаменитаго іерарха, епископа Орлеанскаго Дюпанлу, онъ окончательно убѣдился, — чему, впрочемъ, и прежде наученъ былъ исторіею, — что придерживаясь римскаго ученія, онъ собственно стоитъ внѣ католической (вселенской) христіанской церкви, которую въ настоящее время представляетъ только восточная церковь, оставшаяся вѣрною преданіямъ апостольскимъ и постановленіямъ первыхъ и истинно вселенскихъ соборовъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, онъ отправляется изъ Франціи, и идетъ пѣшкомъ черезъ Швейцарію, Австрію и Галичину въ Кіевъ. Его приняли любезно, и онъ живетъ въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ, совершая литургію, по надобности, и въ другихъ церквахъ. Трудно встрѣтить столь убѣжденнаго человѣка въ истинѣ православной церкви, и притомъ на основаніи такихъ вѣскихъ доказательствъ догматическихъ и историческихъ, какъ достопочтеннаго о. Августина. Особенно благоговѣетъ онъ передъ патриархомъ Фотіемъ, котораго сравниваетъ со святымъ Аѳанасіемъ Александрійскимъ. Самъ Вольтеръ, говоритъ онъ, такъ выражался о Фотіи. Въ Кіевѣ онъ пользуется общею любовью и уваженіемъ.

— Въ народѣ все болѣе развивается потребность въ улучшеніи церковнаго пѣнія при богослуженіи. Въ видахъ удовлетворенія этой законной потребности въ нѣкоторыхъ епархіяхъ обращено особое вниманіе на подготовку причетниковъ. Такъ, въ Кіевской епархіи въ видахъ подготовки такихъ причетниковъ, которые-бы могли завести при церквахъ правильные пѣвческіе хоры и толково читать при богослуженіи, въ настоящее время, по мысли преосвященнаго Іеронима, викарія Кіевской митрополіи, открыта будетъ „пѣвческая

школа" при Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ, частію на собствєнные средства преосвященнаго Іеронима, частію на средства монастыря и на частныя пожертвованія. Въ школу будутъ приниматься молодые люди съ 18-лѣтняго возраста. Вакасій на первое время предполагается лишь на 15 человекъ. Въ программу обученія входятъ слѣдующіе предметы: практическое пѣніе съ теоріей, церковный уставъ, Законъ Божій и церковно-славянскій языкъ, причѣмъ обращено будетъ особенное вниманіе на то, чтобы учащіеся могли переводить на русскій языкъ всѣ церковныя пѣсни, положенныя для большихъ праздниковъ. Ученики „пѣвческой школы“ будутъ жить при монастырѣ и пользоваться полнымъ даровымъ содержаніемъ.

— Въ Ковнѣ, по сообщенію „Виленскаго Вѣстника“, въ часъ ночи, на 2 число октября, скончался преосвященный Смарагдъ, епископъ Ковенскій, викарій Литовской епархіи, на 51 году отъ рожденія, отъ тифа, обпаружившагося 14 сентября. Во время предсмертной болѣзни почившій святитель исповѣдывался нѣсколько разъ и въ послѣдній день жизни приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а 27 числа принялъ таинство елеосвященія, бывъ въ полной памяти. Отпѣваніе было совершено 5 числа въ Ковенскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, а погребеніе въ соборной церкви пожайскаго Успенскаго монастыря.

— Въ воскресенье, 21 сентября, въ Москвѣ совершено было освященіе новоустроеннаго, замѣчательнаго по размѣрамъ и по художественности, храма во имя Казанской Божіей Матери, у Калужскихъ воротъ. Освящался главный, такъ называемый „настоящій“ храмъ, недавно лишь оконченный постройкой, которая продолжалась около десяти лѣтъ; боковыя-же его предѣлы освящены гораздо раньше. Храмъ выстроенъ въ византійскомъ стилѣ и по вмѣстимости своей принадлежитъ въ числу самыхъ обширныхъ въ Москвѣ. Замѣчательно также его внутреннее устройство: иконостасъ въ немъ и колонны мраморныя, живопись въ иконостасахъ художественная (стѣны и куполь еще не росписаны); люстры и подсвѣчники исполнены по особымъ рисункамъ архитектора Никитина, по проекту коего строился храмъ, и отличаются оригинальностью; за престоломъ возвышается большая, роскошно написанная на цинкѣ икона Воскресенія Христова. Построеніе храма стоило болѣе 250,000 рублей, при чемъ, большая часть этой суммы собрана была высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, который, до принятія монашества и хиротоніи

во епископа, былъ настоятелемъ этого храма въ санѣ протоіерея. Освященіе храма совершено было въ 9 часовъ утра высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ (онъ-же наканунѣ служилъ въ немъ и всенощное бдѣніе), нарочно для этой цѣли прибывшимъ изъ Харькова, а затѣмъ на новоосвященномъ престолѣ Божественную литургію совершали соборнѣ высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, храмоздатель, высокопреосвященнѣйшій Амвросій, и преосвященный Мисаилъ, епископъ Дмитровскій. При торжествѣ присутствовали губернаторъ В. С. Перфильевъ, оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ, городской голова и другія почетныя лица, и такое множество народа, что обширный храмъ могъ вмѣстить лишь половину богомольцевъ.

— 15 минувшаго сентября исполнилось 75 лѣтъ со времени освященія въ С.-Петербургѣ Казанскаго собора, хранилища святыни—чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Соборъ, первый камень въ которомъ положенъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ, составляетъ величественный памятникъ русскаго искусства. Въ 1812 г., въ соборѣ, передъ отъѣздомъ въ армію, графъ Голенищевъ-Кутузовъ слушалъ молебствіе „Заступницѣ усердной и Покровительницѣ Русской земли“. Спустя не болѣе полугода, здѣсь же, въ Казанскомъ соборѣ, 25 декабря 1812 г., служилось благодарственное побѣдное молебствіе за избавленіе Россіи отъ „нашествія Галловъ и съ ними двенадцати языкъ“. Въ Казанскій соборъ послѣ окончанія войны стекались жертвы русскихъ людей за избавленіе отъ враговъ. Такъ, Донскіе казаки принесли въ даръ отбитое отъ непріятели серебро до 48 пудовъ вѣсомъ, изъ котораго отлить иконостасъ собора, и все воинство повергло свои трофеи: ключи городовъ, знамена, орлы, императорскій жезлъ и проч. И къ торжеству 75-ти-лѣтія православныя люди рѣшили соорудить изъ своихъ средствъ жертву: приготовлена серебряная одежда на престолъ главнаго алтара Казанскаго собора. Она стоитъ, какъ сообщаетъ „Церковный Вѣстникъ“, до 17,000 р. и будетъ поставлена и освящена 22 октября, въ день храмоваго праздника собора.

— Наши модныя беллетристы очень любятъ говорить о „народной душѣ“, но, къ сожалѣнію, по ихъ писаніямъ о ней невозможно составить никакого понятія, ибо они ее ищутъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она проявляется во всей своей силѣ и красотѣ. Гдѣ-же она проявляется во всей своей силѣ и красотѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующее сообщеніе „Русскаго Паломника“: «Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, деревнѣ Передѣлы, жилъ крестьян-

нивъ Алексѣй Степановъ. Въ концѣ лѣта онъ заболѣлъ. Болѣзнь приняла серіозныя размѣры и смерть должна была послѣдовать неминуемо. Тогда Степановъ велѣлъ созвать всю родню и позвалъ священника, который приступилъ къ таинству елеосвященія. Больной былъ въ твердой памяти и простился съ родными и дѣтьми. Вечеромъ приобщился Святыхъ Таинъ, затѣмъ на другой день приказалъ сыну приготовить себѣ гробъ. Желаніе больного было исполнено: плотникъ внесъ гробъ въ избу, Алексѣй Степановъ осмотрѣлъ его, велѣлъ постлатъ внутрь свѣжей соломы, а въ подушку положить богородицкой травы и ладону. Затѣмъ, осмотрѣвъ саванъ и всѣ необходимыя вещи для погребенія, попросилъ священника окропить гробъ святою водою и послалъ на кладбище изготовить могилу, сказавъ, чтобы выкопали ее около могилы отца. Затѣмъ изъ житницы принесли намогильный крестъ, который умирающій сдѣлалъ заживо собственноручно. Велѣлъ зажечь всѣ лампады и перенести себя подъ святые иконы. Здѣсь ровнымъ голосомъ поучалъ своихъ дѣтей жить въ мирѣ и любви и не роптать на бѣдность (умирающій былъ бѣденъ и вся жизнь его была непрерывный трудъ). Послѣдній разъ онъ пригласилъ священника прочесть ему отходную; замѣтилъ священнику, зачѣмъ онъ торопится, и обидѣлся, когда священникъ, въ виду его бѣдности, сталъ отказываться взять за труды. Затѣмъ поручилъ уплатить въ Москвѣ, въ Ямской, содержателю постоялаго двора за двѣ мѣры овса и еще гдѣ-то рубль долгу: но тутъ языкъ его началъ тупѣть. Однако все-таки умирающій прочелъ молитву „Господи Исусе Христе, прости мнѣ, окаянному грѣху мои и прими духъ мой съ миромъ“, приложился ко кресту, потянулся и закрылъ глаза».

— Въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, 25 сентября, объявлено о 29-мъ присужденіи уваровскихъ премій. На соисканіе премій графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 9 историческихъ сочиненій, изъ которыхъ 4 удостоены меньшихъ уваровскихъ наградъ, по 500 рублей каждая, именно слѣдующія сочиненія: Н. И. Петрова — „Очерки исторіи украинской литературы XIX вѣка“ (Кіевъ, 1884), г. Голубовскаго — „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“ (Кіевъ, 1884), г. Латкина — „Земскіе соборы древней Руси“ (Спб., 1885), и г. Загоровскаго — „О разводѣ по русскому праву“ (Харьковъ, 1884). Въ томъ-же собраніи было заявлено, что графъ А. С. Уваровъ, учреждая при академіи награды въ память своего знаменитаго родителя, бывшего президента академіи, хотя и желалъ придать имъ значеніе памятника

на вѣчное время, но не успѣлъ, однако, при жизни своей обезпечить ихъ прочность соответственнымъ формальнымъ актомъ.

— Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1-е октября 1886 года совѣтомъ банка разрѣшено 3,949 дѣлъ о ссудахъ. Изъ сего числа совѣтомъ отказано въ выдачѣ ссудъ по 182 ходатайствамъ, на сумму 2.103,330 руб. 36 коп.; разстроилось 100 сдѣлокъ послѣ разрѣшенія по нимъ ссудъ, на сумму 1.694,078 руб.; затѣмъ остается 3,667 разрѣшенныхъ ссудъ, на сумму 40.913,487 руб. 64 коп. По симъ послѣднимъ ссудамъ покупателями были: а) 1,050 сельскихъ обществъ (въ число покупокъ сельскими обществами включены покупки частями обществъ представляющими отдѣльныя поселенія); б) 2.125 товариществъ, и в) 537 отдѣльныхъ крестьянъ. Сельскія общества, товарищества и отдѣльные крестьяне, коимъ разрѣшены ссуды, составляютъ 143,894 домохозяйства, въ числѣ 456,705 наличныхъ мужскаго пола душъ. Приобрѣтено ими 965,888 дес. 18 саж. за 50.163,716 руб. 16 коп., причемъ банкомъ разрѣшено въ ссуду 40.913,487 руб. 64 коп., а 9.250,228 руб. 52 коп. составляютъ доплату покупателейъ. Изъ числа 3.667 разрѣшенныхъ ссудъ, на сумму 40.913.487 р. 64 к., выданы деньги по 2,853 ссудамъ на 32.553,388 руб. 64 к., такъ какъ только по симъ ссудамъ были совершены купчія крѣпости.

— Въ „Моск. Вѣд.“ сообщаются слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности извѣстнаго распространителя духовно-нравственныхъ книгъ г. Митрополова.

Съ 1881 года г. Митрополовъ состоитъ на службѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, завѣдывая Синодальною книжною лавкой въ С.-Петербургѣ. Ранѣе онъ занимался 19 лѣтъ поисками золота въ Сибири, по порученію нѣкоторыхъ знавшихъ его богатыхъ людей. Въ свободное отъ дѣла время, напримѣръ въ воскресные и праздничные дни, или же во время путешествій за поисками золота по безконечнымъ сибирскимъ рѣкамъ и непроходимымъ лѣснымъ дебрямъ, г. Митрополовъ любилъ читать сопровождавшему его рабочему люду духовно-нравственныя книги и вести собесѣдованія о христіанской жизни. Затѣмъ ему два раза приходилось сопровождать, по порученію Оберъ-Прокурора Св. Синода, ссыльно-каторжныхъ на островъ Сахалинъ (въ 1879 и 1880 годахъ), съ которыми во время путешествія онъ также велъ назидательныя бесѣды и читалъ полезныя книги. Все это было какъ-бы подготовленіемъ его къ той дѣятельности, которой онъ въ настоящее время посвятилъ себя съ такимъ усердіемъ. По поступленіи въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода

г. Митрополовъ составилъ записку на имя Оберъ-Прокурора Синода, въ которой изложилъ свои завѣтныя мысли о томъ, какъ пособить нашему простому народу выйти изъ того мрака невѣжества, въ которомъ онъ, къ несчастію, и по сіе время пребываетъ. Въ запискѣ своей онъ говорилъ о необходимости заохотить неграмотныхъ, даже и взрослыхъ, учиться грамотѣ, а въ грамотныхъ возбудить охоту къ чтенію; о томъ что необходимо озаботиться доставленіемъ народу возможности покупать хорошія книги по дешевой цѣнѣ; о даровой раздачѣ народу полезныхъ, назидательныхъ брошюръ; указывалъ далѣе на необходимость устройства дешевыхъ библіотекъ въ тюрьмахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, а для народа *подвижныхъ уличныхъ библіотекъ*, весьма практичныхъ, баснословно дешевыхъ. Эти библіотеки, будучи устроены повсюду въ Россіи, могли-бы приносить народу неисчислимую пользу.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, на возрѣніе, которой Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода представилъ означенную докладную записку, благосклонно отнеслась къ предпріятію Митрополова и соблаговолила положить начало оному, пожаловавъ 100 руб. сер. (сколько просилъ г. Митрополовъ). Это было 14 іюля 1881 года. Деньги эти и послужили фондомъ всему дѣлу, во главѣ котораго сталъ г. Митрополовъ.

По подписному листу, выданному г. Митрополову Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода на сборъ пожертвованій, таковыхъ собрано было имъ въ первомъ году 2.500 руб. Съ этими деньгами г. Митрополовъ началъ свою многополезную дѣятельность. Прежде всего онъ накупилъ дешевыхъ книжекъ и брошюръ разнороднаго содержанія, преимущественно религіозно-нравственныхъ, и съ этимъ *духовнымъ хлѣбомъ* сталъ обходить больницы, богадѣльни, тюрьмы и ночлежные дома въ Петербургѣ, всюду входя въ собесѣдованія съ народомъ, устроая дешевыя библіотеки и щедро раздавая приносимыя имъ брошюры. Даровая раздача практиковалась и въ другихъ мѣстахъ столицы: на постоялыхъ дворахъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ городскихъ садахъ и паркахъ и т. д. Всюду, гдѣ было возможно, г. Митрополовъ входилъ въ бесѣды съ народомъ. Но самое полезное дѣло придуманное имъ, это, безъ сомнѣнія, *подвижныя уличныя библіотеки*. Устройство ихъ всѣмъ извѣстно. *Первыя* библіотеки выставлены г. Митрополовымъ въ Петербургѣ на зданіи Святѣйшаго Синода и въ другихъ мѣстахъ. Г. Митрополовъ настаиваетъ на томъ, что было-бы совершенно воз-

можно и необходимо и церквамъ принять участіе въ вывѣшиваніи на церкви или оградѣ церковной для начала хотя-бы только воскреснаго или праздничнаго Евангелія, съ объясненіемъ, дабы всякій еще до начала литургіи могъ прочесть и *усвоить* дневное Евангеліе.

Продолжая свою полезную дѣятельность, г. Митрополовъ побывалъ въ шести губерніяхъ центральной Россіи. Всюду онъ раздавалъ брошюры, бесѣдовалъ съ народомъ и убѣждалъ заводить *умчмыя* бібліотеки. Во многихъ мѣстахъ таковыя и устроились, при его указаніи и содѣйствіи.

Въ программу своей дѣятельности г. Митрополовъ включилъ и вспомошествованіе бѣднымъ, по мѣрѣ поступающихъ въ его распоряженіе средствъ. Многимъ бѣднякамъ отеръ онъ слезы. Синодальная книжная лавка въ Петербургѣ стала мѣстомъ, куда бѣдняки начали прибѣгать не за брошюрками только (раздаваемыми даромъ), но и за денежною помощью. Эта сторона его дѣятельности привлекла въ Синодальную лавку и извѣстнаго даровитаго мальчика Солянышкина, бѣжавшаго отъ родителей и явившагося въ Петербургъ буквально безъ гроша. Мальчикъ этотъ, въ судьбѣ котораго принялъ близкое участіе Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, въ настоящее время обучается въ придворной иѣвческой капеллѣ, состоя пансіонеромъ Его Императорскаго Величества.

Еще болѣе развилась дѣятельность г. Митрополова, когда Богъ послалъ благотворителя въ лицѣ Московскаго купца г. Кузнецова. Этотъ добрый человекъ, узнавъ ближе г. Митрополова, сталъ выдавать ему ежегодно весьма значительныя суммы на распространеніе въ народѣ брошюръ и книгъ, и на вспомошествованіе бѣднымъ. Въ настоящее время немного уже осталось губерній, которыхъ не посѣтилъ г. Митрополовъ, и гдѣ имя его не произносилось бы съ признательностію. Такимъ образомъ, *сто* рублей, данныя Государыней Императрицей, послужили какъ-бы благословеніемъ свыше; много, много добраго сдѣлалъ г. Митрополовъ на тѣ средства, которыя получалъ. Много добраго посѣялъ онъ на землѣ Русской. Сѣяніе его, несомнѣнно, принесетъ и добрый плодъ.

ОТЪ УЧЕБНАГО МАГАЗИНА

„НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА“

Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ,

Москва, Кузнецкій мостъ.

Магазинъ всегда имѣетъ наготовѣ учебники по всѣмъ предметамъ учебнаго курса среднихъ и низшихъ школъ. Учебники имѣются и въ переплетахъ, — въ 12 и 15 к. Въ магазинѣ имѣются всѣ необходимыя для школъ учебныя пособія и канцелярскія принадлежности, (бумага писчая, тетради, перья, карандаши, ручки, сухія чернила, асбидныя доски, грифеля, перочинныя ножи и проч.) весьма умеренныхъ цѣнъ. Магазинъ высылаетъ, по требованію, на какую-бы то ни было сумму, всѣ находящіеся въ продажѣ книги, учебныя пособія и канцелярскія принадлежности. Земскія управы, Училищныя Совѣты, Гимназіи, народныя и церковно-приходскія школы получаютъ значительной уступкой съ книгъ, сообразно суммѣ заказа, во всякомъ случаѣ, не менѣе 10%, за исключеніемъ изданій Св. Синода. Пересылку книгъ по учебнымъ пособіямъ — почтою, или желѣзною дорогою, магазинъ на свой счетъ не принимаетъ. Требования исполняются безотлагательно и аккуратно при полной ответственности магазина. Каталоги магазина высылаются, по требованію, бесплатно.

ИЗДАНІЯ УЧЕБНАГО МАГАЗИНА „НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА“:

Горбовъ. Русская исторія для народ. школъ. Изд. 2-е. Цѣна 20 к. Егоровъ Ѡ. И. Краткое руководство ариметики: *Выпускъ первый*. — Задачи, вычисленія и другія упражненія въ предѣлахъ первой сотни. Изд. 3-е. 1886 г. Цѣна 30 к. *Выпускъ второй*. — Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 2-е. Цѣна 30 к. *Выпускъ третій*. — Задачи, вычисленія и другія упражненія на отвлеченныя и именованныя цѣлыя числа. 1886 года. Цѣна 30 к. Зимницкій. Условія и приемы объяснительнаго чтенія. Изд. 4-е. 1886 г. Цѣна 75 к. Крыловъ свщ. Сокращенная практическая славянская грамматика съ систематическими, славянскими и русскими примѣрами, изборниками и словарями. 1886 г. Ц. 60 к., *Элементарный курсъ Закона Божія, Первый годъ ученія*. — Молитвы на славянскомъ и русскомъ языкѣ, съ объясненіемъ ихъ и прибавленіемъ разсказовъ изъ жизни Господа нашего Исуса Христа и Пречистой Его Матери и Символа вѣры. Изд. 3. 1886 г. Ц. 10 к. Крыловъ свщ. *Второй годъ ученія*. Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета, съ приложеніемъ карты Палестины. Изд. 3-е. 1886 г. Цѣна 25 коп. *Третій годъ ученія*. — Символь вѣры, десять заповѣдей и Церковное Богослуженіе. Изд. 2-е. 1886 г. Цѣна 20 коп. Пшеничниковъ свщ. Богослуженіе Православной Церкви, руков. для городскихъ и сельскихъ школъ. 1886 г. Цѣна 20 к. *Подвижная азбука* въ листахъ 4 листа печати, шрифта, цифры и знаки препин. Цѣна 20 к. — Въ коробкахъ разрѣзан. и наклеен. на картонѣ. Цѣна 60 коп. и 1 руб. Савенко. *Объяснительное чтеніе*. Христоматія для первоначальн. занятія русскимъ языкомъ. Изд. 3-е. 1886 г. Цѣна 75 к. Тихомировъ Д. И. Букварь для обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и счету, для народныхъ школъ. Изд. 13-е. 1886 г. Цѣна 20 к. *Азбука церковно-славянская*. 1886 г. Цѣна 6 к. *Книга для церковно-славянскаго чтенія*, руков. для учениковъ. Изд. 3-е. 1885 г. Цѣна 30 к. *Книга для церковно-славянскаго чтенія*, руков. для учителей. Изд. 2-е. 1886 г. Цѣна 1 р. *Элементарный курсъ грамматики* для городскихъ и двухклассныхъ школъ. Изд. 14-е. 1886 г. Цѣна 20 к. *Начатки грамматики*, руководство для сельскихъ школъ. Изд. 2-е. 1886 г. Цѣна 15 к. *Азбука правописанія. 1-я*. Сборникъ статей и примѣровъ для диктанта на употребленіе буквъ. Изд. 11-е. 1886 г. Цѣна 35 к. *Азбука правописанія 2-я*. Статьи примѣры на знаки препинанія. Изд. 5-е. 1886 г. Цѣна 40 к. *Руководство къ букварю*. Методика первоначальнаго обученія грамотѣ и счисленію. Изд. 8-е. 1886 г. Цѣна 30 к. *Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку*. Изд. 6-е. 1884 г. Цѣна 55 к. *Начатки географіи* для народныхъ школъ. Изд. 2-е. 1886 г. Цѣна 25 к. Тихомировъ А. *Прописи для народныхъ школъ*. 1886 г. Цѣна 10 к.

На пересылку книгъ нужно прилагать приблизительно 15 к. на рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДВУХЪ-НЕДЕЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬѢ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“

Журналъ будетъ издаваться съ 1-го января 1887 г. „ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“ преимущественно предназначается для чтенія въ христіанской семьѣ. Сообразно главной своей цѣли, онъ имѣетъ помѣщать на своихъ страницахъ все, что способствуетъ религіозно-нравственному развитію читателей, подъему религіознаго чувства и удовлетворенію законной любознательности человѣка. Имѣя въ виду читателей съ разнымъ развитіемъ, журналъ будетъ давать разнообразное чтеніе примѣнительно къ мѣрѣ познаній и требованій читателей. Желая дать чтеніе общепользное, разнообразное и занимательное, редакція намѣрена привлечь лучшія силы язъ нашего просвѣщеннаго, богословско-литературнаго міра. Редакція располагаетъ уже въ значительномъ количествѣ художественными рисунками и картинами духовнаго содержанія. Между прочимъ, редакція задается цѣлю познакомить читателей съ многочисленными святынями нашей первопрестольной столицы — Москвы.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Литературный отдѣлъ: 1) *Церковь Христова въ ея прошломъ*. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской церковной и гражданской. 2) *Церковь Христова въ ея настоящемъ*. Жизнеописаніе служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) *Христіанское Богомужество*. Исторія его и значеніе. 4) *Христіанское искусство*. Исторія его и современное состояніе. 5) *Церковная географія*. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) *Евангельская проповѣдь*. Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣрованій инородцевъ. 7) *Христіанская мысль*: вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. 8) *Естественное богословіе*. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Духовныя размышленія, стихотворенія. 9) *Религіозно-нравственная оцѣнка* художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 10) *Церковно-бытовая жизнь*: повѣсти, рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни. 11) *Извѣстія и замѣтки* о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. 12) *Библиографія*: новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ. 13) *Переписка съ читателями*: отвѣты на разные вопросы и недоумѣнія въ области духовно-нравственной.

II. Иллюстрація: 1) Изображенія св. угодниковъ Божіихъ, виды св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари. 2) Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и проч. Типы инородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры. 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. 4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

III. Объявленія.

Подписная цѣна съ пересыл. за годъ — 4 руб. за полгода 2 руб.

Подписка принимается въ МОСКВѢ, — въ редакціи „Воскреснаго дня“ (Ножевники, квартира священника Троицкой церкви) и въ СЕРГІЕВСКОМЪ ПОСАДѢ (Москов. губ.) въ редакціи „Троицкихъ Листковъ“.

Въ редакціи продаются первые три выпуска (I—VII гл.) „Общедоступнаго Истолкованія Евангелія отъ Матвея“. С. Уварова цѣна 50 коп.

Редакторъ-издатель свящ. С. Уваровъ.

ОБЪЯВЛЕНІИ.

НА ДНЯХЪ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ КНИГА,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

**ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ РУССКАГО ПАСТЫРЯ
О
СВЯЩЕННОМЪ ВОСТОКѢ.**

Священника Александра Анисимова. 1886 г. въ 8-ю д. л.
535 стр. ц. 2 р. съ перес.

Съ требованіями обращаться въ г. Изюмъ къ автору.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИЗНЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Опытъ историко-критическаго изложенія
Евангельской исторіи,

съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени.

Священника М. Буткевича.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

С.-Петербургъ. Изданіе книгопродавца *И. Л. Тузова*.
Цѣна 4 руб.

СОЛНЫШКО.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ.

Составилъ А. Радонежскій.

Изданіе второе. Одобрена учебнымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для класснаго и внѣ класснаго чтенія. С.-Петербургъ 1880 г.

Цѣна 60 копѣекъ.

КНИГА ТОГО - ЖЕ ИЗДАТЕЛЯ

„РОЩИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ,
устномъ и письменномъ изложеніи.

въ 3-хъ частяхъ

Съ соизволеніемъ Его Императорскаго Высочества Государи Наслѣдника Цесаревича,
посвящена Августѣйшему Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

Цѣна 75 копѣекъ.